

милорад

СТАВИЧ

Уникальный

Fig. 20, 39

Суть в том, что наш способ чтения, который практиковался в течение тысячелетий, в настоящее время уже устарел и может быть изменен. Для этого писатель должен уступить часть своей работы читателю, сделав его равноправным участником процесса создания литературного произведения. Надо предоставить читателю возможность самому прокладывать себе путь в романе, стихотворении или рассказе, содержание которых может меняться в зависимости от того, какая карта чтения будет выбрана.

Милорад Павич

Ceci n'est pas une pipe.

Title : Unikal'nyĭ roman

Author: *Pavić, Milorad.*

милорад ПАВИЧ

Уникальный роман

амфора

С А Н К Т - П Е Т Е Р Б У Р Г

2010

УДК 82/89
ББК 84(4С)
П 12

МИЛОРАД ПАВИЋ
Уникат:
роман-дельта

Перевела с сербского Лариса Савельева

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»*

Павич М.

П 12   Уникальный роман: Роман-дельта / Милорад Павич ;
[пер. с серб. Л. Савельевой]. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора,
2010. — 351 с.

ISBN 978-5-367-01597-3

В своем «Уникальном романе» знаменитый сербский писатель Милорад Павич (1929–2009) снова зовет читателей к соучастию в создании книги. Перед вами детективный роман без однозначной развязки. Вы можете выбрать один из ста (!) возможных вариантов или же написать свое решение на специально отведенных для этого страницах.

УДК 82/89
ББК 84(4С)

ISBN 978-5-367-01597-3

© Павић М., 2004
© Савельева Л., перевод на русский язык, 2006
© Оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2010

ИНСТРУКЦИЯ ПО ЧТЕНИЮ ЭТОЙ КНИГИ

Писатель послушался древней мудрости, которая гласит: конец — делу венец, он же делу конец. Поэтому этот роман не таков, как остальные книги. Для каждого читателя он кончается по-разному, каждого читателя ждет свой конец истории.

Чтобы убедиться, что это действительно так, достаточно взять экземпляр книги у друга или подруги. И тогда вы увидите, что исход будет не таким, как в вашем экземпляре. И так сто раз. Сто разных окончаний. Как сто дукатов, которые в одной сказке получил бедняк за волшебную птицу. Поэтому экземпляры этого романа-дельты пронумерованы, от 1 до 100. И что вам суждено, то и достанется. Как и в жизни.

Но учтите, для того чтобы прочитать и распутать интригу этой книги, вам вовсе не нужна чужая развязка. Удовлетворитесь собственным финалом, чужой вам ни к чему.

Разве что у вас есть кто-нибудь, с кем вы обычно обмениваетесь любимыми книгами.

I

Улыбка ценой в пятьдесят долларов

1

«Kenzo»

2

«Old Spice»

3

«Poison»

1

«Kenzo»

Александр — андрогин. Одни называют его именем Алекса, другие — Сандра. Итак, Алекса Клозевиц (alias* Сандра Клозевиц) в настоящий момент сидит в кофейне «Три кошки» и как раз заказывает красивой чернокожей официантке кофе с молоком и булочку из дрожжевого теста. У Алекса серьга в одной из бровей, на нем голубая рубашка и джинсы. И очень низкие черные мокасины на босу ногу. У него красивые усики, приклеенные не к верхней губе, а прямо к улыбке.

— Что на мне сегодня? — спрашивает его негритянка. Ее улыбка усиков не имеет. Ее улыбка — в стихах.

---

* При другом случае (лат.).

— Августа, Августа, я еще в дверях заметил, что сегодня ты переоделась. Проверим... Ну конечно, сегодня у тебя капля «Амслера» на запястье. И где-то еще. Неплохо. «Jean Luc Amsler»!

Алекса на полуслове прерывает свои наблюдения, потому что за его спиной в кофейню входят два прекрасно одетых парня. На каждом костюме ценой в 500 долларов, который сидит так, словно за него заплачена вся тысяча. Прежде чем Алекса видит их в зеркале напротив двери, его нюх идентифицирует их по запаху. У одного на голове стрижка борца сумо, которая стоит столько же, сколько и очень дорогие туфли на его ногах, пахнет от него «Kenzo». Второй — чернокожий, с улыбкой ценой не меньше 30 долларов за штуку, а вместо рубашки на нем золотая цепочка. Его запах — эликсир «Calvin Klein».

В тот же миг Алекса кричит официантке:

— Еще одну булочку, пожалуйста! — и шмыгает за дверь, на которой написано «WC».

Оба типа переглядываются и, сев, не сводят глаз с этой двери. За ней Алекса торопливо стягивает синюю рубашку, остается в красной женской блузке с пришитой изнутри поролоновой грудью, вытаскивает из сумки и надевает на голову черный парик, сумку выворачивает наизнанку, отчего она превращается в лакированную дамскую сумочку, куда он сует мокасины. Алекса остается босым, с кричаще покрашенными ногтями. Отдирает наклеенные усики, снимает с брови серьгу, подкрашивает губы и вы-

скакивает наружу. На лету бросает на стойку купюру и с восклицанием «Августа, детка, сдачи не надо!» выбегает из кофейни, подняв руку, чтобы остановить такси...

Два парня ошарашенно наблюдают эту сцену. И только когда Августа раздражается смехом, который тоже в стихах, они вскакивают как ошпаренные и несутся за Алексой, который теперь стал Сандрой. После короткой погони негр хватает его, срывает парик и говорит:

— Не создавай нам проблем, а то получишь две оплеухи. Одну черную и одну желтую. О'кей? А теперь слушай! Кое-кто хочет тебя видеть. Ты знаешь кто и знаешь зачем. В твоих интересах вести себя спокойно.

Они приводят его в букинистический магазин. В задней комнате пахнет сигарами. В этом запахе сидит огромный господин, он поигрывает машинкой для обрезания сигар. Он окружен полумраком, в котором поблескивают золотые надписи на хребтах стоящих по полкам книг. В городе все зовут его сэра Уинстон, известен он тем, что всегда заранее знает, кто когда будет убит.

— Выглядите вы не блестяще, господин Клозевиц, — произносит он спокойным голосом. Пальцами без ногтей вытаскивает из сияющей прозрачной тубы с надписью «Partagas» свой томпус, отрезает изрядную часть толстого конца, осторожно кладет тубу на стол и закуривает сигару. — Вы только

посмотрите на себя, — добавляет он, махнув рукой в сторону Алексы, который стоит перед ним растрепанный, без парика, с грязными босыми ногами, с размазанными по лицу белилами и помадой. — К тому же вы мне должны, и должны, и должны, а все сроки прошли. Чем вы, в сущности, занимаетесь?

— Я занимаюсь торговлей, — отвечает Алекса застенчиво, достает из сумочки мокасины и обувается. — Вообще-то, — добавляет он, — в вашем зеркале видно, чем я занимаюсь. — И он подходит к большому зеркалу, которое висит на полках прямо поверх книг.

Все как по сигналу оборачиваются в его сторону. Там, в хрустальном стекле, вместо физиономии растрезанного Алексы отражается лицо прекрасной, тщательно ухоженной женщины в белом платье. Она из тех, кто сердцем способен раскалить печь. Ее собранные в пучок волосы скреплены развернутым веером, усыпанным звездами созвездия Рака...

Преодолев минутное изумление и замешательство, господин с сигарой первым приходит в себя. Он пытается улыбнуться, но вместо этого чихает и говорит:

— А, значит, фокусы. Ловко, очень ловко, господин Клозевиц. Но чем бы вы ни торговали, дела ваши идут неважно. Так вы никогда не сможете вернуть мне долг. Придется нам договариваться по-другому, в противном случае дело плохо. Вы согласны?

Алекса кивает головой, а господин с сигарой достает из выдвижного ящика две фотографии и один ключ. Через стол протягивает их Алексе. Затем говорит:

— Итак, предлагаю вам сделку. Имеются две персоны — вот эти, на фотографиях, — которые нам очень мешают. Одна дама и один господин. Вы должны их устранить. Причем раз и навсегда. Здесь их адреса и имена. Кстати, этот ключ от личного лифта интересующего нас господина, в его офисе. О'кей? Мы договорились? Лучше вы их, чем мы вас, господин Клозевиц. Чтобы быть уверенным, что вы меня поняли, я вам кое-что покажу...

С этими словами человек оборачивается к негру и спрашивает:

— Ты какой рукой стреляешь, Асур?

— Правой.левой бросаю нож.

— А ты, Ишигуми?

По лицу Ишигуми разливается божественная улыбка ценой в 50 долларов. Он говорит:

— Я стреляю правой, хозяин. И попадаю с первого выстрела. Так что левая мне ни к чему.

— Вот и давай левую, чтобы дело не пострадало.

И как только Ишигуми протягивает левую руку, хозяин молниеносным движением машинки для обрезания сигар отхватывает ему первую фалангу мизинца и двумя пальцами поднимает ее, окровавленную, вверх.

Ишигуми извивается от боли, запах его «Kenzo» становится сильнее, он сует остаток мизинца в рот и поспешно выбирается из комнаты. Хозяин аккуратно опускает кусок мизинца Ишигуми в прозрачную тубу с надписью «Partagas», закрывает пробкой и протягивает Алексе:

— Это вам на память, господин Клозевиц, чтобы не забыли о нашем договоре. Как видите, в этой тубе хватит места еще и для двух ваших мизинцев или чего-нибудь другого, что засунет сюда господин Ишигуми, если вы не сделаете дело, в котором мы заинтересованы. Теперь можете идти. Желаю вам удачного дня...

Алекса выходит на улицу, освещенный солнцем проходит несколько шагов, сворачивает за угол, останавливает наконец-то такси и открывает тубу с мизинцем Ишигуми. С гадливостью нюхает его и выбрасывает через окно на улицу, пробормотав:

— Обычный резиновый палец. И на это он хотел меня поймать. Будто у меня нюха нет.

2

«Old Spice»

На фотографии мужчина среднего возраста, его лицо торчит над рубашкой «Armani» и словно говорит: «Не нужно думать. Стоит начать думать, как понимаешь, что ты глуп». На обороте написано: «Исайя Круз, управляющий букмекерской конторой, городской ипподром».

Фотографию и маленький ключ Алекса кладет в карман, цепляет на улыбку пару уже известных нам неотразимых усиков и отправляется на ипподром. Ознакомиться с местом действия. Потому что он знает: тип с сигарой не шутил. И придется его слушаться. По крайней мере некоторое время.

Административное здание ипподрома четырехэтажное, на четвертом расположен офис управляющего. В лифте три обычные кнопки, четвертой можно пользоваться только с помощью ключа. Алекса сует ключ в прорезь возле кнопки с номером четыре. Ключ подходит в точности, но Алекса не поворачивает его, потому что тогда лифт отвезет и высадит его прямо в кабинете господина с фотографии. Он сует ключ обратно в карман и направляется в сторону трибун.

Сейчас забегов нет. Несколько лошадей рысью скачут по дорожкам. Пахнет мужским потом жеребцов и резким запахом кобыл-однолеток... Алекса сворачивает в сторону, полный решимости искать дальше и, по возможности, увидеть господина Круза. Расследование приводит его на поле, где проходят собачьи бега. Там уже собралась публика. Сейчас здесь идет гонка английских борзых. Они несутся как заведенные за электрическим зайцем.

Алекса между скамьями проходит на газон вокруг поля. Под одним из солнечных зонтов он замечает огромную царскую борзую. Собака совершенно белая, она стоит возле стола, рядом с которым развалился в плетеном кресле знаменитый оперный певец Матеус Дистели. Его золотая грива сияет на солнце подобно ореолу, и выглядит он неотразимо, даже еще лучше, чем на сцене. На столе перед Дистели табакерка в форме золотого яйца. Дама средних лет, которая сидит рядом с ним, только что закончила есть пирожное. Сейчас она протягивает руку к бор-

зой, которая кладет морду на ее ладонь, и дама, глядя в ее глаза, как в зеркало, подправляет помадой губы. Теперь они похожи на клубнику.

В этот момент до Алексы Клозевица долетает с их стороны дуновение ветра, он приносит запах нюхательного табака вместе с чем-то, напоминающим кокаин, собачей шерсти, сильно пропитанной духами «Bvlgary», а кроме того, имя дамы средних лет, к которой обратился сидящий рядом с ней красавец:

— Лемпицка! Надень туфли!

И только он успевает подумать, что на сцене голос Дистели звучит по-другому и что сегодня тот, кажется, немного охрип, как тот же самый ветер доносит до него вонь потной шерсти несущихся английских борзых и запах невероятно старомодного лосьона после бритья «Old Spice». Алекса оборачивается и ухватывает почти на лету образ того самого человека с фотографии. Исаяя Круз ростом оказывается ниже, чем можно было бы предположить. Рубашка на нем из тех, что стоят бешеных денег, но сидит как ворованная...

Алекса решает, что на сегодняшний день, пожалуй, хватит. На выходе он оглядывается и ищет глазами тех троих: Матеуса, Лемпицку и русскую борзую. Борзая греет длинную, как бутылка шампанского, морду между ногами своего хозяина. Лемпицка снова сбросила туфли и под столом потирает одну ногу о другую. На бега она вообще не обращает внимания. В этот момент она слепа, как время.

3

«Poison»

Алекса Клозевиц и этим утром сталкивается с обычными сложностями процесса бритья. Его отражение в зеркале, по имени Сандра, опять вызывает у него затруднения. Ввиду того что любое зеркальное отражение должно повторять все движения, красавица в зеркале начала расчесывать свои прекрасные волосы темно-синего цвета — стоило ему взяться за бритье головы, а пока он наносит на лицо пену для бритья, она покрывает белилами щеки. Из-за нее Алексе в зеркале ничего не видно, и бреется он фактически вслепую. Тогда она говорит ему:

— Ты действительно собираешься сделать это?

— Как тебе известно, выбора у меня нет, наши проекты слишком дороги, — резко отвечает он.

— Это тебя не оправдывает. Я в этом участвовать не желаю. Ты, а не я решил пойти на такие долги.

— То, что ты говоришь, просто смешно, принимая во внимание, что мы с тобой одно, единое андрогинное существо.

— Именно поэтому ты прекрасно знаешь, что я могу сделать с тобой, если решу тебя сглазить.

— Ничего у тебя не выйдет, потому что я обрил голову. Любой твой сглаз теперь скользнет мимо меня...

Прежде чем выйти из комнаты, он прыскает себе за ухом и на запястье «Enverguire» парижского производства «Bourjois», а Сандра в зеркале, подражая его движениям, наносит на те же места свой аромат — «Antracite».

После этого Алекса прилепляет усики и выходит. На фотографии, которая лежит у него в кармане сегодня, изображена женщина в лучшие годы жизни, с неотразимой улыбкой. Эта улыбка пробивает дырочки на щеках и проскальзывает в кольца серег. Ее имя Ливия Хехт, а рабочее место — на восемнадцатом этаже банка «Plusquam city». Она председатель совета директоров этого учреждения.

К зданию банка ее привозит «мерседес», и, прежде чем она влетает в холл своего финансового храма, Алексе удается отметить несколько деталей ее внешности. Улыбка леди Хехт прерывается, не достигнув полного воплощения, словно откушенная, ее остаток остается на ее лице, как вспоротая рыба. Глаза леди

Хехт, цвета фиалки, приказывают без слов: «следуйте за моим взглядом» и переводят ее немецкое лицо на французский, а в ее духах «Poison» содержится примесь какого-то другого запаха, который не позволяет «Poison» выразить себя в чистом виде. Алексе пришлось бегом последовать за ней в холл, который походит на вывернутый наизнанку корпус огромного судна, и еще раз за спиной леди Хехт вдохнуть ее ароматный след, чтобы понять, в чем дело. Теперь он знает. К дамскому запаху этой леди примешан запах какого-то джентльмена. Запах довольно банальный — «Dolce&Gabbana».

Итак, поверх своих духов «Poison» леди Хехт носит мужской аромат «Dolce&Gabbana». Следовательно, сейчас нужно найти владельца этого второго запаха.

День за днем уходит у Алексы Клозевица на поиски в холле и на разных этажах банка «Plusquam city». В одной из очередей перед окошечком кассы он натывается на пахучий след «Dolce&Gabbana», но им отмечена какая-то пожилая дама, которая в то утро по ошибке взяла флакон мужа вместо своего. В следующий раз запах «Dolce&Gabbana» окутывает Алексу Клозевица в лифте, но исходит он от некоего старого господина, который дышит с сипением, похожим на блеяние. Наконец Алекса попадает в отдел сейфов. Здесь, разговаривая со служащей, он обнаруживает в соседнем помещении зеленоглазого красавца с резиновым взглядом, это шеф осо-

бого отдела, где находятся сейфы высокой степени надежности. Алексу охватывает соблазн наброситься на него, но он вовремя берет себя в руки, почувствовав, что красавец, чье имя — Морис Эрланген — написано на табличке возле входа, пользуется ароматом «Dolce&Gabbana». Через стеклянную дверь видно, что в рабочем помещении господина Эрлангена трудится и его помощница, мулатка с египетским затылком, которого можно добиться, если, лежа спать, класть под шею вместо подушки металлический полумесяц.

В этот момент звонит телефон и служащая передает господину Эрлангену просьбу прибыть на этаж леди Хехт. С ним хотят проконсультироваться.

Зеленоглазый господин выходит из своего кабинета и быстрым шагом проходит мимо Алексы. Эрланген настоящий красавец с головой мраморной женской статуи на мускулистом теле. «Dolce&Gabbana» на коже господина, чье имя стоит на табличке, струится за ним божественной волной и вводит Алексу Клозевица в полубессознательное состояние. Но в этом запахе присутствует и что-то еще. Дело в том, что господин Эрланген в своем мужском аромате носит какой-то другой аромат, женский. Алекса с изумлением понимает, что это не «Poison» леди Хехт, которая пригласила господина Эрлангена в свой кабинет «на консультацию» и которая носит его запах поверх собственного. От господина советника, отвечающего за сейфы повышенной надежности, пахнет

духами «Dune», то есть запахом какой-то другой женщины.

Алекса Клозевиц выходит, потирая руки. Операция с запахами дала математически точный результат. Леди Хехт проявляет великолепный вкус при выборе любовника. А у господина Эрлангена любовниц больше чем одна. Кроме леди Хехт с ее духами «Poison» есть еще кто-то, кто пользуется духами «Dune».

Перед банком Алекса Клозевиц поднимается на открытый верхний этаж городского автобуса и садится. Подносит к глазам свою руку и впивается взглядом в мизинец. Он сосредоточенно представляет себе боль при отрезании этого пальца. Когда воображаемая боль становится достаточно сильной, он начинает ее перемещать. Перебрасывает боль с мизинца на ухо, потом на колено, на левый глаз, сжимает ее на языке и наконец со всей силой выплевывает ее с языка на улицу, как жевательную резинку.

Потом с облегчением принимается напевать арию из оперы Мусоргского «Борис Годунов».

II

Золотое яйцо для нюхательного табака с кокаином

1

«Hugo Boss»

2

«Addict Dior»

3

«Magnum»

1

«Hugo Boss»

После спектакля, уставший и расстроенный звучанием голоса, который отдает хрипом и болезнью, хотя со сцены этого не слышно, Матеус Дистели возвращается домой. В квартире вошедшая вместе с ним борзая начинает лаять. Из глубины огромной грудной клетки животного доносятся звуки, похожие на раскаты грома. А затем события развиваются с такой скоростью, с какой, наверное, в период возникновения Земли стремительно сменялись годы.

Прежде чем певцу удастся что-то предпринять, борзая нападает на неизвестную персону, которая в полумраке передвигается по комнате. Чтобы защититься от зверя, персона с криком: «Спаси меня! Спаси меня!» — повисает на шее Дистели, и он,

чтобы защитить ее, поворачивается к борзой спиной. В его объятиях — красавица грабительница.

В знак благодарности ее синие глаза смотрят на него томно, ее руки, нежно обнимающие его шею, вовлекают его в мягкий поцелуй, верхняя губа горячая, нижняя — холодная, между ними — сладкий язык. Этим поцелуем она как опиум вдыхает в себя запах духов певца «Hugo Boss». Но певцы знают разницу между языком и сопрано, и альты, и баритона, и баса. Поэтому Дистели в этом страстном поцелуе распознает мужской язык тенора.

Он прерывает поцелуй и резким движением срывает с головы грабителя парик. Обнажается обритая мужская голова.

— Черт побери, кто вы такой и что вам нужно в моей квартире?

— Кто я такой? Один из ваших поклонников.

— Так может сказать каждый. Но это не повод грабить мою квартиру.

— Это не ограбление. Выслушайте меня.

И незнакомец начинает, причем великолепно, одну из арий, которую Дистели исполняет в опере как раз в этом сезоне. Причем со всеми особенностями его трактовки Мусоргского. Правда, у неизвестного грабителя не бас, а тенор. Это немного смешно, кроме того, Дистели ревнив к чужому хорошему пению и оно его раздражает. В середине арии он выхватывает у незнакомца женскую сумочку, открывает ее и извлекает оттуда свою золотую табакерку в виде яйца.

— Говорите, не ограбление? А это что?

— Просто я фетишист, — объясняет мужчина, — и мне хотелось иметь какой-нибудь принадлежащий вам предмет. Это первое, что попало мне под руку. Дайте мне что-нибудь другое, если вам ее жалко. Все равно что. И вовсе не обязательно дорогое...

Борзая тем временем продолжает лаять, а Дистели со словами, что сейчас вызовет полицию, идет к телефону.

— Не надо, прошу вас. Я могу кое-что предложить вам взамен.

— И что же это такое?

— Номер одного телефона.

— Зачем он мне?

— Этот номер дороже золота, и узнать его хотел бы каждый. Это номер телефона торговца будущим. Он может продать вам несколько минут вашего будущего, причем переместив его в ваше настоящее... Почему бы вам не попробовать? А от полиции вам никакого проку не будет, я для них слишком мелкая рыбка, хотя, согласитесь, рыбка вполне ничего себе!

С этими словами незнакомец натягивает черный парик, с чарующей улыбкой диктует Дистели, записывающему на мобильный, обещанный номер и уходит.

Номер звучит так: 0389-430-23001.

«Addict Dior»

Ложу оперы захлестывает волна духов «Addict Dior», за ним появляется и сама мадам Маркезина Андросович-Лемпицка. На ее лице «умная» пудра, которая выравнивает блеск жирных и нежирных участков кожи, на ней платье от «Philosophy». Спектакль вот-вот начнется. Сегодня дают оперу Мусоргского «Борис Годунов». Мадам Лемпицка рассеянно садится, смотрит в программку, читает:

«Драма Пушкина „Борис Годунов“ написана в 1825 году на основе исторических сведений, вычитанных автором у Карамзина и в „Истории Петра Великого“, опубликованной анонимно в Венеции в 1772 году. Тема — XVII век, правление русского царя Бориса Годунова, который пришел к власти,

убив малолетнего царевича Димитрия. Самозванец Гришка Отрепьев свергает Годунова, выдав себя за царевича Димитрия, которого Бог якобы спас от рук убийц. Взойдя на российский престол, самозванец женится на ясновельможной пани Марине Мнишек-Сандомирской.

Прочитав драму, русский царь Николай Первый, который после возвращения Пушкина из ссылки взял на себя роль цензора его произведений, предложил автору переработать ее в прозе и спросил, считает ли он ее комедией или трагедией. Поэт не согласился на переработку, и драма была запрещена.

Русский композитор Модест Мусоргский в 1868 году написал по драме Пушкина оперу „Борис Годунов“...»

В этот момент свет гаснет и начинается пролог, где действие происходит на монастырском кладбище. Лемпицка с трепетом ждет появления на сцене своего любовника Дистели, который сегодня вечером поет заглавную партию. Во время спектакля она с тревогой видит, что во время пения он пользуется магическими приемами: тайком целует ноготь своего большого пальца, держится за пуговицу расшитой золотом одежды. Поет он по-итальянски. Она кожей чувствует, как все завидуют Дистели и как ненавидят его коллеги-соперники. Она умеет в нюансах различать цвета всех этих разновидностей ненависти и с ужасом думает о том, что от

ненависти, как и от попавшей в туфлю воды, никуда не денешься.

После окончания спектакля и нескольких выходов певца на авансцену она, видя, что Дистели перед слушателями больше не появляется, идет к нему в артистическую уборную. Это роскошные апартаменты, где перед зеркалом стоит бронзовая статуя певца в роли Фальстафа, на кушетке рекамеь расположена борзая, а через открытую дверь видна огромная ванная комната цвета кобальта, в которой рядом с ванной стоит мебель в стиле Людовика XVI. Заметно усталый, Дистели сидит, развалившись в кресле, перед ним на столике — стакан виски «Chivas Regal» и бокал игристого вина «Моёт». Он начал, но не закончил переодеваться, так что часть одежды на нем современная, а часть — костюм Бориса Годунова.

Мадам Лемпицка врывается в апартаменты, борзая прыгает, становится на задние лапы, целует ее в губы. Она на голову выше Лемпицкой. Лемпицка кричит:

— Хватит, Тамазар, хватит! — отпивает глоток виски из стакана Дистели, садится к нему на колени и с поцелуем возвращает ему виски. — Ты был великолепен, — шепчет она, — но не сиди так, одетым наполовину. Дьявол чаще всего нападает на человека, застигнутого на границе.

— На какой границе? — рассеянно спрашивает Дистели.

— На любой: на границе света и тьмы, на границе дня и ночи, одной ногой на своем, другой на чужом... Ты выглядишь усталым... Неужели так тяжело петь?

— Дело не в пении. Я не люблю эту роль. Кроме того, сегодня ночью я плохо спал, а несколько дней назад меня пытались ограбить. В квартиру залез вор.

— Ты сообщил куда следует?

— Нет.

— Нет? Почему?

— Я заключил с ним договор.

— Ради Всевышнего, как ты мог заключить договор с грабителем?

— Может, он и не грабитель. Может, просто хотел заполучить какую-нибудь мою вещь. И в знак благодарности сообщил мне один номер телефона. Это телефон торговца будущим.

— И ты собираешься позвонить этому шарлатану?

— Почему это тебя интересует?

— Потому что с тех пор, как мы знакомы, ты никогда еще не выглядел так плохо.

— Это всё мои ночные кошмары. Мне снится Пушкин, уже вторую ночь, сон с продолжением.

— Мне бы тоже Пушкин снился, если бы я отдавала столько времени и сил Мусоргскому, Борису Годунову и пушкинским паяцам... Перестань об этом думать, отвлекись, а я тебе помогу.

И Лемпицка начинает по очереди нежно посасывать пальцы Дистели. Закончив с одной рукой, прежде чем перейти к другой, она спрашивает его:

— А что тебе снилось? Говорят, когда сон расскажешь, весь его яд переходит в того, кому рассказал. Расскажи! Расскажи нам кусочек сна, мне и твоему псу, и мы с ним разделим этот яд...

— Мне снилась какая-то комната, возле окна стоял какой-то маленький, черный и очень кудрявый человек. Стоило мне там оказаться, как я понял, что это Пушкин. И все его называли Александр Сергеевич. Он смотрел на пургу и думал по-русски.

— Но ты же не знаешь русского.

— Не знаю ни слова, но во сне я понимал все, что он думал, а думал он стихами, звучными трохеями с ударением на конце каждого второго стиха. И все время думал о демонах. Как они кружат, словно хлопья снега...

Тут мадам Лемпицка перебивает его:

— Я знаю эти стихи наизусть:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То как зверь она завоет,
То заплачет, как дитя...

— Откуда ты это знаешь?

— Знаю. Достоевский использовал их в эпиграфе своего романа «Бесы»... И что было потом?

— Сон сначала был мутным, и все виделось словно сквозь воду. Потом постепенно прояснилось и становилось все яснее и яснее. Тогда я увидел, что в окне было еще одно, совсем маленькое окно, которое называется «форточка», и Пушкин его открыл. В комнату повалил снег.

«Как заманить одного из этих демонов и злых духов к себе в комнату, — говорит Пушкин у меня во сне, — и как его узнать, если он войдет? Как заставить его отвечать на твои вопросы? Что представляет собой дьявол? Дьявол ест, так же как и люди, но не может ничего переварить. Это оттого, что один только дьявол не участвует в общем мировом круговороте материи... И если он выпьет бокал красного токайского, вместо мочи из него выльется то же самое красное токайское».

— Фу! — реагирует мадам Лемпицка, а борзая, подумав, что это относится к ней, лениво слезает с кушетки и ложится на ковер.

— И все это ты узнал во сне? — спрашивает мадам Лемпицка.

— Да. Но тут сон прервался, а потом продолжился в одну из следующих ночей и становился все страшнее и страшнее.

— Почему? — перебивает его Лемпицка. — Что тут страшного?

— Страшно то, что в моем сне рядом с Пушкиным на диване спит огромная белая борзая с золо-

той головой, а я во сне хожу на цыпочках, чтобы эту борзую не разбудить, потому что, если она проснется, она кого-нибудь загрызет, я знаю это наверняка... К тому же Пушкин все время только и думает, как бы заманить к себе дьявола. Ужас!

— Но почему тебя так волнуют эти сны с Пушкиным? Неужели это так важно?

— Потому что он ищет встречи с дьяволом для того, чтобы получить у него ответ на вопрос, который мучает и меня: когда и как окончится моя жизнь? Может быть, ответ дьявола будет иметь силу и для меня, потому-то мне и снится этот сон...

— Ангел мой, но это же всего лишь стихи.

— Какие стихи? — спрашивает хрипло Дистели.

— У Пушкина есть стихотворение «Дорожные жалобы», в котором он и задает все эти вопросы: когда и где, в каком овраге закончится его жизнь? Совершенно ерундовое стихотворение, поэтому оно мне и запомнилось. В Вене я дружила с детьми русских эмигрантов, и вместе с Эрвином (моя близость с ним распространялась на все, что выше пояса) и Диттером (а с ним я была близка ниже пояса) мы перевели эти стихи на немецкий и отдали их под видом стихотворения одного немецкого поэта Лизе — она была дочерью русского белогвардейца и полной дурой. Мы предложили ей перевести стихотворение на русский и пообещали, что Диттер опубликует его в журнале... Получилась насто-

ящая комедия... А ты, ангел мой, все воспринимаешь слишком серьезно.

— Ты так думаешь потому, что тебе известно не всё. Есть кое-что еще, гораздо страшнее.

— И что же это такое?

— А то, что этот сон я купил.

— Ты покупаешь собственные сны? Не понимаю, как такое возможно?

— Этот сон я не должен был увидеть сейчас. Он должен был присниться мне только через три недели. Но я заплатил, чтобы это случилось еще прошлой ночью, то есть раньше времени.

— Что ты такое говоришь, ангел мой? Ну-ка посмотри на меня, на дне глаз, как на дне стакана с виски, всегда есть немного правды... Проверим... Знаешь что, я уверена, ты регулярно бываешь у этого торговца будущим, у этого шарлатана, который пятницу продает за вторник. И скрываешь это. Признавайся, ты звонил по телефону, который оставил тебе тот грабитель!

— А что, если это и так?

— Если ты ходишь туда, я пойду с тобой. Хочу посмотреть, что ему от тебя нужно. Это что, какая-то женщина?

— Нет. Но я должен приходить один. Это одно из условий.

— Одно из условий? Значит, есть и другие условия? То есть он тебя шантажирует! И наверняка требует денег. Только не говори мне, что он продал

тебе твой же сон и что ты был настолько глуп, что ему за это заплатил! Завтра пойдем вместе. Я хочу на него посмотреть.

— Завтра мы можем пойти вместе, но не к нему, а в больницу. Я записан к онкологу. Он будет смотреть мое горло.

— Онколог? — вскрикивает мадам Лемпицка, с ужасом глядя на Дистели. Она пытается проникнуть в тайну, которая кроется за этой страшной истиной. Она знает, что тайна всегда старше истины.

3

«Magnum»

Дорогая Лемпицка!

Не удивляйся, что пишу тебе электронное письмо, вместо того чтобы позвонить по телефону, но голос мне совсем отказал, поэтому я и отказался от мобильного. Можно было бы послать тебе SMS, но, как ты знаешь, я этого не умею. Поэтому мобильный я оставил дома. Это письмо я пишу тебе из больницы с помощью ноутбука, который взял с собой, потому что мне придется здесь задержаться. Я отменил все свои выступления на этот оперный сезон и вчера вечером снова лег в больницу, причем теперь надолго. Вообще-то, роль Бориса Годунова мне никогда особенно не нравилась. Анализы у меня плохие, но есть некто, кто облегчает мое положение. Это мой «торговец снами», как ты его назвала. И хотя тебе очень

не нравится, что я с ним вижусь и время от времени говорю по телефону, он научил меня, как обращаться с болью, которая становится все сильнее. Ее, как крут сыра, нужно поделить на небольшие части: таким образом, кусочек за кусочком, я смогу ее легче переварить. Он сказал, что болезнь имеет собственную душу. Она в нас работает на себя и борется с нашей душой. Тебе нужно доказательство того, что у болезни есть душа? Пожалуйста, оно лежит на поверхности: из всех клеток человеческого организма не поддается уничтожению только раковая клетка... То есть она вечна. Ночью у меня опять были страшные сны, мне опять снится Пушкин.

Он сидит у меня во сне, удобно устроившись в кресле XIX века, и смотрит на портрет своего прадеда, относящийся к XVIII веку. Перед ним какая-то шкатулка, наполненная старыми монетами, там же лежат несколько африканских игл. Пушкин задумчив, но на этот раз он думает не стихами и не по-русски. Представляешь, он думает по-французски! Вот уж не ожидал, что он во сне так хорошо знает французский. Хотя я все понял, мне осталось совершенно неясно, что же все-таки вертелось у него в голове.

«Немного африканской магии моего деда Ганнибала, — думал он, — и немного балканской магии графа Рагузинского не помешает...»

Вдруг Пушкин выкрикивает какое-то имя, да так громко, что чуть не будит меня.

— Арина Родионовна! Няня!

Появляется старушка, и он просит ее принести из кухни трех кукол, она приносит трех прекрасно сшитых тряпочных теток в широченных юбках, которыми во время еды накрывают чайник, миску с пирожками или вареными яйцами, чтобы они не остыли...

Как раз на этом месте сон прерывается, он вообще всегда прерывается на семьдесят первой секунде от начала. Но мне не жалко, что я проснулся, уж лучше пусть мои сны прерывает «торговец будущим», чем боль.

Собственно, из-за боли я и пишу тебе это письмо. Может случиться, что скоро боль станет невыносимой, и в таком случае мне понадобится твоя помощь! Пойди ко мне домой (ключи у тебя есть) и возьми из выдвижного ящика бара то, что завернуто в фиолетовый платок. И принеси мне. Будем надеяться, что мне это не понадобится, но на крайний случай хорошо иметь под рукой что-нибудь, что может положить конец боли. Я договорился с врачами, что послезавтра они отпустят меня на один час, поэтому прошу тебя, давай встретимся около пяти в кафе «Счастье начинается с Т», где мы с тобой обычно пьем чай. Ты передашь мне то, что завернуто в фиолетовый платок, а я открою тебе важную новость, которую берегу для тебя уже несколько дней. Это наконец-то хорошая новость, и связана она с моим здоровьем!

Люблю тебя. Навести Тамазара. Он живет сейчас у известной тебе немой Селины.

Твой Дистели

Со странным чувством, что время может остановиться и потом потечь в какую-то такую сторону, куда никогда не текло, мадам Маркезина Андросович-Лемпицка в назначенный день отправляется в квартиру Дистели, заходит к соседке — немой госпоже Селине поцеловать Тамазара, потом, как в незнакомую пещеру, входит в спальню певца, где в свое время провела немало прекрасных часов. На столе она обнаруживает раскрытую книгу «*Du bon usage de la lenteur*», присаживается перед баром на стеклянный бочонок, который служит табуретом, и из глубины выдвижного ящика достает нечто такое, отчего у нее прерывается дыхание. Дорогой револьвер «*Combat Magnum*», причем заряженный. В нем ровно шесть патронов. Он завернут в платок фиолетового цвета.

Волосы на ее ногах под чулками стоят дыбом, когда под огромной черной шляпой, полной волос и страха, входит она в тот слепополуденный час в полупустое и мрачное кафе «Счастье начинается с Т», заказывает капучино, бросает взгляд на свои часы «*Chopard*» и почему-то не может понять не только который час, но и чему служит этот предмет у нее на запястье.

«Что же с этим делают?» — спрашивает она саму себя, удивленно уставившись на циферблат и одновременно прикасаясь рукой к деревянному сиденью стула и безошибочно, только через прикосновение,

понимая, что сделано оно из древесины тиса. Потом, положив руку рядом со своей чашкой, она обнаруживает, что ей известно, из чего изготовлена столешница — из белого ясеня. Едва бросив взгляд, видит, что стены обшиты панелями из можжевельника. Они и пахнут можжевельником... Лемпицка не успевает удивиться своему неожиданно обострившемуся нюху, потому что в кафе входит Дистели. Торопливо обнимает ее и целует сначала в один висок, потом в другой, шепча изменившимся, хриплым голосом:

— Принесла?

Она протягивает ему фиолетовый сверток, и они садятся.

— Будешь что-нибудь пить? — спрашивает она, а он отрицательно мотает головой. Дистели бледен, смотрит как сквозь три ночи, но он красив, может быть, даже еще красивей, чем раньше, только уши у него стали прозрачными, через них видны его золотые волосы.

— Ты выглядишь невыспавшимся. Тебя опять мучают сны?

Он кивает головой.

— Прошу тебя, не спеши воспользоваться «магнумом». Даже если анализы совсем плохие... А какие они? — сама себя перебивает Лемпицка, на что Дистели наклоняется совсем близко к ее уху и шепчет:

— Хочу сообщить тебе важную новость. Я заполучил от торговца снами кусочек своего сна, кото-

рый будет сниться мне только через три недели. А я его увидел уже сейчас. И он тоже о Пушкине; там, в том сне, женщина-демон отвечает на его вопрос, как он умрет. Из этого следует, что теперь и мне известно, как умру я. Важнее всего то, что я умру не от горла! От этой болезни, которая меня мучает и удерживает в больнице, я вылечусь! Потому что предсказание, которое принес мне сон из моего будущего, говорит, что я умру от живота, а не от горла! Мне пора возвращаться. Приходи послезавтра ко мне в больницу. Может быть, я уже буду знать, когда меня выпишут!

— Давай я довезу тебя до больницы, — безуспешно пытается уговорить его мадам Лемпицка.

Дистели отвозит Лемпицку к ее сестре, там они прощаются, и он продолжает путь в одиночестве.

На небе мерцают звезды. Дистели мчится к ипподрому и там останавливается. Выходя из машины, он чувствует, что вдыхает мудрость осени, задерживает взгляд на дереве, уже поседевшем, а потом, воспользовавшись ключом для особой кнопки, поднимается лифтом прямо в кабинет управляющего букмекерской конторой господина Исаяи Круза. Он застает господина Круза бодрствующим над счетами и убивает его, выпустив ему в шею три пули из «магнума». После того как лифт достигает первого этажа, Дистели вытаскивает ключ из замочной скважины и бросает его на пол лифта. В это время суток на ипподроме никого из персонала нет, но Дистели у вы-

хода сталкивается с негритянкой в красной блузке и джинсах. Он торопливо удаляется, а она поднимает с пола ключ и едет на четвертый этаж.

Дистели опять в больнице. Револьвер с тремя оставшимися в барабане патронами он кладет в сейф своих больничных апартаментов и ложится в постель. Лежащий в постели в ожидании того, когда сны убьют в нем боль, он похож на бокал, в котором недопитое вино испарилось, ссохлось и превратилось в цветное стекло... После него в мире остаются одна царская борзая и одно совершенное преступление.

Когда мадам Маркезина Андросович-Лемпицка утром одного из следующих дней приходит в больницу навестить своего любовника, ее пропускают к нему очень неохотно. Они ненадолго остаются наедине. Дистели выглядит плохо, мадам Лемпицка с ужасом замечает, что он экономит взгляды, словно это деньги, которые могут истратиться.

И тут ей в голову через шляпу как молния ударяет страшная мысль: «А ведь действительно взгляды могут истратиться».

Собрав последние силы, с закрытыми глазами, Дистели протягивает ей «магнум», замотанный в фиолетовый платок. Она быстро сует его в свою сумку-рюкзак, сначала обрадовавшись, но тут же поняв, что эта вещь больше не имеет значения в жизни Дистели. Так же как и в смерти. Ужаснувшись, она

зовет врачей. Ей сообщают, что у Дистели метастазы в животе.

Тут Дистели в последний раз открывает глаза и умирает со словами:

— Мне опять снился тот сон. Я был в будущем. В том будущем, которое наступит через четыре месяца и до которого я не доживу. Это было неопишимо! Семьдесят одна секунда вечности... Какое просветление! *В конце одиночества начинается смерть!*

Уже мертвый, Дистели выглядит нахмурившимся, словно по ту сторону он встретился с чем-то, что не вызывает у него одобрения. Он делает несколько движений бровями и совершенно неожиданно немного подвигается в своей больничной кровати, словно освобождая кому-то место рядом с собой.

III

Седьмая пуля

1

«Must Du Cartier»

2

«Antracite»

3

«Envergure» pour homme

4

«Addict Dior» + «Dolce&Gabbana»

5

«Addict Dior» + «Dolce&Gabbana» + «Poison»

1

«Must Du Cartier»

Сотрудник отдела убийств, который выходит к госпоже Маркезине Андросович-Лемпицкой, невысоким ростом, на нем рубашка, сбрызнутая туалетной водой «Must du Cartier», и один глаз быстрее другого. Не сводя с него взгляда сквозь тень своей тяжелой шляпы, госпожа Лемпицка делает вывод: этому никакая вода мокрой не покажется.

— Господин старший инспектор, я попросила вас о встрече из-за того, что мне не все ясно в связи с кончиной дорогого для меня человека, господина Дистели, который, как вам, видимо, известно из газет, недавно похоронен.

— Интересно, — шуршит господин старший следователь сквозь двухцветную бороду и жестом предлагает дамочке присесть.

Она тут же выкладывает ему всё:

— Мне известно, что за несколько месяцев до смерти кто-то влез к Дистели в квартиру. Дистели сам рассказывал мне, что при весьма странных обстоятельствах он заключил с этим человеком сделку и получил от него номер телефона какого-то «торговца будущим», с которым позже неоднократно виделся. Даже его сны подвергались воздействию этой персоны, о которой, со слов Дистели, я знаю только то, что это не женщина. У меня есть ключ от квартиры господина Дистели, куда я хожу, чтобы кормить его собаку, и я нашла там его мобильный, а в нем — тот самый номер телефона, который продиктовал ему тот, кто проник в его квартиру. Вот этот номер: 0389-430-23001... Таким образом, мне кажется, что здесь что-то кроется, потому что я не верю, что смерть Дистели наступила просто от рака. Все гораздо сложнее...

— Но, госпожа Лемпицка, медицинское заключение совершенно недвусмысленно утверждает, что смерть господина Дистели наступила в результате рака пищевода с метастазами в области брюшной полости.

— Дорогой мой господин старший следователь, все это так, однако тайна всего старее истины. Почему бы нам с вами не заглянуть к этому «торговцу», чтобы и вы смогли бросить на него взгляд ваших опасных глаз, вызывающих слез?

Тут на лице господина старшего следователя появляется его известная женская улыбка, и он встает.

— Кто здесь лицо, отвечающее за это помещение? — представившись, задает вопрос в домофон при входе в красное кирпичное здание господин старший следователь Эуген Строс несколько минут спустя. Открывается дверь с табличкой, на которой написано:

SYMPTOM HOUSE

A. & S. K. Сделки с подвижностью

Мадам Лемпицка и господин Строс поднимаются по лестнице и неожиданно оказываются в крохотной, карманной церквушке протестантского типа с минимумом самых необходимых украшений. Их принимает и предлагает сесть на скамью с доской для коленопреклонения, стоящую в этом «храме», довольно красивая женщина с большими мечтательными глазами, которые поминутно словно перемещаются из чужого сна в ее собственный. Ее волосы скреплены развернутым черным лакированным веером, по которому рассыпаны звезды из созвездия Рака.

Господин Строс сообщает ей, что собирает материал для отчета об обстоятельствах кончины оперного певца Дистели и представляет госпожу Лемпицку.

— Вы не родственница художницы с той же фамилией?

— Нет, я родственница покойного господина Дистели, — лжет Лемпицка.

— Это церковь? — спрашивает господин старший следователь.

Пока дамы были заняты разговором, он улучил момент, чтобы выдвинуть ящичек в своей скамье и тут же быстро закрыть его. Там было практически пусто, если не считать какого-то прозрачного поблескивающего продолговатого предмета. Следовательно удалось разглядеть часть написанного на нем слова — «...tagas».

— Нет, это не церковь, это торговая фирма.

— А, вот оно что. Прекрасно. Не будете ли вы так любезны помочь нам разрешить некоторые неясности, связанные с покойным господином оперным певцом Дистели? Но, кажется, я забегаю вперед. Прежде всего, мне не вполне ясно, с кем я имею честь разговаривать.

— Сандра. Сандра Клозевиц. Владелица фирмы «Symptom House». Я астролог, лицензия у меня имеется.

— Скажите, покойный Дистели был вашим клиентом?

— Да.

— Что вы ему продали?

— Небольшой фрагмент его будущего, но я уверена, что от будущего нельзя умереть.

— А от чего, по вашему мнению, умер Дистели?

— Его диагноз — рак.

— Вы правы, мадемуазель Клозевиц, — примитительно отвечает Строс, и как раз в этот момент в разговор вступает мадам Лемпицка:

— Чем, в сущности, вы здесь торгуете?

— Я продаю сны. Хорошо вымешанный хлеб и хорошо вымешанный сон дорогого стоят. И отлично продаются.

— Это все равно как если бы вы заявили, что торгуете туманом.

— То, что вы сказали, госпожа Лемпицка, намного точнее, чем вы можете предположить. Ведь в снах всегда много тумана, но еще больше в тумане — снов.

— Как это?

— Воздух всегда был и остается наполнен снами. Сны окружают нас, они повсюду. Не только наши, человеческие сны, но и сны животных, растений и камней, сны воды, которые вечны, потому что вода никогда ничего не забывает, она запоминает всё и навсегда. Мир вокруг нас полон снов, уже приснившихся и еще не приснившихся, наяву мы вдыхаем их, не замечая, так же как вдыхаем воздух, если он есть, а ночами они некоторое время пребывают в нас, питая то, что не могут напитать ни наши мысли, ни еда, ни питье. Есть книга, в которой можно прочесть, что все сны, которые заполняют воздушную оболочку Земли и магнитные бури над ней вплоть до границы с космосом, составляют поддающуюся познанию форму или даже огромное тело, но для нас, торговцев снами, это не имеет значения. Мы принадлежим к малоизвестной, но одной из древнейших областей торговли. Это почти каста. Но

нас ни в коем случае не следует считать религиозной сектой, мы просто торговый цех, который занимается продажами и рынком снов в целом...

Пока мадемуазель Клозевиц говорит, старший следователь Строс молчит, но молчит так, что его мысли слышны на расстоянии трех метров за ним. И вот как звучат эти мысли:

— Откуда вы получаете ваш товар?

— Из вневременной части космоса, где парят в вечности, как на лугу, уже приснившиеся и неприснившиеся сны, все вместе. И они принадлежат всем, кто вписывается в рамки соответствующего знака зодиака.

— Приснившиеся и неприснившиеся сны? — удивляется господин Строс.

— Да, именно так. Приснившиеся сны, к примеру, играют огромную историческую роль, хотя они не имеют той рыночной стоимости, которую заслуживают. Они парят во вневременье и предоставлены в распоряжение тех, кто умеет сделать на них деньги. Приведу вам лишь один пример.

Предположим, что некая женщина две или три сотни лет спустя после того века, в котором жил греческий мудрец Пифагор, видела во сне, где-то в Пенджабе, некую математическую операцию, некую теорему. Она была неграмотной и не поняла свой сон, поэтому тут же его забыла. Этот сон, подобно всем другим снам, продолжал парить во вневременном космосе. За несколько лет до того, как Пифагор

сформулировал свою теорему, получившую известность позже, какой-то торговец снами случайно раздобыл и передал, или уступил, или обменял, или — кто его знает, возможно и такое, — продал Пифагору сон этой женщины (которая жила несколькими столетиями позже Пифагора), и таким образом Пифагор получил во сне «откровение», то есть ключ к решению, и смог «прочитать» и «открыть» свою теорему.

Итак, чтобы вас не утомлять, скажу только, что издавна существуют люди, которые могут заметить и схватить сон, если так можно выразиться, «на границе». После этого они выносят его на рынок и продают. И я одна из них. Налоги плачу аккуратно. Вот, собственно, всё... Кроме того, у меня есть определенные обязанности, и я прошу вас отнестись к этому с пониманием.

На выходе старший следователь господин Эутен Строс кажется мадам Лемпицкой менее мрачным, более приятным (видимо, вследствие утомления после лекции по метафизике) и довольно некрасивым. Прощаясь с ним, мадам Лемпицка думает: «Боже милостивый, этому бедняге приходится одной и той же женщине платить каждый следующий раз на сто долларов больше».

«Antracite»

Двадцать третьего июля в 14 часов 35 минут, не зная ни какой сейчас день, ни который час, некая дама среднего возраста перед входом в здание, выстроенное из красного кирпича, нетерпеливо нажимает клавишу звонка на двери с надписью:

SYMPTOM HOUSE

А. & S. К. Сделки с подвижностью

Пока она ждет, чтобы открылась дверь, тень от шляпы падает ей на глаза и они становятся разного цвета. Глаза у нее такие красивые, что любой не отказался бы купить, пусть даже поштучно, как яйца на рынке. Ее груди пахнут. Одна айвой, другая грушей. Дама любит, когда на улице кто-нибудь ущипнет ее за грудь, но такое бывает редко, хотя многим

этого хочется. Иногда даже случайным прохожим. По ночам она надевает пурпурного цвета маску для сна и спит под фразой, которую как-то бросили в ее адрес: «Такая в имени не нуждается!»

— Кто здесь? — спрашивает голос из-под черной клавиши.

— Маркезина Андросович-Лемпицка.

— Снова вы? И опять с вами полиция?

— Нет. На этот раз я одна.

— Что вам надо? Это не церковь, я же вам сказала.

— Сегодня я пришла в качестве покупателя.

И мадам Лемпицка поднимается в «храм», где находит мадемуазель Сандру. Садясь на скамью с доской для коленопреклонения, она говорит:

— А что у вас найдется для продажи мне?

Мадемуазель Сандра опускается перед ней на колени. От нее веет духами «Antracite».

— Я могу продать вам ретроспективу ваших же снов из прошлого века — самых прекрасных или же самых страшных; вы сможете увидеть их снова за весьма умеренную цену. Но зачем вам это нужно? Вы все их уже видели, все они вам уже приснились. И я могу предложить вам и кое-что получше.

— Что же это такое, мадемуазель Сандра?

— Тысячелетия нашего опыта и рыночного спроса и предложения свидетельствуют о том, что лишь немногих покупателей привлекают, подобно Фрейдю или Юнгу, уже приснившиеся сны, большинство интересуется не товаром «second hand», а снами, кото-

рые еще не снились, то есть своими или чужими снами из будущего, которые в некотором смысле походят на окна, открытые в завтрашний день, потому что через них его можно увидеть, не прибегая к услугам колдунов, шаманов или докторов.

Такие, еще не приснившиеся, сны конкретной персоны очень трудно обнаружить и выловить в бесчисленном множестве других снов, и они тем более драгоценны. Для того, кому такой сон приснится, он обладает особой ценностью, при том что для остальных покупателей он почти ничего не значит. Между тем, покупая такой сон, вы, в сущности, покупаете фрагмент своей будущей жизни.

— А как вы можете узнать, кому именно принадлежит тот или иной сон, если он парит среди всего того множества, о котором вы говорите?

— Это известно благодаря тому, что ваш сон представляет собой уникум. Ни одного точно такого же сна не существует. Нам только нужно взять у вас что-нибудь, что поможет нам распознать ваш сон среди других, подобно тому как розыскной собаке нужно понюхать какую-нибудь вещь, принадлежащую тому, кого ей предстоит искать. Это самая трудная часть нашей работы. Она напоминает охоту на тигра, когда нужно заполучить конкретного зверя, который живет на ограниченной территории, причем под кличкой, хорошо известной местному населению, которое к тому же помнит, где, когда и кого он разорвал на куски...

— Вы столько всего наговорили, а я по-прежнему толком не знаю, что же вы все-таки предлагаете мне купить?

— Ваше будущее. Я могу продать вам фрагмент вашего будущего. Продолжительностью не более одной минуты. Ну, может быть, плюс к этому еще секунд десять. Но, согласитесь, неплохо получить уже сегодня кусочек сна, который вам приснится только через три года, — другими словами, когда вам будет лет пятьдесят.

— Это дорого?

— Дорого, но не в денежном выражении. Аналогичным образом такой специфический товар выражен не в виде яви. Это не день из вашего будущего, а ночь, причем ночь, которую вам предстоит проспать в будущем. Итак, я повторю. Мой товар — это, в сущности, доставленный в настоящее время сон, который еще только будет вам сниться в будущем.

— И на каких условиях с вами можно заключить такую торговую сделку?

— Имеются три условия, которые необходимо выполнить. Начнем с более легкого. Во-первых, вы платите мне тысячу долларов. Во-вторых, оформляете в одном банке сейф на свое имя. Я сообщу вам адрес этого банка и фамилию лица, к которому следует обратиться. Придется заранее договориться по телефону о встрече. Что именно вы положите в сейф, вообще не имеет значения. Хоть свой носовой платок. Важно, чтобы, когда вы снова придете ко мне, у вас

был номер сейфа, оформленного на ваше имя, и тогда я сообщу вам третье, самое трудное условие.

Мадемуазель Сандра протягивает мадам Лемпицкой сине-золотую визитную карточку. Та берет ее, рассматривает и смущенно опускает в карманичок на ободке своего зонтика от солнца.

Прощаясь, мадемуазель Сандра добавляет:

— Чуть не забыла, вы должны сообщить мне, под каким знаком родились. Знать это крайне важно, потому что ваши сны, уже приснившиеся и еще не приснившиеся, прячут во вневременном пространстве созвездия вашего знака. Сейчас стоит ясная погода, так что можете хоть сегодня ночью невооруженным глазом посмотреть, где они располагаются.

Лемпицка протягивает свою визитку, на которой вместо адреса изображены звезды созвездия Водолей, знака, под которым она родилась:

AQUARIUS

На следующий день одна из служащих банка «Plusquam city» сообщает госпоже Лемпицкой:

— Господин Эрланген сейчас примет вас.

Эрланген протягивает руку, не отрывая своего резинового взгляда от мадам Лемпицкой. На ней экзотическое платье «Balkanica» из шелковистой кожи, сшитое у «Моне», лечебные чулки «Sanpellegrini», которые пахнут водорослями и чаем, и говорящие часы. Пахнув на нее голосом и походкой с призывом «Dolce&Gabbana», Эрланген ведет ее в салон с двумя креслами, обитыми розовой кожей, в которые они и садятся. Их разделяет тонкая струйка фонтанчика, замкнутого в стекле и темно-синем свете, что делает ее похожей на стебель гладиолуса. Эрланген предлагает мадам Лемпицкой кофе по-каирски, приготовленный собственноручно на каменной плите, расположенной рядом с черного цвета стеной. Затем он садится в кресло и включает музыку. Это Моцарт. В глубине салона находится закругленная сверху серебряная дверь огромного сейфового зала. Она закрыта.

— Чем хорошим занимается госпожа Маркезина Андросович-Лемпицка, если позволено будет узнать? Из чистого любопытства. Прошу вас не считать это официальным вопросом. Мы здесь такими правами не обладаем.

— Как вам сказать... Ничем особенным. Я любила читать книги. Но с тех пор как мы вступили в двадцать первый век, а точнее говоря, в эпоху Водолея, я больше не могу читать то, что написано в двадцатом веке. Мне кажется, что все герои из этих книг куда-то эмигрировали, а книги опустели. Кроме того, я никак не могу сообразить, что написано для

читательницы-самки, а что — для читателя-самца... А вы? Вас зовут, я полагаю, господин Эрланген?

— Да, госпожа Лемпицка. Морис Эрланген. Я люблю после обеда слушать здесь музыку. Это опера Моцарта «Волшебная флейта». Вы тоже любите музыку?

— О да! Я люблю музыку «Gotan project» и часто слушаю диск, который называется «Хазарская дорога», или композицию «Буда бар».

— Значит, в этом у нас родственные души. А как насчет кино? Какие фильмы вы любите?

— Точно не знаю. Слишком их много, и я не могу что-то выбрать и сориентироваться. И мне никогда не удастся угадать, какой мог бы мне понравиться, так что самые лучшие проходят мимо меня.

— Но, дорогая госпожа Лемпицка, как раз с фильмами все гораздо проще. Прошлые и будущее — это две слепые и немые вечности, одна из которых позади нас, а другая — перед нами. С тех пор как изобретены фильмы, звуковые и видеозаписи, они представляют собой исключения, которые сохраняют ту вечность, что за нами. Так что фильмы пропускать нельзя. Надеюсь, вы как-нибудь заглянете ко мне и мы посмотрим на жидкокристаллическом экране лучшие из существующих фильмов. Они все у меня есть. И если после третьего фильма вы со мной не согласитесь, можете больше ничего никогда не смотреть. Однако я разговорился и мешаю вам слушать Моцарта...

Господин Эрланген встает, чтобы налить еще кофе, и тут мадам Лемпицка замечает под его пиджаком нечто такое, что всегда вызывает у нее дрожь, — «Combat Magnum», такой же точно дорогой револьвер, какой был у ее покойного любовника Матеуса Дистели. Она судорожно сжимает свой рюкзачок и спрашивает:

— Неужели ваша работа позволяет вам проводить столько времени, слушая музыку?

— Дело в том, госпожа Лемпицка, что это весьма существенная часть моих служебных обязанностей. На самом деле мы с вами сейчас ждем, когда откроется дверь в зал с сейфовыми ячейками самого высокого уровня безопасности.

— Если я вас правильно поняла, мы ждем ключа от этого зала, то есть от этой закругленной двери?

— Нет. Ключом от этой двери является то, что мы слушаем. «Волшебная флейта» Моцарта — это и есть код к замку; необходимо ровно четырнадцать минут слушать музыку, после чего замок откроется и мы сможем войти. Каждый день я меняю музыкальный пароль и выбираю нового композитора... Ну, вот дверь как раз и открылась. Когда мы войдем, я помогу вам отыскать вашу ячейку, а затем оставлю вас наедине с вашими драгоценностями...

Наконец-то мадам Лемпицка «внутри» и одна. Она смущена. Озирается вокруг, словно надеясь найти, где тут ангел обронил свое перышко. Затем спохватывается, торопливо извлекает из рюкзачка и кла-

дет в свою ячейку револьвер «Combat Magnum» покойного Матеуса Дистели, завернутый в фиолетовый платок.

Уходя и унося с собой номер сейфа, мадам Лемпицка, несмотря на тоску по своему любимому певцу, тоску, которая сдавливает ее грудь, как тесный лифчик, чувствует какое-то облегчение, какую-то бесстыдную свободу, оттого что на свете больше нет ни ее любовника, ни связанных с ним забот...

* * *

— Каково третье условие? — такой неизбежный вопрос задает Лемпицка при новой встрече с мадемуазель Сандрой.

— Оральный секс.

Лемпицка смеется:

— Почему вы думаете, что я соглашусь? Я не лесбиянка.

— А я не женщина, — ледяным тоном отвечает мадемуазель Сандра.

— Не женщина? А кто же ты тогда? — мадам Лемпицка переходит на «ты».

— Я — андрогин.

— Это еще что такое?

— Я могу быть и тем и другим. Но должна сказать тебе, что в эротическом смысле ты вообще не кажешься мне привлекательной.

— Да?

— Да. В данном случае другие обстоятельства гораздо важнее любого эротического влечения. Это единственный способ проверить, действительно ли тот сон, который я собираюсь тебе продать, и есть твой сон.

— Дистели тоже должен был пройти через все это, чтобы получить свой сон?

— Нет, нет! — смеется мадемуазель Сандра. — У него были совсем другие проверки. Кстати, проверки я не выдумываю, их диктует тот сон, о котором идет речь.

— Если я соглашусь, как будет выглядеть этот оральный секс? Я же понятия не имею, что у тебя между ног.

— Почитай Юнга, у него ясно написано, что андрогинные существа не следует путать с гермафродитами. Но оставим науку в стороне. Приходи сюда завтра на ужин. Тогда все и произойдет, прямо за столом. Как это произойдет, зависит только от тебя. Не придешь — нестрашно. Подвешенный на какую-нибудь ветку или звезду, твой сон останется висеть и ждать тебя дальше, в одном из твоих будущих. И имей в виду, я тебя не уговариваю. Сама пришла, сама и решай... Но если ты придешь опять и если все получится, то уже на следующий день тебе приснится отрывок из твоего будущего, а говоря точнее, ты увидишь во сне то, что должна была бы увидеть только несколько месяцев спустя.

«Envergure» pour homme

В глубине комнаты, возле стены, стоит высокий шкаф в популярном в Германии XIX века стиле бидермайер с семью выдвижными ящиками, по одному для каждого дня, из-за чего его называют «Семь дней». Перед ним стол, накрытый на одну персону. В помещении всего один стул. Войдя, мадам Маркезина Андросович-Лемпицка видит, что на стуле сидит и увлеченно ужинает мадемуазель Сандра. На столе суши с имбирем, салат из морских водорослей и зеленый чай. Блики, отбрасываемые поверхностью зеленого чая, дрожат на потолке.

Мадемуазель Сандра не сводит глаз с гостьи, хотя при этом и не прерывает ужина. Ее волосы сияют, пальцы нежно сжимают палочки из слоновой кости, которыми она берет комочки риса. Но эти пальцы

в перчатках. И не в каких-нибудь обычных. Одна перчатка рассчитана на семь пальцев, другая на пять. Судя по перчаткам, у мадемуазель Сандры дюжина пальцев. Ровно столько, сколько месяцев в году. По пальцу на каждый месяц.

Ни приветствия, ни какого-нибудь знака, намекающего на то, что следует делать гостье. Лемпицка, переступая с ноги на ногу, ждет некоторое время, потом резким движением швыряет в угол свою шляпу с пестрой тенью и сбрасывает одну за другой туфли с хрустальным каблучком от «Swarovsky». При этом в ее памяти всплывают слова Дистели:

— Маркезина, надень туфли!

Глаза ее текут на полной скорости, ее мини-юбка из стекла ей не мешает, она опускается на четвереньки и залезает под стол. Там ее изумляют два обстоятельства: во-первых, пахнет не духами «Antracite», которые она в первый же день обнаружила на мадемуазель Сандре, а мужской туалетной водой «Epervergure». А второе обстоятельство, от которого она чуть не падает в обморок, это мужской член длиной в 7 инчей, который она видит между ног мадемуазель Сандры. Сандра отставляет в сторону чай и рукой в перчатке с семью пальцами подносит к губам тонкую сигару. Она зажала ее между сентябрем и октябрем. Так каждая из них держит в губах свое. Мадемуазель Сандра над столом, а мадам Лемпицка внизу, под столом...

После окончания сеанса мадам Лемпицка выпрямляется и ошеломленно смотрит на прекрасный женский лик мадемуазель Сандры, а та говорит ей:

— Завтра ночью тебе приснится сон, который ты должна была бы увидеть через семь месяцев, то есть в марте следующего года. Сначала ты его не распознаешь. Он будет казаться тебе таким же, как и любой другой. Но это не должно тебя смущать. Ты все поймешь, после того как на будущий год увидишь продолжение, потому что, как я тебе уже сказала, не в моих силах представить тебе что-то более длинное, чем очень короткий отрывок. Имей в виду, когда собираешься увидеть сон из будущего: нужно лечь спать не в ту кровать, где ночуешь обычно. Выбери какое-нибудь другое место. И поверни голову не в ту сторону, куда поворачиваешь ее в своей постели...

* * *

На следующий день мадам Лемпицка покупает для своего «сна из будущего» гондолу. Настоящую венецианскую гондолу из лакированного черного дерева, способную плыть по воде. Продавец подвешивает ее на цепях к потолку спальни, а Лемпицка бросает в нее несколько разноцветных подушек. Вечером принимает ванну из пены, надевает новую ночную рубашку, душит духами «Addict Dior», которые се-

годня почему-то пахнут арбузом, что ей совершенно не нравится, и забирается в свое «плавающее гнездо». Все, что она когда-либо слышала о сновидениях, свелось сейчас к одному, и она, засыпая, повторяла про себя фразу: «Во сне нельзя быть глухим. Нужно запомнить все, что там будут говорить...»

Как только мадам Лемпицка заснула, она превратилась в мальчика. Мальчик жил в большом доме своих родителей. Он спал на втором этаже, в комнате, которая находилась в другой комнате, большей по размерам, — столовой. То есть это была комната в комнате. В ней имелось два окна с красивыми шторами, через которые можно было рассмотреть домашних и гостей, если они сидели в столовой, а мать могла вечером заглянуть к мальчику, чтобы узнать, заснул ли он.

Мальчик засыпал не всегда. Он зажимал глаза и слушал. Всегда одно и то же. Возле той стены, на которой не было окон, стоял огромный шкаф. Словно третья комната в комнате. И из него иногда доносились звуки шагов. Кто-то расхаживал внутри шкафа в детской комнате. Правда, не всегда. Но слышно было хорошо... Иногда эти шаги за двустворчатой дверью деревянной громады были частыми и торопливыми, однажды они стали постепенно удаляться, а потом где-то вдалеке перешли в бег. Мальчик перепугался и напряженно вытянулся в своей кровати...

На этом месте сон мадам Лемпицкой прерывается, и она, разочарованная, отправляется утром

к «торговцу будущим» — узнать, что все это значит. Мадемуазель Сандры в храме «Symptom House» нет. Мадам Лемпицка застаёт там молодого господина с гладко выбритой головой и усами, в лакированных черных мокасинах, голубой рубашке и джинсах. От него пахнет «Enverguire», и он подбрасывает на ладони золотую табакерку-яйцо покойного Матеуса Дистели. На брови он носит серьгу. Лемпицка прямо с порога обрушивает на него свой гнев:

— Так, значит, вы — это мадемуазель Сандра? И почему я должна верить, что вы меня не обманули? Это был совершенно ни с чем не связанный и очень короткий фрагмент сна!

— Разумеется, но это была ровно семьдесят одна секунда вашего будущего. Самое начало того сна, который приснится вам через семь месяцев, в марте следующего года. Тогда вы увидите продолжение.

Мадам Лемпицка настолько взволнована, что не замечает, что торговец снами ведет себя так, словно они встретились впервые, словно он никогда не был мадемуазель Сандрой, с коленями, разведенными в стороны под столом, словно всего день назад они не обращались друг к другу на «ты».

— Что означает этот сон?

— Об этом меня не спрашивайте. Специалисты сказали бы вам, что все можно истолковать с помощью ассоциаций, которые ведут ко сну (Юнг) или уводят ото сна (Фрейд)... Но вам следует знать, что я не психиатр, я никого не лечу, в том числе и вас, я

не истолковываю сны, я просто их продаю. Если вы хотите получить продолжение того сна из будущего, который вам уже частично приснился, если это продолжение нужно вам прямо сейчас, то необходимо заключить новый контракт. В таком случае вам придется оплатить следующие семьдесят одну секунду из вашего будущего, а процедура будет точно такой же, как и была.

— Да мне и в голову бы не пришло продолжать все это. Я считаю, что стала жертвой. И передам дело адвокатам. Да кто вы, в сущности, такой? Торгуете якобы снами, причем на погонные метры, а сами украли вот это золотое яйцо у оперного певца Дистели, когда влезли в его квартиру!

При этих словах мадам Лемпицкой Алекса Клозевиц, он же Сандра, начинает напевать Мусоргского, открывает табакерку-яйцо и из нее пудрит себе нос. Золотое яйцо, в котором Дистели держал нюхательный табак с кокаином, служит Алексе Клозевицу пудреницей.

«Addict Dior»
+
«Dolce&Gabbana»

Маркезина Андросович-Лемпицка применяет средство «antiage» — на основе икры осетровых рыб, и наносит на ногти «умный лак», который меняет цвет, как только у нее подскакивает или падает температура. Подготовившись таким образом, она вместе со своим новым любовником, господином Морисом Эрлангеном, отправляется в Каир. Когда самолет приземляется, ее фиолетовые ногти приобретают цвет белых роз, а господин Эрланген отвозит ее в отель «Mena House». Когда они у себя в номере открывают дверь на террасу, огромная пирамида Хеопса оказывается совсем рядом с их кроватью. До пирамиды цвета красного песка, кажется, можно дотянуться рукой. С запахом пирамиды мешается запах их тел, дамских духов «Addict Dior» и мужских «Dolce&Gabbana».

— Сколько лет этому чудовищу, которое заглядывает к нам под одеяло? — спрашивает Лемпицка.

— На самом деле с пирамиды содрана кожа, и сейчас мы видим только ее мясо. Через миллион ночей после своего рождения она выглядела по-другому. И спустя десять миллионов ночей она все еще не была такого цвета. Потом над ней пронеслось еще несколько сотен миллионов ночей, и тогда, после нескольких приступов старения, она постепенно начала приобретать нынешний вид и цвет. Таким образом, она стареет и седеет.

— Ты меня путаешь, — говорит мадам Лемпицка. Господин Эрланген обнимает ее, чтобы утешить, и обещает отвести на старый каирский «сук», где пьют обжаренный арабский чай...

Эрланген — неотразимый соблазнитель, и они как безумные целуются среди бедуинов с верблюдами, взгляды которых словно стегают их. По вечерам он шлепает по соскам ее груди и лижет позвоночник, а днем у нее наконец-то есть кто-то, кто прямо на улице, среди коз и корзин с египетскими лепешками, щиплет ее за грудь. В коптской части города господину Эрлангену подают кальян, и он курит через воду ароматизированный табак «Два яблока», пока старуха при помощи палочек красит Лемпицкой глаза в древнеегипетском стиле: теперь они такие, какие были в моде в 1350 году до Рождества Христова, и Лемпицка с ними похожа на бога Ра. Сейчас ее глаза — это восточная и западная область души... Правый пред-

ставляет Солнце, бровь над ним черная, так же как и черта, обводящая глаз, а веки светло-зеленые. Левый глаз представляет Луну, его бровь и черта вокруг него темно-синего цвета, а веки темно-желтые, как песок. Этот глаз — глаз ночного света...

Закончив работу, старуха говорит:

— Теперь слушай, дитя мое, что скажет тебе старая Зоида. У тебя глаза красного цвета, словно ты богиня. Скажи своему мужчине, чтобы купил тебе красный драгоценный камень, и вставь его в пупок. Богини так носят.

Эрланген восхищен, в первой же ювелирной лавке он покупает рубин, который Лемпицка вставляет себе в пупок. Эрланген берет ее в самых невероятных местах, на людях. В такси, в лифте, в одной из малых пирамид, полумертвую от страха, в мужском туалете Египетского музея, на старом каирском кладбище, где живут живые...

За завтраком Лемпицка говорит своему любовнику:

— И ты, и я в Африке выглядим гораздо лучше, чем в Европе!

— Не верь зеркалам, — отвечает он, — арабские зеркала устроены так, что показывают тебя более стройным, чем на самом деле.

— Неправда. Цветы, известные мне по Европе, здесь огромны, они выше меня, а запах у них в три раза сильнее. В Египте и люди, и ослы, и козы постоянно подвергаются действию благодати фитоте-

рапии и целебных испарений. Здесь в тени март, а на солнце июль...

На старом «суке» они с трудом находят место на улочке, заставленной столиками и стульями, где сидят люди со всех четырех сторон света, смеются одновременно на ста языках и пьют чай. Какой-то бельгиец взбирается на стол и с высоты более двух метров из заварного чайника наливает чай точно в свой стакан, стоящий на тротуаре. Маркезина и Эрланген аплодируют ему, он берет стакан и садится прямо на землю возле их ног. Представляется как Вим Ван де Кебус и спрашивает:

— Вы слышали притчу о траве? Если нет, то я расскажу. Находясь в Каире, нельзя не услышать ее!

Лемпицка, сидя на коленях у Эрлангена с его пальцем в себе, в полудреме пьет обжаренный чай и слушает, что нашептывает бельгиец...

Каир, окружающий Лемпицку и Эрлангена, дышит, вздымая и опуская свою огромную грудную клетку, принимая каждую ночь два миллиона человек и теряя столько же каждым утром. Глаза Лемпицкой подернуты дымкой, они не видят, где север, где юг, что слева, что справа. Март в этих краях — прекраснейший месяц в году, но мадам Лемпицка не знает, какое число, и не смотрит на часы. И так до тех пор, пока однажды ночью здесь, в Каире, не снится ей один сон. Да это и не сон, это продолжение того сна, который она хорошо помнит.

КАИРСКИЙ СОН ГОСПОЖИ ЛЕМПИЦКОЙ

Стоит ей погрузиться в сон, мадам Лемпицка превращается в мальчика, который сидит в своей комнате и прислушивается к таинственным шагам в шкафу. Одним словом, она даже так, во сне, узнает, что этот сон уже когда-то ей снился и что он повторяется. Но в тот момент, когда мальчик от страха старается проснуться, сон продолжается!

В этом продолжении сна мальчик сидит за столом, за спиной у него шкаф, из которого время от времени доносится журчание воды, а в комнату входит Охараска, его двоюродная сестра. Ей четырнадцать лет, он примерно в половину моложе ее, но, сколько им лет, во сне он не знает. Миновал полдень, время течет, то и дело останавливаясь, как на железнодорожных станциях. Все в доме родителей мальчика наслаждаются послеобеденным отдыхом, а Охараска вносит на подносе стакан малинового сока и миску с манной кашей на молоке. Девочка сварила ее сама, и, прежде чем поставить стакан и миску перед мальчиком, она улыбается широкой улыбкой, полной зубов и языка.

Мальчик хорошо понимает, что означает эта улыбка, и в ужасе кричит: «Нет! Нет! Нет!» — но, словно заколдованный, не может оторваться от стула, на котором сидит.

В этот момент у Лемпицкой, которой снится, что она мальчик, первый раз в жизни происходит эрекция. Тогда Охараска приказывает:

— Ешь!

Мальчик испуганно сует ложку с кашей в рот и запивает ее соком, а Охараска залезает под стол, головой раздвигает ему колени, расстегивает его, берет в рот и начинает сосать, как конфету. Спустя некоторое время он перестает пить то, что пьет, а она начинает пить то, что получает, чтобы пить...

В тот момент, когда из мальчика начинает течь нечто густое и сладкое, сон прерывается, и мадам Лемпицка с криком просыпается.

Впечатление от сна такое, что Лемпицка тормозит спящего Эрлангена и заявляет:

— Я должна немедленно вернуться в Европу.

Он смотрит на нее своим резиновым взглядом и смеется, не говоря ни слова. Наконец целует ее и говорит:

— Красавица моя, мы завтра и так возвращаемся. Отпуск кончился, пора в банк...

* * *

Стоит подслеповатое утро весны, ничуть не ставшей мудрее в тот день, когда мадам Лемпицка бог знает в который раз нажимает на черную пластинку звонка на двери с табличкой:

SYMPTOM HOUSE

A. & S. K. Сделки с подвижностью

— Твою мать... ты оказался прав! Да кто же ты такой? — кричит Лемпицка прямо с порога и без колебаний требует у торговца снами, чтобы он продал ей следующий отрывок из ее будущей жизни.

Ус у Алексы Клозевица смеется, он разводит руками:

— Постольку поскольку вы видели сон, вы убедились, что мне незачем кого-либо обманывать, в том числе и вас. Если бы в тот вечер вы подошли к столу, на котором стоял ужин, как-то иначе, ну, например, с другой стороны, я бы узнал, что этот сон не ваш. Но, предупреждаю вас сразу, если вы заинтересованы в новом контракте, то то, что я могу вам предложить, будет стоить дороже.

— И что же это такое, что вы мне можете предложить, и почему дороже?

— На этот раз вы можете приобрести кусочек вечности. Поэтому и дороже. Кроме того, это связано с некоторой опасностью. Но в это нам лучше не вдаваться, потому что таким образом мы можем растревожить настоящее осиное гнездо, да я и не уверен, что вам понравится то, что я вынужден буду сообщить вам, если мы продолжим разговор о новом контракте.

— Не бойтесь, говорите. Я пуглива, но только в малом. Что вы мне приготовили?

— Это сон, который мог бы присниться вам в возрасте тридцати семи лет. То есть через два года. Ровно семьдесят одна секунда вашего будущего, которого у вас никогда не будет.

— В чем тут разница с предыдущим сном?

— Я могу обеспечить вам любой сон, который вам предстоит увидеть в вашей жизни. Но в данном случае речь идет о другом. Это такой сон, который вы не увидите никогда, потому что не доживете до тридцати семи лет. Это сон из вечности. Загробный сон. Но это ваш сон. Мне очень жаль, что приходится сообщать вам такое, но без этой информации мы не сможем продвигаться дальше в процессе переговоров относительно купли-продажи.

— Откуда вы знаете, что я не доживу до тридцати семи лет?

— Дорогая госпожа Лемпицка, вычислять такие вещи совсем не трудно. Если уж мне с точностью до дня известно, когда умру я сам, почему бы мне не знать и дату вашей смерти? До тридцати семи лет вы не доживете. И из того года от вашего рождения вы можете получить от меня только кусочек сна, который могли бы увидеть в том возрасте, если бы были живы.

— Неужели это возможно? И как?

— Если вы поймаете птицу, то это всегда будет целая птица, а не ее половина или четверть, причем независимо от того, маленькая она или большая. Так же происходит и со снами: я могу поймать или целый ваш сон, или ничего, и на это не повлияет длина этого сна. Вот и представьте себе, что во вневременности парит и тот самый кусочек вашего сна, его продолжение, которое вы никогда не увидите, но кото-

рое вот оно, здесь, так же как лапка или хвост птицы. Или другой пример. Волосы и ногти продолжают расти и после смерти, но точно так же продолжают после смерти и сны, которые не успели присниться при жизни.

— В том сне, который снился Дистели, содержались какие-то сведения о том, как он умрет? То есть я хотела спросить, могу ли я увидеть тот его сон, который вы поймали и не смогли продать ему, потому что он умер, так и не узнав его конца?

— Это невозможно. Прежде всего, потому, что ему был продан сон в полном виде, и он его увидел целиком, до конца. В том числе и ту часть, которая относится ко времени после его смерти. Кроме того, для него условия сделки были совсем другими. Все, что я могу вам сказать, так это то, что ваш сон, который мне удалось поймать, примерно на сто лет младше сна вашего покойного любовника господина Дистели. Его сон относится к началу девятнадцатого века, а происходит в начале двадцатого.

— Что это значит?

— Что это значит, спрашивайте у кого-нибудь из учеников Фрейда, а не у меня. Я не врач, чтобы лечить, и не маг, чтобы предсказывать будущее. Я и не политик, чтобы обещать вам лучшую жизнь, и не представитель чужого капитала, чтобы защищать будущее великих от будущего малых. Я просто торговец, который продает вам ваше будущее, такое, каким оно будет...

«Addict Dior»
+
«Dolce&Gabbana»
+
«Poison»

Мадам Лемпицка сидит в храме, под названием «Symptom House», слушает, что говорит ей «торговец будущим» о снах Дистели и о ее собственных снах, и задумчиво произносит:

— Значит, сны ваших покупателей вы различаете так же, как те женщины, которые отличают укусы блохи от укуса комара...

— Если вы имеете в виду то, что сны могут укусы, то это именно так.

— Давайте вернемся к нашей сделке о покупке загробного будущего. На каких условиях я могла бы купить еще семьдесят одну секунду будущего, в котором мне никогда не жить? Почему у вас чайная ложечка вечности? Вы говорите, условия более тяжелые? А такие загробные сны тоже могут укусы?

— Всё гораздо сложнее.

— Что это значит? — спрашивает мадам Лемпицка. Ее прозрачный язык, как и всегда в ожидании важного ответа, слегка высовывается изо рта. Она молчит и щурится.

— Вам придется кое-кого убить.

Лемпицка открывает глаза и говорит:

— Это и есть условие?

— Да. Но, учитывая, что вы не доживете до тридцати семи лет, это не должно вызывать у вас особой тревоги. Вам только следует иметь в виду: я не знаю точной даты вашей смерти, единственное, что мне известно, — это будет раньше, чем вы достигнете указанного мною возраста.

— Следовательно, это может произойти и раньше... Насколько раньше?

— Этого я вам сказать не могу. Не знаю. Мне не удалось это вычислить.

— Вы в высшей степени любезный и хорошо воспитанный говнюк.

— Не надо так ожесточаться, мадам Лемпицка, вам стоит сначала хорошенько подумать. И не спешите с ответом. А если, несмотря на ваш хороший опыт в торговых отношениях с нами, у вас все же есть какие-то сомнения, обдумайте, что мы предлагаем вам на этот раз. Если вы приобретете даже мельчайшую частичку того будущего, в котором вас больше не будет, ложечку того будущего, что наступит после вашей смерти, кусочек времени после завершения

вашей жизни, считайте, что это ваш крупный выигрыш. Неужели ради такой уникальной возможности не стоит попытаться и кое-чем пожертвовать?

— А кого надо будет... при условии, что я решусь?..

— Выбирайте сами. Однако, дорогая госпожа Лемпицка, не так уж трудно догадаться, кого человеку хочется устранить до своей собственной смерти, раз уж ему придется умирать. Есть кто-нибудь, кого вы ненавидите, кто-нибудь, кто вызывает вашу ревность?

— Не знаю. Такого человека я не знаю. Правда, я чувствую, что он существует.

— Ну что ж, проверьте и, если убедитесь, что это действительно так, сделайте то, о чем я говорил. Но имейте в виду, вы должны обеспечить мое присутствие на месте события в тот момент, когда оно произойдет. Я должен засвидетельствовать, что вы действительно убили этого человека. Таково одно из условий сделки.

Слушая все это, Лемпицка думает совсем о другом. Она шепчет самой себе: «Ненавижу свою пизз..!» После возвращения из Египта Лемпицка два раза говорила с Эрлангеном по телефону, но после этого ей больше не удавалось связаться с ним ни по мобильному, ни в банке. Ей всегда отвечали, что он или «представляет отчет», или находится «на совещании совета директоров». В нерабочее время его мобильный всегда был выключен.

«Да есть ли у него собственная подушка? Интересно, на скольких подушках он спит?» — думает она об Эрлангене, покидая «храм», где продается будущее, и, взбешенная, направляется в банк «Plusquam city».

— Господина Эрлангена сейчас нет в банке, а позже он будет на совещании совета директоров.

Лемпицка понимает, что новая попытка связаться с господином Эрлангеном через его секретаршу окажется столь же безуспешной, и требует, чтобы ей открыли ее сейф.

Лемпицка в обществе одной из служащих банка, ухоженной мулатки, сидит в салоне с розовыми кожаными креслами и слушает музыку Белы Бартока. С каждым тактом невыносимой музыки в Лемпицкой растет ярость. Как только закругленная серебряная дверь впускает ее в хранилище ценностей, она вынимает из своей сейфовой ячейки повышенной надежности «магнум», бросает в сумку, в сейфе остается платок. Почти бегом Лемпицка покидает банк. Попутно она звонит по телефону своему «торговцу будущим» и предлагает вместе проникнуть на виллу с садом и озером, где живет Эрланген.

Лемпицка и Клозевиц останавливаются перед входом. Осень. В озеро, лист за листом, облетает весь лес. Дверь заперта. Ключа у Лемпицкой нет, и Клозевиц с помощью своей стальной визитной карточки осторожно вскрывает дверь. В первый момент кажется, что в доме никого, но тут же с верхне-

го этажа доносится женский голос. Незнакомка, думая, что домой вернулся хозяин, кричит из спальни:

— Darling, here I am!* — и выходит на лестничную площадку, полуголая, в сапогах до самой пиз...

Алекса Клозевиц едва успевает понять, что его ожидания исполнились, едва успевает почувствовать запах «Poison» и узнать в особе на лестничной площадке председателя совета директоров банка «Plusquam city» Ливию Хехт, как Лемпицка убивает ее тремя выстрелами из «магнума». В тот момент, когда она стреляет, в ее глазах стоят три стеклянные слезы ревности и гнева.

И тут Алекса Клозевиц, почувствовав, что в дом проникает запах «Dolce&Gabbana», быстро прячется за портьерой у входа, а в холле появляется Эрланген. Возвращаясь домой, он услышал выстрелы, обнаружил вскрытую дверь и вытащил из кармана «магнум».

Он кричит:

— Лемпицка, брось оружие!

Но Лемпицка в бешенстве направляет на него свой «магнум», и они одновременно стреляют друг в друга.

Мадам Маркезина Андросович-Лемпицка падает на месте замертво, на Эрлангене ни единой царапины: в револьвере Лемпицкой не оказалось седьмого патрона.

---

* Дорогой, я здесь! (англ.)

Алексе Клозевицу теперь нужно быстро придумать, как незаметно выбраться из дома, несмотря на то что он находится в двух шагах от Эрлангена. Эрланген хладнокровно берет свой мобильный телефон «Sony Ericsson» и звонит в полицию. Тут Клозевиц замечает, что «умный лак» на голубых ногтях мадам Лемпицкой меняет цвет сначала на абрикосовый, а потом на желтый, зеленый и, наконец, красный, в то время как слезы ревности на ее щеках превращаются в стеклянные шарики. Он спрашивает себя: какого цвета смерть? Выходит из своего укрытия и со спины приближается к Эрлангену, говоря:

— Ради всего святого, что здесь происходит?

— Какого черта? Кто вы такой? — спрашивает его хозяин.

— Прохожий. Я услышал выстрелы, увидел распахнутую дверь и вошел узнать, не нужна ли вам помощь. А теперь я стал и вашим свидетелем, да к тому же могу подтвердить ваше алиби. Готов свидетельствовать, что вы стреляли в целях самозащиты. Ну, мне пора. Вот вам номер моего телефона. Обращайтесь без стеснения. Меня зовут Эрвин.

И Клозевиц, продиктовав номер 0389-430-23066 в мобильный телефон господина Эрлангена, торопливо удаляется, в то время как вдали слышен звук сирены полицейского автомобиля.

IV

Приговоры

Пока шел судебный процесс над Морисом Эрлангеном за убийство мадам Маркезины Андросович-Лемпицкой, адвокат ее сестры Софии Андросович и представитель покойного оперного певца Матеуса Дистели выдвинули еще одно обвинение. Против Александра Клозевица и его торгового предприятия «Symptom House» в связи с присвоением незаконно полученной прибыли от торговли снами в сделках, заключенных с Дистели и Лемпицкой.

Суд вынес приговоры по двум отдельным делам.

- Морис Эрланген осуждается на каторжные работы за то, что при убийстве Лемпицкой превысил меру необходимой самообороны.

- Суд установил факт незаконного получения прибыли в результате коммерческой деятельности А. Клозевица, так как покупателю, покойной госпоже Лемпицкой, не был поставлен товар, несмотря на то что она выполнила все свои обязательства по отношению к продавцу. Приговор основывается на заявлении самого обвиняемого Александра Клозевица, которое гласит:

«Несмотря на то что госпожа Маркезина Лемпицка своевременно выполнила все свои обязательства перед „Symptom House“, посмертная часть ее сна не могла быть ей поставлена в срок, так как Маркезина была убита еще до того, как товар прибыл к ней. Заявляю о своей готовности компенсировать прибыль наследникам в случае, если будет установлено, что она получена незаконно, несмотря на то что своей вины здесь я признать не могу, так как налицо обстоятельства „высшей силы“».

На основе этого заявления суд определил, что Александр Клозевиц компенсирует наследнице покойной Маркезины Андросович-Лемпицкой, мадемуазель Софии Андросович, тот ущерб, который стал следствием того, что Клозевиц не поставил оплаченный товар и присвоил прибыль, полученную незаконным путем.

- Александр Клозевиц освобождается от обвинения в том, что не поставил предусмотренный

контрактом товар (71 секунда из будущего после смерти господина Дистели), так как товар был поставлен в полном объеме, что установлено на основании двух фактов:

А. Это подтверждается заявлением врачей, которые слышали (а это же слышала и присутствовавшая при этом Лемпицка), что Дистели, находясь в агонии, сказал, что он побывал в будущем, и добавил: «В конце одиночества начинается смерть». И это, как явствует из заявления о снах, которое сделал суду Клозевиц, было последним, что прозвучало во сне Дистели.

Б. Благодаря факту, изложенному в пункте А, госпожа Лемпицка позже сама вступила в сделку с Клозевицем, так как убедилась, что Дистели, ее любовник, в коммерческом отношении обманут не был.

В результате можно констатировать, что Клозевиц поставил Дистели сон целиком и полностью, то есть сон о Пушкине Дистели видел до конца, так что по этому пункту обвинения продавец не может быть обвинен в получении незаконной прибыли, ибо он в полном объеме поставил покупателю предусмотренную договором «движимость», как он называет свой товар.

- Наконец, следует сказать, что суд не смог установить связь между делом Лемпицкой и убийством управляющего букмекерской конторы ипподрома

Исайи Круза, которое пока по-прежнему остается нераскрытым, несмотря на все усилия старшего следователя Эугена Строса, к сфере компетенции которого относится и дело Круза.

ПРИМЕЧАНИЕ

В ходе расследования дела «Дистели — Лемпицка» было принято решение, что предприятие «Symptom House» должно представить суду некоторые сведения, а именно: отчеты о снах Дистели и Лемпицкой, которые продало им «Symptom House». Указанные отчеты составил и подписал Александр Клозевиц, и они находятся в отдельной папке в числе судебных документов, относящихся к делу «Дистели — Лемпицка». В ходе расследования главный следователь Строс установил, что «Symptom House» располагает и двумя фонозаписями описаний снов, проданных Дистели и Лемпицкой. Оба сна, зафиксированных на фонозаписях, изложены голосом Клозевица.

В Приложении содержатся: отчет Клозевица суду и текст фонозаписей.

Приложение
(Отчет о снах)

Отчет о снах, который содержит:

1. «Сон о смерти Пушкина», который был предметом договора о купле-продаже между господином оперным певцом Матеусом Дистели в качестве покупателя и предприятием «Symptom House» в качестве продавца.

2. «Сон о шагах», который был предметом договора о купле-продаже между госпожой Маркезиной Андросович-Лемпицкой в качестве покупателя и предприятием «Symptom House» в качестве продавца.

Первая часть отчета,
который по требованию суда
предоставил
Александр Клозевиц

(Фонозапись № 1)

По требованию судебных следователей и господина старшего следователя Эугена Строса я, Александр Клозевиц, торговец-астролог и владелец предприятия «SYMPTOM HOUSE. A. & S. K. Сделки с движимостью», полностью осознавая свою моральную, профессиональную и материальную ответственность, заявляю следующее:

Мне было выдвинуто требование реконструировать, пересказать и проанализировать для нужд следствия два сна, которые приснились покойному господину Дистели, оперному певцу, и покойной госпоже Маркезине Андросович-Лемпицкой в тот год, когда они были убиты, а также незадолго до этого и вскоре после этого. Такой отчет об этих снах в виде двух фонозаписей я и представляю след-

ственным органам, предваряя его некоторыми комментариями.

«В глубинной психологии установление контекста конкретного сна представляет собой простую, практически механическую, задачу, имеющую всего лишь подготовительное значение. Дальнейшее воссоздание некоего читаемого текста, другими словами, действительная интерпретация сна, как правило, является задачей гораздо более сложной. Это предполагает наличие способности к психологическому отождествлению, способности комбинировать, интуиции, знание мира и людей и прежде всего наличие специфических знаний, среди которых особо и прежде всего важно расширенное знание вещей и определенные „разумные способности сердца“ (Helmut Hark. «Lexicon Jüngscher Grundbegriffe»).

Кроме того, я с трудом представляю себе, чтобы можно было словами адекватно передать то, что во сне происходит нелинейно и не на уровне языка, а разветвлено (так же, как и в мыслях человека) в разных направлениях и выражается, условно говоря, на уровне чувств и с помощью метафорического языка. Сон не живет в языковом растворе, он парит в свободном вневременном пространстве, а стоит его преобразовать в язык или запись, как он теряет объем и вытягивается в длину. И в таком случае начинает казаться, что такой сон длился гораздо дольше, чем это было на самом деле. Эти два сна, которые в моем отчете описаны на нескольких страницах,

промелькнули за несколько секунд каждый. Сон, так же как и страх, проникает в глубину и в ширину, но не в длину.

Тем не менее предлагаю вниманию господина старшего следователя Строса и судебных следователей эту попытку пересказать и первый, и второй сон в надежде, что это поможет пролить свет на обстоятельства дела и послужит торжеству правосудия и справедливости. Сделать что-то большее не в моей власти.

Наконец, хотел бы заметить, что сон Дистели произвел на меня такое впечатление, что я склонен признать, что он действительно побывал в начале XIX века и воспринимал мир вокруг себя как реальную действительность, словно он видел этот мир не своими глазами, а глазами Пушкина. Кроме того, в этом сне Дистели пережил не менее пяти различных видов страха, ввиду чего и весь сон делится на «страхи», как на главы.

Александр Клозевиц

Сон покойного оперного певца господина Матеуса Дистели о смерти Пушкина

(как и насколько смог восстановить
и описать его А. С. Клозевиц)

ПЕРВЫЙ СТРАХ

Во сне господина оперного певца Матеуса Дистели Александр Сергеевич Пушкин появился как низкорослый, очень лохматый и худой человек. Дистели его не узнал, но откуда-то понял, что это Пушкин, как только тот подошел к окну и произвел одно из древнейших магических действий знака Венеры, поцеловав несколько раз ноготь на большом пальце, на который был надет крупный перстень с печаткой. На дворе была ненастная ночь, и картина метели вызвала в поэте круговерть стихов:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То как зверь она завоет,
То заплачет, как дитя...

В окне было еще одно, маленькое, окошко, которое называется «форточка», и Пушкин его открыл. В комнату повалил снег.

Тогда Александр Сергеевич уселся в кресло. Рядом с ним, на диване, спала огромная белая борзая собака, красавец пес с золотистой головой, а прямо перед ним на стене висел портрет прадеда в офицерской форме времен Петра Великого. Прадед был темнокож, с почти черным лицом, он носил серебряный парик и саблю под мышкой. Пушкин обратился к нему с вопросом:

— Как заставить злого духа войти в комнату? Как вынудить его отвечать на мои вопросы? Какая магия заставит его открыть мне мое будущее?

На картине рядом с левой рукой прадеда лежала стопка книг, а под ними нечто, что почти стерлось и в чем с трудом можно было распознать какой-то темный предмет. Пальцы прадеда опирались на книги и на этот непонятный предмет, словно указывая на них. Словно это был уже давно приготовленный ответ на вопрос Пушкина. Александр Сергеевич, однако, прекрасно знал, что это за предмет, потому что он все еще находился в родительском доме, причем на том же самом столе, на котором его изобразил художник сотню лет назад. Это была шкатулка прадеда Пушкина, обтянутая кожей с металлическими заклепками. Александр Сергеевич взял шкатулку и открыл ее. Внутри лежали три иглы для колдовства вуду и кошелек с давно вышедшими из обращения стары-

ми монетами разных царств и империй. Эти монеты тоже использовались для магических действий.

Открывая шкатулку, Александр Сергеевич вспомнил легенды о прадеде и его африканском происхождении, которое в роду Пушкиных давало о себе знать из поколения в поколение. Вспомнил он и рассказ о том, что магические иглы из Африки в Россию привез, спрятав их в волосах, его дед, после того как его, еще мальчиком, захватили работорговцы и продали в Царьграде некоему графу Савве Владиславовичу Рагузинскому. Граф и сам был не чужд магии, причем именно той, которая использует старинные монеты. Мальчика он решил купить за любые деньги, после того как разглядел в его волосах волшебные иглы. Он привез маленького черного раба в Россию и подарил Петру Великому, который дал тому имя Абрам Петрович Ганнибал, выучил в военных училищах на офицера и женил на русской дворянке...

«Если хочешь узнать о себе правду, — говорил Ганнибал, и слова эти в семействе Пушкина не забывали, — знай, что открыть ее тебе может только враг. Если сумеешь его заставить. А именно этому и служат иглы...»

— Кто самый большой враг человека? — продолжал задавать вопросы Пушкин, и сам тут же нашел ответ: несомненно, это дьявол. Следовательно, именно его нужно призвать с помощью игл и заставить открыть будущее. Но как распознать дьявола? Как убедиться в том, что ты призвал именно его, а не

кого-то другого, кто дьявола отродясь не видал? Значит, сначала нужно проверить и только затем задавать интересующий вопрос... Значит, должно быть известно, что на самом деле представляет собой дьявол и как его узнать. В народе говорят, что люди видят дьявола, а дьявол — Бога. Кроме того, есть мнение, что слезы у нечестивого несоленые. Что он всегда сначала солит, а потом ест. У него прекрасный нюх, и свою жертву он может унюхать за много километров. И еще одно, может быть самое важное, обстоятельство. Дьявол ест так же, как и люди, но ничего не может переварить. Если он выпьет красного токайского, то вместо мочи извергнет из себя то же самое красное токайское. Если съест рыбу, проглотив ее целиком, она выйдет из его организма непереваренной и нетронутой, так что хоть снова на стол подавай. Происходит это потому, что только дьявол не участвует в общем всемирном обмене материи...

Вот такие картины и воспоминания кружились в голове Александра Сергеевича, которому было хорошо известно, что монеты в кошельке графа Рагузинского и иглы прадеда не случайно оказались в сундучке вместе.

— Ну так перейдем к делу. Надеюсь, что иглы моего прадеда Ганнибала все еще действуют, если применить их вместе со старыми деньжатами графа Рагузинского. Немного африканской магии Абрама Петровича Ганнибала и немного балканской магии графа Саввы Рагузинского мне не помешает. Но

важно кое о чем не забыть. У меня такие же волосы, как у прадеда. Настоящие африканские волосы. И чтобы его иглы меня узнали, назову им пароль...

И Александр Сергеевич отрезал одну из своих кудрявых прядей и бросил ее в шкатулку. Потом позвал какую-то Арину Родионовну и приказал принести из кухни трех тряпичных кукол в широких юбках, которыми во время еды накрывают чайник, миску с пирожками или вареными яйцами, чтобы они не остыли...

Когда куклы были принесены, оказалось, что одна из них — это монах с седой бородой, в широкой мантии, перетянутой черным шнурком, вторая — ба-рышня в красной юбке с кринолином и волосами из мочала, а третья — богатырь в мундире, расшитом золотыми шнурами, и с генеральскими эполетами, перепоясанный саблей.

— Итак, вы здесь, — пробормотал Александр Сергеевич и повернулся к полке с книгами. — Сейчас узнаем вашу судьбу. Нам нужно какое-нибудь историческое событие, куда можно было бы вас поместить.

Он снял с полки «Историю государства Российского» Карамзина и первый том изданной в 1722 году в Венеции истории России и Петра Первого. Положил книги на стол и ногтем открыл наобум сначала венецианский том. Оказалось, что он открылся на 1599 году. Царствование Бориса Годунова.

— Посмотрим, что здесь написано, — сказал он и начал читать: — «Борис Годунов убил царевича

Димитрия и стал царем, но настоящую угрозу для Годунова представлял некий Лже-Димитрий, самозванец Гришка Отрепьев. Напуганный военными успехами Лже-Димитрия, царь впал в такое отчаяние, что отравился, а самозванца в Москве венчали на царствование и женили на полячке, ясновельможной пани Марине Мнишек-Сандомирской...»

Тут Пушкин закрыл книгу и заключил, обращаясь к куклам:

— Хватит с вас истории. Придется вам и самим кое-что узнать о себе. Итак, обратимся к жизни. К вашей жизни. Венецианский историк говорит, что рассказ о Годунове — это одновременно и комедия и трагедия. Почему бы и нет? Тут есть и лицо и изнанка, так же как и у вас, кукол. То же самое и в жизни. Одна и та же история на улице развивается как комедия, а в книге как трагедия... Попробуем. Но сначала мне придется с вами тремя как следует поговориться, чтобы вы больше от меня не смогли сбегать... — сказал он.

И Александр Сергеевич взялся за работу, исписывая бумагу рядами цифр и до ранней зари зажигая все новые и новые свечи от старых. Уже светало, когда он осторожно достал из шкатулки старинные монеты Рагузинского и принялся разглядывать их, откладывая некоторые в сторону и сравнивая, соответствуют ли они тем подсчетам, которыми он занимался всю ночь. Потом взял кукол и сказал:

— Сейчас я открою вам, кто вы такие на самом деле и как вас зовут!

Сначала он положил перед собой суконного парня с саблей.

— Посмотрим, — обратился он к нему, — кем бы мог быть ты? Гришкой? Имя тебе вполне подходит. Итак, самозванец. Лже-Димитрий. Что, боишься? Конечно, боишься. Вот, тебе полагаются три монеты. Так говорят расчеты, и давай без обид. Какие три монеты? И это я высчитал. Один венецианский грош, один византийский серебряник и половину дубровницкого динара. Не больно-то ты дорог. Посмотрим... Теперь, братец, придется тебе расстегнуться... Ты будешь лжецарем, самозванцем. Венецианская история России говорит, что ты расстрига, другими словами, бывший монах, монах-отступник. Еще сказано, что ты выучишь латынь и будешь писать письма в Рим, Папе. А когда войдешь в Кремль, поднимется сильный ветер. Ты будешь вести войны, и в этом тебя поддержит один из моих предков, один из Пушкиных. Так что мы с тобой старые знакомые. Тому уже два столетия. Кроме того, в венецианской истории говорится, что ты, лжецаревич Димитрий, будешь править Россией до тех пор, пока народ не вытащит тебя из царских палат и не убьет на площади. И в этот момент снова начнет дуть ветер...

И Александр Сергеевич перочинным ножиком распорол на кукле мундир и зашил ей в грудь три монеты. Занимаясь этим, он напевал:

Там мужики-то всё богаты,
Гребут лопатой серебро;
Кому поем, тому добро...

— С тобой, Гришка, все прошло гладко, — добавил Александр Сергеевич и взялся за куклу с седой бородой, в монашеской рясе.

— Ты, значит, монах. Таких во времена Бориса Годунова и Гришки-самозванца вокруг царей и двора была тьма-тьмущая. Некоторые из чудовского монастыря, откуда сбежал к полякам Гришка Отрепьев, чтобы с ними пойти походом на Москву. А некоторые видели убийство царевича Димитрия в Угличе, совершенное по приказу Годунова. Ты будешь одним из таких монахов. Звать тебя будут Пимен. А коли так, то садись, брат, и пиши, что я говорю:

...Еще одно последнее сказанье,
И летопись окончена моя...

Вот так. Теперь немного отдохни. А я посмотрю, что говорят расчеты насчет тебя. Просто не могу поверить! Как ни крути, выходит, что тебе положено всего две монеты. Может, ты какую утаил? Вот, цифры говорят, что это одна турецкая акча и один немецкий серебряный талер. Ну, ничего не попишешь.

И Александр Сергеевич зашил под монашескую рясу полотняного монаха Пимена акчу и талер из кошелька графа Рагузинского.

— Теперь твоя очередь, красавица. Про тебя мне известно, что номер твой — женский, а он всегда четный, так что тебе достанется четыре монеты: один полусеребряный талер, один золотой грош, один дубровницкий динар и одна акча.

Он взял куклу в красной юбке на кринолине, поцеловал ее и расстегнул на ней одежду. Затем зашил в подкладку четыре монеты.

— Звать тебя будут Марина Мнишек-Сандомирская. Ты девочка красивая. Но и дорогая, — добавил он. — Ты будешь ясновельможной пани из Польши и русской лжецарицей, женой самозванца Гришки. Когда ты будешь въезжать в Москву на венчание, налетит вихорь. Когда чернь схватит и потащит убивать твоего мужа-самозванца, ты заберешься под юбку к своей кормилице, такую же, как на тебе, и там спрячешься. Так говорит о тебе венецианская книга...

После этих слов Александр Сергеевич обратился ко всем куклам вместе:

— Для того чтобы я мог призвать вас в любой момент, когда вы мне понадобится, мне нужно представлять себе, как вы выглядели в жизни, что вы делали и говорили. А чтобы мне этого добиться вернее всего, придется написать драму для театра, в которой вы заговорите и снова окажетесь в вашей прежней жизни. Итак, если я сочиню драму о Борисе Годунове, лжецаре Гришке Отрепьеве и о его жене Марине Сандомирской да еще добавлю что-нибудь об отце Пимене, вы снова оживете. И когда я вас призову, сможете явиться и ответить на вопрос, который меня мучит и который я хочу вам задать... А на сегодня хватит!

На стене висело позолоченное флорентийское зеркало в деревянной резной раме, от которой оста-

лась только позолота, потому что дерево съел жу-чок. На диване спала борзая, в комнате горела свеча, которая отражалась в зеркале. Александр Сергеевич дунул в зеркало, и свеча погасла.

Лежа в темноте, перед тем как заснуть, он про-бормотал:

— Тело учится и понимает быстрее, чем душа, потому что у души есть время, а у тела его нет.

ВТОРОЙ СТРАХ

Как только оперный певец Дистели заснул, он увидел в продолжении своего сна о Пушкине, что тот сидит и что-то пишет, а потом и услышал, что именно этот русский писал.

«Я не читал Кальдерона и де Вегу, но как великоле-пен Шекспир!» — писал Александр Сергеевич своему другу Николаю Раевскому в тот час, когда ему испол-нялось двадцать пять лет от роду. Но на столе перед Пушкиным рядом с только что законченной драмой «Борис Годунов» лежал не Шекспир. В тот момент на столе перед ним лежали три кухонных куклы, кото-рых в драме он воплотил в самозванца Гришку Отре-пьева, красавицу Марину и монаха Пимена.

Отодвинув в сторону рукопись, Александр Сер-геевич с улыбкой обратился к куклам:

— Все вы здесь, внутри, дорогие мои, все вы попа-ли в трагедию. Потому что в этой книге — трагедия.

Но вот там, снаружи, в жизни, вам придется потяжелее. Там властвует комедия... А в комедии больно. И еще как больно! Вам сейчас пора собираться в дорогу, в жизнь. И в жизни, мои хорошие, тоже бывает больно. Жизнь — штука вонючая и болезненная. Вы это сразу почувствуете на собственной шкуре. Но вы должны знать, каким образом я позову вас, когда вы мне понадобится. С помощью игл!

Тут Александр Сергеевич взял куклу Марину в красной юбке с кринолином и воткнул ей в грудь одну из африканских игл с головкой из верблюжьей кости. Послышалось, как кончик иглы царапнул зашитые в куклу монеты из Византии и Венеции. Потом сделал то же самое с куклой монаха Пимена и, наконец, с перепоясанной саблей куклой по имени Гришка.

— Больно? Конечно, больно. Но ничего не поделаешь. Это жизнь. Не бойтесь, теперь вы уже сможете ходить. Я вам больше не потребуюсь, разве что в случае, если позову вас. И книга нам больше не нужна. Потому что в книге вы мне больше не нужны, вы нужны мне в реальности. Когда я захочу вас увидеть, встретимся в Петербурге. Я вызову вас из ваших жизней, из XVI и XVII веков в мой XIX век обычным уколom иглой. И тогда, когда я вас призову, вы будете уже не куклами, а живыми созданиями, взятыми взаймы моим столетием у вашего. И не пытайтесь от меня удрать, потому что куклы остаются здесь, у меня, с иглами. И за любое ваше непослуша-

ние или неосмотрительность я буду вонзать иглу все глубже. А вы уже сейчас почувствовали и узнали, как это больно. У меня все, а теперь прочь от меня, адское племя!

ТРЕТИЙ СТРАХ

Сон Дистели продолжается зимним днем, когда тишина глубже слов, а действие его происходит в Петербурге. Дистели никогда не был в этом городе, но он откуда-то знает, что это северная русская столица и что в этом сне Пушкин садится в сани, держа в руках тряпичную куклу, из груди которой торчит африканская игла с головкой из верблюжьей кости. Сани остановились перед Петропавловской крепостью.

Пушкин, как он этого и ожидал, увидел в церкви старика с седой бородой, в монашеской рясе. Его огромный рост и худоба вызывали изумление. Пушкин едва узнал Пимена, который воскликнул, увидев посетителя:

— Батюшка, Александр Сергеевич, наконец-то! Во имя всего святого, что же это вы со мной делаете?

— Отец Пимен, благослови и прости, если есть за это прощение, — ответил Александр Сергеевич и повез монаха до ближайшего трактира. Там он велел кучеру ждать его поблизости и не гасить фонарей на санях, а сам со своим гостем вошел в трактир

и заказал обед — щи, жареную утку, грибы, страсбургский пирог и две бутылки красного токайского. Пока они ели, монах постоянно жаловался.

— Вы, батюшка, оставили меня ни там, ни здесь, вы забыли меня. Слышали мы, ваше высокоблагородие, что вы поэт; говорят, что даже все сны вам в стихах снятся, но позвольте мне спросить, до каких пор мне, такому, томиться теперь в ожидании, когда что-то разрешится?

— Не такой уж ты невинный, каким кажешься. Ты, братец, воевал, небось, и под башнями Казани, и в Литве... Видел, не сомневаюсь, роскошь царского двора...

— Что да, то да. Я даже знавал Пушкиных, ваших предков, и мы с ними легко находили общий язык, но вас, батюшка, я понимаю с трудом... Вы, ваша светлость, человек молодой, так что позвольте мне, старцу, пребывающему в церковном послушании, сказать вам — не богоугодное дело вы со мной затеяли. Нет, не богоугодное. Прех это. Что же это вы делаете со мной, монахом, Богу обеты принесшим? И не стыдно вам? И еще кое-что хочу у вас спросить: ради Бога, скажите, где ж это мы с вами, батюшка, оказались?

— Как где? В Петербурге.

— Отродясь не слыхал о таком. А это что же, неужто в России? Я ничего не понимаю из того, что здесь говорят, да и у вас, простите уж, только одно слово из каждых трех ухватить могу, словно кузнециков ловлю.

— Так это потому, что ты говоришь по-украински. И еще потому, что ты из века моих предков. Но не твое это дело разбираться в нашем времени, давай лучше чокнемся да продолжим обед.

Вот так, за разговорами и едой, подливал Александр Сергеевич своему гостю красное токайское до тех пор, пока голова монаха не упала в тарелку.

Едва дождавшись этого, Александр Сергеевич вывел его на снег и подвел к своим саням, стоявшим неподалеку. Тут оба они остановились в пятне света от фонаря, и Александр Сергеевич впился взглядом в отца Пимена, ожидая решающего момента. Монах глубоко вдохнул воздух, полный мелких снежинок, поднял рясу и вытащил огромный член. Он мочился так, что даже лошади, почувствовав это, принялись поливать снег под собой.

Однако отец Пимен извергал из себя вовсе не красное токайское, которое они пили за ужином, а то же, что и лошади, рядом с которыми он стоял. В свете фонаря это было ясно видно.

— Кто ты на самом деле, батюшка? — спросил монах, опуская рясу. — Ведь грех это — похищать у Бога людей, как ты сделал со мной. Может, ты дьявол?

— Нет, отец Пимен, нет, просто я тот, кто ищет дьявола, чтобы кое-что спросить у него. Но, вижу я, не дьявол и ты, потому что дьявол мочился бы красным токайским, а не тем, чем мочишься ты и лошади. Так что не стану я ничего у тебя спрашивать, потому что мой вопрос не к тебе, а к нечестивому.

Ошибся я, а ты меня прости... Помолись Богу за мою душу, один Он знает, что я это делаю не по злобе, а от муки.

С этими словами Александр Сергеевич уселся в свои сани, оставив Пимена стоять на снегу. Глядя через окно на монаха, который, чтобы согреться на морозе, крестился быстрыми движениями, ударяя себя в лоб, по животу и плечам, Александр Сергеевич вытащил из кармана на внутренней стенке саней седобородую куклу в монашеской рясе. Он внимательно ощупал зашитые в нее монеты и резким движением вытащил из ее груди африканскую иглу своего прадеда Ганнибала.

В тот же момент стоявший рядом с санями Пимен исчез, словно испарился.

— Итак, Пимен не дьявол. Осталось проверить еще двух. Гришку и Марину. Может, дьяволом окажется кто-то из них. Трудное дело, — заключил Александр Сергеевич и велел кучеру трогать. Он торопился и бранил слугу, требуя, чтоб тот гнал что есть мочи, так что, возвращаясь домой, они чудом остались целы.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРАХ

В продолжении сна господина Дистели стало еще холоднее, и его сон замело снегом. В этом сне, и сам оказавшись посреди заметенного снегом Петербурга,

Александр Сергеевич Пушкин послал ясновельможной пани Марине Сандомирской засахаренные фиалки и приглашение на ужин в ближайшей гостинице. На эту ночь он снял целый этаж, где было два прекрасных зала и две спальни, и теперь ждал там гостей. Был заказан богатый ужин, а выбор вина он отложил, чтобы Марина смогла высказать свои пожелания.

Но гости все не было и не было. Прислуга накрыла стол, на нем стояли блюда с закусками — лимбургский сыр, пирог, рыба и ананас, а Марины Мнишек-Сандомирской и не видно. Воспользовавшись удобным моментом, Александр Сергеевич снял с большого пальца свой перстень с печаткой и засунул его в меньшую из двух рыб, лежавших на блюде. После этого он положил на свою тарелку большую рыбу, а вторую, со спрятанным в ней перстнем, на тарелку гости. Она не появлялась, и Александр Сергеевич достал куклу в красной юбке с кринолином, в подкладку которой были зашиты деньги, отчеканенные на широком пространстве от Венеции до Царыграда, и надавил на африканскую иглу, торчащую из ее груди, так, чтобы она вошла в тело куклы немного глубже. Через несколько минут раздался стук в дверь — три масонских удара, которые Александр Сергеевич узнал и ответил на них соответствующим образом. Он изумился, когда в комнату влетела красивая раскрасневшаяся девушка в красном платье с янтарными бусами.

— Прекрати, что ты со мной делаешь! — вскрикнула она на пороге и распахнула платье на груди, где под бусами виднелась незажившая рана.

— Пани Мнишек! Марина! Да ты же говоришь по-литовски! — воскликнул Александр Сергеевич. — И плачешь! А я думал, ты мне скажешь: «Молчи! Ты глуп и молод, не тебе меня любить». Как я закажу тебе шампанское, если ты не заговоришь по-русски? Правда, шампанское говорит на всех языках. Думаю, к твоему платью лучше всего подойдут две бутылки «*Veuve Clicquot*» из черного винограда. Рыбу я заказал, и она из-за того, что ты опаздывала, уже на столе...

Гостья села, немного успокоилась, и Александр Сергеевич смог наконец-то толком рассмотреть ее. Лицо ее было покрыто венецианской пудрой, которую там называют «мортиша», а буйные волнистые волосы уложены, как на прическах красавиц с картин Тициана. Приступив к ужину, они начали разговор.

— Читала ли ты в «Московском вестнике» и «Северных цветах» «Бориса Годунова»?

— Нет. Я читала его по твоей рукописи. Там у тебя написано, что на моих губах не бывает улыбки. Это неправда.

— Как ты думаешь, почему время правления Годунова венецианский историк назвал трагедией и одновременно комедией?

— Это же спросит и царь.

— Какой царь?

— Как — какой? Царь Николай Первый. Какой же еще?

— Откуда ты знаешь?

— Это не твое дело. Так хочешь, чтобы я тебе ответила, или нет?

— Скажи, красавица, почему венецианский историк назвал время правления Годунова и комедией и трагедией?

— Потому, что в XVIII веке, то есть тогда, когда писал этот венецианский историк, в литературе существовал такой жанр. Это называлось трагикомедией. Если не веришь, возьми Мануила Козачинского, почитай. У него есть трагикомедия о царе Уроше...^{*} Но я думаю, что ты все это и так хорошо знаешь, просто у тебя другое мнение о трагедии и комедии.

Пока Александр Сергеевич был занят разговором, гостыя прямо у него на глазах проглотила целую рыбу вместе с его перстнем внутри. Перед ней осталась пустая тарелка.

— Знаешь, он вообще-то не из Венеции, — зашебетала она и протянула бокал, чтобы ей налили шампанского.

— Кто не из Венеции?

— Да этот твой венецианский историк. Его звали Захарие Орфелин.

---

^{*} Имеется в виду сочинение писателя, преподавателя Киево-Могилянской академии Мануила Козачинского «Трагедия, сиречь печальная повесть о смерти последнего царя сербского Уроша V по падении Сербского царства» (1733).

— Откуда ты знаешь? — ошеломленно уставился на нее Александр Сергеевич.

— Есть подписанное издание его книги, которое запрещено...

Пушкин обрадовался. Его расследование развивалось успешно.

«Такие вещи могут быть известны только тому, кто имеет сношения с демонами», — подумал он и налил ясновельможной пани полный бокал шампанского.

Они чокнулись, и после следующего бокала Сандомирская заявила, что она утомлена и хотела бы отправиться на покой. Пушкин выслушал это с облегчением.

Утром Александра Сергеевича разбудила мысль, что он упустил нечто важное, что на ясновельможной пани были сапожки из тех, что носят в постели, и что он, судя по всему, прошлой ночью должен был предпринять в связи с ней еще что-то. Он ворвался в ее комнату, которую накануне закрыл за ней на ключ, но гости в гостинице уже не было. Было ясно, что Сандомирская выбралась наружу тайком, через его спальню. В ее комнате он увидел на столе тарелку, на ней лежала целая, словно нетронутая, рыба, которую гостя проглотила за ужином, и стоял бокал с красным шампанским «*Veuve Clicquot*». На скатерти было написано смоченным в шампанском пальцем: «Привет от Марины Мнишек».

«Это хорошее предзнаменование», — подумал он и вилкой достал из рыбы свой перстень.

— Итак, красавица, ты попалась! Ты не перевариваешь пищу, так же как и любой дьявол.

И он еще глубже вдавил свою африканскую иглу в куклу, одетую в красную юбку с кринолином. Игла вошла глубоко, почти по самую головку из верблюжьей кости.

Ждать долго не пришлось. Послышался стук в дверь, и в комнату ворвалась Марина.

— Что еще тебе нужно от меня? Можно было сразу спросить, я бы тебе все сказала. И мог бы не прибегать к трюку с шампанским и рыбой. Я Алидлат, имя мое — дьявол. Ты это хотел узнать? А раз ты теперь знаешь, кто я, скажи, что мне сделать, чтобы ты оставил меня в покое?

— Хочу кое о чем спросить тебя, душа моя.

— Спрашивай.

— Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь сулил,

На камнях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом...

— Это твои стихи. Хочешь спросить, хорошие они или плохие? Искренне говоря, посредственные.

— Не шути так. Не я тебя спрашиваю, а стихотворение, и придется тебе ответить на этот вопрос.

— Хочешь узнать, где и как тебя настигнет смерть?

— Да. Вокруг меня плетут сеть. Я должен знать, как мне защищаться.

— С тех пор как существует мир, никому не дано знать того, о чем ты спрашиваешь. Но я могу кое-что сделать для тебя в другой области. Выслушай и не хватайся сразу за свою иглу, потому что вообще-то иглы есть и у нас, демонов. Итак, будь мудр и бери то, что тебе дают, вместо того, что получить невозможно. Раз твой вопрос задан в стихах, мой ответ тоже будет поэтической природы. Если согласен на такое предложение, бери пистолет и плащ, а мне одолжи свой мундир с золотыми пуговицами. Я в нем неплохо буду смотреться. Итак, вперед. Мне пистолет не понадобится, но свой ты заряди. Тебе придется стрелять...

Пока они спускались по лестнице гостиницы, Марина объясняла цель их предприятия:

— Недавно ты закончил шестую главу «Евгения Онегина». Там описана дуэль, на которой герой твоего романа убил своего друга Ленского. Стихи прекрасные, но ты без труда сможешь сделать эту сцену еще более выразительной, и тут наша прогулка тебе поможет. Вот здесь, смотри, роща над рекой, поля-

на, покрытая снегом, все так же, как и там, в твоём романе, где ты описываешь дуэль. Представим себе ненадолго, что я Онегин, а ты Ленский. Ляг на снег и вообрази, что я в тебя уже попала. По-моему, тут-то и можно внести исправления в сцену из романа. Потому что там, в книге, это только трагедия, а здесь, в реальности, это комедия, и это больно, как ты любишь повторять...

С этими словами Марина толкнула Александра Сергеевича, и он упал в снег, отчего оба они рассмеялись. При этом он заметил, что у Марины в языке дырка.

— Ну вот, видишь, я умею смеяться. А что касается тебя, то ты будто бы смертельно ранен в живот, но у тебя еще есть силы опереться на локоть и выстрелить в меня. Ты так и сделай. Прицелься и стреляй. Без жалости! То, что должно быть больно, пусть и будет больно. Стреляй!

Александр Сергеевич, который лежал на снегу опершись на локоть, так, словно он действительно ранен, прицелился Марине в грудь, подумав: «*Le vin est tiré, il faut le boire!*» Я заставляю тебя отвечать на мои вопросы!» Он целился как раз туда, где под его мундиром, который был на Марине, находилась ранка от африканской иглы. Выстрел был метким. Пуля попала в Марину, но, отскочив от гладкой металлической пуговицы мундира, не причинила ей вреда.

— Это называется «рикошет»! — воскликнула она. — Пуля, скользя по гладкой поверхности, изменяет траекторию. Так промахиваются... И это все, что я, демон женского пола, могу сделать для тебя в области поэтического ремесла, где ты все же искуснее. А теперь отдай мне куклу вместе с воткнутой в нее иглой! Я это заслужила.

— Почему ты думаешь, что я соглашусь отдать тебе куклу?

— Потому что в обмен ты получил все, что можно получить.

После этих слов Александр Сергеевич бросил куклу Марине. Она подхватила ее на лету, разорвала, швырнула назад Александру Сергеевичу монеты и иглу, а куклу унесла с собой.

ПЯТЫЙ СТРАХ

В тот момент, когда оперный певец Матеус Дистели заснул в онкологическом отделении больницы, в своем купленном сне, выловленном из будущего, где Дистели больше не будет, Александр Сергеевич проснулся с мыслью, что кучер вчера вечером слишком быстро вез его домой. Пушкин вспомнил, как тщетно кричал ему: «Потише, дурак!» — и констатировал, что его выдумка с куклами застряла где-то «между собакой и волком».

«Хоть я и нашел дьявола, но дело отнюдь не прояснилось. Марина улизнала. И все получилось „ни два ни полтора“. Ясновельможная пани не дала ответа на мой вопрос. Остается еще Гришка, но что будет, если мое предположение, что он тот самый, нужный мне козырный туз из рукава, подтвердится? А он опасен. Может и за саблю схватиться. Тогда дело плохо. Я за иглу, он — за саблю. Но, впрочем, и против этого есть свои средства...»

Гришке Александр Сергеевич назначил встречу в пивном погребке, где потолок был таким низким, что несомненно помешал бы тому вытащить саблю из ножен. Он взял куклу с генеральскими эполетами и отправился на свидание в надежде, что снова встретит дьявола. Когда экипаж остановился перед пивной, он на всякий случай поглубже продвинул иглу Ганнибала в груди куклы, чтобы вернее разбудить «рогатого», если тот действительно сидит в Гришкиной душонке. И на всякий случай осторожно ощупал монеты под сукном его мундира, а потом, выходя из экипажа, положил куклу в карман на внутренней стороне дверки и направился в пивную — чего-нибудь выпить и дожидаться гостя.

Пушкин сидел над стаканом лимонада, когда ему показалось, что в выходящем на улицу окне он увидел Гришку, направляющегося к двери пивной. Было ясно видно, что одна его рука короче другой.

— Хорошо, если это вообще может быть хорошо, — прошептал Александр Сергеевич, и сердце его

дернулось, как рыба на крючке, словно заметило, что он что-то упустил, но сам этого пока еще не знает.

«Так оно и есть, сердце немо как рыба. Никогда толком не знаешь, чего именно оно от тебя хочет», — думал Александр Сергеевич, внимательно следя за входной дверью. Но время шло, а Гришка все не появлялся. И тут ему пришло в голову, что Гришка, если это действительно был он, выглядел как-то странно.

— Точно, — прошептал он, — обрил голову! И спешил по морозу с голой головой.

«Да, в этом все дело, — молнией пронеслось у него в голове, — он обрил голову, чтобы стать не подвластным силе магии и обезвредить колдовство! Опять этот расстрига расстригся и теперь даже не подумает идти в пивную, а гуляет где-то на свободе. Из трагедии прямо в комедию!»

Александр Сергеевич выскочил на улицу, огляделся по сторонам, но его гостя нигде не было.

Уже сгущался вечер, ночь медленно плескалась в Неве, и он с холодеющим сердцем подбежал к экипажу и вытащил куклу с генеральскими эполетами, чтобы проверить, не выпала ли из тряпочной груди африканская игла. Игла была на своем месте, сидела она глубоко, но, к ужасу Александра Сергеевича, кукла оказалась распоротой. В ней больше не было монет, которые он собственноручно туда зашил. Ни венецианского гроша, ни византийского серебреника, ни половины дубровницкого динара — ничего

этого под сукном кукольного мундира не обнаружилось. Он растолкал кучера, который спал на козлах, и спросил было, не залезал ли кто в экипаж, но тут же отказался от безнадёжного дела. Кто бы ни взял деньги, будь то кучер, который их тут же пропил и теперь спит себя не помня, или Гришка, подкравшийся и стащивший монеты из собственной куклы, результат тот же. Из куклы по-прежнему торчит африканская игла, но монет под ее суконным мундиром больше нет, и это означает, что тот, кто забрал грош, динар и серебреник, пока игла сидела в груди куклы, осудил Гришку вечно оставаться ни живым, ни мертвым, между трагедией и комедией... Если только Гришка не дьявол.

— Но я этого никогда не узнаю...

Этим и завершились поиски нечестивого. Александр Сергеевич взял кнут из рук пьяного кучера, хлестнул лошадей, они тронулись, экипаж закачался, и он, убаюканный, задремал. На колокольне Петропавловского собора грянула полночь, лошади, испугавшись звона колоколов, быстрее понеслись в сторону дома. Бубенцы на них шепотом повторяли: «В-кон-це-оди-но-чест-ва-начи-на-ет-ся-смерть, в-кон-це-оди-но-чест-ва-начи-на-ет-ся-смерть...»

POST SCRIPTUM

У сновидений никогда не бывает названий. И в том, и в другом из описанных мною случаев я дал им имена. Здесь я хотел бы обратить внимание старшего следователя Строса на то, что сон Дистели я назвал «Сон о смерти Пушкина» потому, что он совершенно точно предсказывает его смерть, хотя и не говорит о ней прямо.

Как известно специалистам, Пушкин умер 10 февраля 1837 года от раны, полученной им во время дуэли с французским эмигрантом Ж. Дантесом, который стрелял первым. Очевидцы отмечают, что лежавший на снегу поэт, смертельно раненный в живот, оперся на локоть и сделал свой выстрел, причем пуля попала Дантесу в грудь, но рикошетом отскочила от металлической пуговицы на его мундире, не причинив ему никакого вреда.

Напоминаю это затем, что, возможно, эти сведения окажутся важными и в случае дела «Дистели — Лемпицка», которым занимается господин старший следователь Строс.

А. С. Клозевиц

Вторая часть отчета,
который по требованию суда
сделал Александр Клозевиц

(Фонозапись № 2)

Предоставляя судебным властям этот отчет о сне покойной госпожи Маркезины Андросович-Лемпицкой, сделанный в форме звукозаписи по требованию этих властей и господина старшего следователя Эугена Строса, хотел бы предварить его несколькими замечаниями.

Где-то ближе к середине этот «Сон госпожи Лемпицкой о шагах», как можно было бы его назвать, начинает вести себя довольно странно. Он разветвляется на три течения, три рукава, которые госпожа Лемпицка видит одновременно. Один из них она воспринимает как андрогинное существо, второй — как женщина, а третий — как мужчина... В сущности, точнее всего было бы сказать, что она видит сон в три этажа. Что означает этот трезубец, эта

трехэтажная конструкция в конце сновидения госпожи Лемпицкой, можно было бы узнать у специалиста по глубинной психологии, потому что я не психиатр и не способен проникать в такие вопросы. Я всего лишь обычный торговец.

И наконец, должен заметить, что сон вообще довольно странная материя. Кто-то другой на моем месте, безусловно, совершенно иначе описал бы тот же самый сон госпожи Лемпицкой и, вполне вероятно, распределил в нем имена и роли, потому что в каждом сне, и в частности в этом, личности могут раздваиваться, то есть распадаться на половинки. Кроме того, напомним, что Лемпицка воспринимала свой сон скорее на слух, чем зрительно.

Хотя я передаю свой отчет и пленку с фонозаписью, руководствуясь самыми лучшими побуждениями, мои возможности в этой сфере, несомненно, весьма ограничены.

А. С. Клозевиц

Сон покойной госпожи Маркезины Андросович- Лемпицкой о шагах

(как и насколько смог восстановить
и описать его А. С. Клозевиц)

«Не мы владеем домами, это они владеют нами» — такой громко прозвучавшей фразой начинается сон госпожи Лемпицкой, которая в нем сразу же превращается в мальчика. Мальчик жил в большом доме своих родителей, принадлежавшем им. Он спал на втором этаже, в комнате, которая находилась в другой комнате, большей по размерам, — столовой. То есть это была комната в комнате. Кроме кровати там стоял еще сундук для подушек, его украшали две кожаные ручки и фарфоровое яблоко на крышке.

В этой маленькой комнатке имелось два окна с красивыми шторами, через которые можно было рассмотреть домашних и гостей, если они сидели в столовой, а вечером к мальчику могла заглянуть мать, чтобы

узнать, заснул ли он. И если он лежал в кровати, держась за одну из кожаных ручек сундука, она считала, что он спит.

Но иногда мальчик не спал, несмотря на то что крепко сжимал ручку сундука с подушками. Он зажмуривал глаза и прислушивался. И слышал всегда одно и то же. Возле той стены, на которой не было окон, стоял огромный шкаф.словно третья комната в комнате. И из него иногда доносились звуки шагов. Кто-то расхаживал внутри шкафа, стоявшего в детской комнате... Правда, не всегда. Но слышно было хорошо.

Продолжалось это годами, и мальчик успел уже пойти в школу и научиться различать дни недели. И поэтому сумел определить, что шаги бывали слышны по воскресеньям, а иногда и по другим дням. Он долго мучился, пытаясь угадать, мужские они или женские. Или и мужские и женские? И куда они уходят, когда их звук замирает? У них были каблуки, но не очень тонкие, не такие, как у мамы. Значит, шаги принадлежали не маме. Иногда эти шаги за двустворчатой дверью деревянной громады были частыми и торопливыми, однажды они стали постепенно удаляться, а потом где-то вдалеке перешли в бег. Мальчик перепугался и напряженно вытянулся в своей кровати, но он не знал, как обо всем этом рассказать взрослым. Поэтому о шагах в шкафу он молчал.

В дверце шкафа была большая замочная скважина, и он был всегда закрыт на ключ. Одежда мальчика

и его вещи в нем не лежали. Иногда мальчик заглядывал в шкаф через замочную скважину, но внутри был мрак, от которого пахло табаком. Кроме того, в дверцах шкафа было два окошка, закрытых решетками с рисунком из переплетенных конских подков.

Прошло много времени, прежде чем мальчик понял, что кроме воскресенья шаги слышны и по праздникам. Словно в свободные дни кто-то приходил погулять в шкаф, стоявшем в его комнате. Однажды вечером мальчик увидел, что шкаф постепенно заливает лунный свет. И что он проникает и через замочную скважину. Испуганный, он подтащил стул, влез на него и через зарешеченное окошко заглянул внутрь. Но ничего не увидел. Сунул в темноту палец, замирая от страха, что кто-то или что-то укусит его, и почувствовал, что за решеткой деревянный ставень. Взяв карандаш, он приподнял ставень. По-прежнему ничего не было видно, потому что изнутри, за решеткой и ставнем, была привешена какая-то перчатка. То же самое он повторил с другим окошком. Там перчатки не было. И внутри шкафа в свете луны было видно нечто столь невероятное, что мальчик от изумления чуть не свалился со стула. В шкафу росло дерево. Ясно можно было различить его бело-черную листву в лунном свете, таком же тонком, как и тишина, царившая в шкафу. Там росло самое настоящее, живое фруктовое дерево с прозрачными красными вишнями, похожими на стеклянные... А под деревом спала огромная белая борзая.

Объятый ужасом, мальчик никогда больше не смог решиться заглянуть в шкаф, а дела там приняли совсем дикий оборот: однажды вечером из шкафа ясно донеслось, как журчит, бурлит и клокочет вода и тихий женский голос поет песню «Зеленое защищает от дождя...» В конце каждой строфы голос тихонько икал и после короткого колебания снова продолжал напевать. От звуков этого голоса в мальчике пришли в движение все жидкости. Все соки его тела, словно голос обращался прямо к ним, отозвались и вскипели. В нем запенились выделения всех желез, горячая кровь облетела его тело, неся за собой, словно тень, и какую-то другую сеть, которая была не кровеносной, а гораздо, гораздо более старой, какой-то древней рекой, что миллионы лет совершает круговорот по людским телам. В тот же миг медовой стала слюна под его языком, в горле загорчало от горьких слез, глаза обжигало соленым потом с запахом тела разгоряченной кобылицы, а его мужское семя приобрело вкус женского молока...

Словно лунатик, мальчик подошел к шкафу и шепнул в замочную скважину:

— Что ты здесь делаешь?

Голос внутри прервался, будто кто-то перекусил нить. Мальчик, недоумевая, повторил попытку:

— Эй, кто ты?

Незнакомый голос ответил шепотом, который звучал ближе, чем казалось мальчику:

— Скажу, чтобы ты потом не говорил, что я не сказала.

— Почему ты не пускаешь меня к себе?

— Зачем ты мне нужен?

И песня зазвучала снова, тихо, иногда прерываясь икотой. Девушка внутри шкафа между отдельными стихами песни чихала, издавая запах рыбы, почесывалась, кашляла особым образом: всегда дважды, тихо, потом громко, ругала коней, плевала, отхаркиваясь, свистела сквозь зубы, звенела ключами, будто пытаюсь изнутри открыть замок или закрыть его... И все это под песню.

Вдруг из шкафа кто-то дунул в глаза мальчику струей трубочного табака с ароматом вишни и меда. И тут все кончилось. В этом запахе, перепуганный и обессиленный, он заснул на полпути к кровати, опустившись на служившую ковриком овечью шкуру. Во сне незнакомое существо шепнуло ему на ухо несколько слов. Он не понял их, но запомнил и позже время от времени повторял, чтобы не забыть:

В этот час, Господи,
освободи нас от веры
и возьми к себе как добычу.

* * *

Как уже было сказано в начале этого отчета, течение сна госпожи Лемпицкой в этом месте разделяется на три отдельных рукава.

ТОТ РУКАВ СНА,
КОТОРЫЙ ГОСПОЖА ЛЕМПИЦКА
ВИДЕЛА КАК АНДРОГИН

Мальчик сидит за столом в своей комнате, за спиной у него шкаф, из которого время от времени слышно журчание воды, а в дверь входит Охараска, его двоюродная сестра. Ей 14 лет, он примерно в два раза младше, но ему неизвестно, сколько лет каждому из них. Миновал полдень, время течет, делая повороты и петляя. В этом доме родителей мальчика все наслаждаются послеобеденным отдыхом, а Охараска вносит на подносе стакан малинового сока и миску с манной кашей на молоке. Девочка сварила ее сама, и, прежде чем поставить стакан и миску перед мальчиком, она улыбается широкой улыбкой, полной зубов и языка.

Мальчик хорошо понимает, что означает эта улыбка, и в ужасе кричит: «Нет! Нет! Нет!» — но, словно заколдованный, не может оторваться от стула, на котором сидит...

— — — — —

Мальчик не понимает, что с ним происходит в те дни и недели, он грызет ногти на ногах, а после того, как они обглоданы, с ужасом слушает из постели, как вечером за круглым столом в столовой собираются гости...

Однажды вечером там уже сидели его мамочка Элеонора Цикинджал, у которой всегда, когда она

говорила, на затылке, в пучке волос, позвякивали серебряные шпильки и заколки, рядом с ней — невероятной красоты госпожа Теса Покумица, которая на ходу почесывалась, так же как на лету почесываются клювом птицы, и ее муж, господин Покумица, который все еще платил ей по часам за то, чтобы посмотреть на нее голую. У него иногда было два профиля — левый рыжий, а правый темноволосый. В столовую шумно вошла старая пани Марина Сандомирская-Ипсиланти, прокричав еще с порога: «Many kisses, many kisses!» И это предвещало, что она не намеревается в знак приветствия целоваться с каждым в отдельности. Она носила свой веер, ее речь заносило то в польский, то в литовский, и лицо ее, как обычно, было скрыто под венецианскими белилами. Она строго следила, чтобы колец на ней всегда было больше, чем лет, а визиты делала в обществе трех своих любовников, трех братьев из Миссолунги, которые умели произносить свою фамилию — Продромидис — на всех пяти священных языках. Продромидисы смотрели на мир сквозь туман из Миссолунги и ежегодно на Пасху получали от ясновельможной пани Сандомирской-Ипсиланти подарки. Эти подарки всегда были одинаковыми. Каждому по паре масонских перчаток из ярко-желтой оленьей кожи и по портрету, который пани Сандомирская-Ипсиланти заказывала написать маслом. Такие портреты писал на дне маленьких медальонов (по пять экземпляров каждого) один мастер,

известный своими росписями шхун и барж на реке, и использовались они для того, чтобы владельцы могли вручать их своим деловым партнерам вместе с визитной карточкой. Дело в том, что ясновельможная Сандомирская-Ипсиланти не верила в фотографию. Мальчику она тоже дарила подарки, и тоже особые, сделанные специально для него: у нее был мороженщик, которому она заказывала вырезать на леденце на палочке маленькую иконку, так что на Пасху мальчик получал изображение святой Параскевы или архангела Михаила. На вкус они были очень сладкими. При этом преподобная мать Параскева еще и дивно пахла ромом, а архангел Михаил с мечом — ванилью.

Но леденец на палочке, который мальчик сосал перед сном, был слабым утешением за то, что ему предстояло претерпеть. Слушая гомон гостей, он в своей постели и в чужом мраке грыз ногти на ногах, потому что его ужасало то, что будет сейчас происходить там, снаружи.

В центре гостиной стоял огромный круглый стол, и как только с него снимали скатерть, мальчик знал, что последует. Стол был изготовлен без единого гвоздя, и гости собирались за ним для того, чтобы вызывать духов.

— Кого призовем сегодня вечером? — спросила, садясь за стол, госпожа Цикинджал. — Может быть, покойного доктора Исидора? Он мог бы мне помочь. Похоже, я столкнулась с нечистой силой. По утрам,

как встану, все дверцы в доме открыты — и у буфета, где стоят стаканы, и у книжного шкафа моего отца, и у стенного шкафчика со сладостями...

— Со мной тоже кто-то похожие шутки шутит, — перебила ее госпожа Теса, — каждое утро вижу, что мои чулки узлом связаны. Боже, не оставь нас!

— Давно хочу узнать у Димитрия, были ли в его время женские масонские ложи, и присутствовал ли мой покойный муж на их собраниях, — добавила госпожа Элеонора Цикинджал, на что ее сын в своей комнате наострил уши, догадавшись, что этот «шпионаж после смерти» нацелен на его покойного отца.

— А разве членство в ложе не запрещает Димитрию распространяться о таких вещах? — поинтересовалась ясновельможная пани.

— Кто его знает? — равнодушно пробурчал самый старший из братьев Продромидис. — Скорее всего, после смерти они больше не обязаны хранить свои тайны...

— В таком случае, — подхватила госпожа Теса, — давайте посмотрим, доступен ли Димитрий сегодня вечером. Что скажете, не спросить ли нам у горшочка?

— Неплохое решение, — сказала госпожа Цикинджал, вытащила спрятанную за одной из картин рапиру, проверила, насколько она остра, и положила ее на круглый стол, а на крошечную плиту возле окна поставила глиняный горшочек с водой. Когда вода начала закипать, все насторожились, стало слышно,

как горшочек сквозь бульканье воды повторяет какое-то слово.

— Вик! Вик! Вик! — слышалось из горшочка.

— Что это еще за Вик? — изумилась госпожа Теса и своими прекрасными глазами посмотрела на себя в зеркало.

— Такого мы не вызывали, — сказал один из любовников ясновельможной пани Сандомирской.

— Не надо так о именах, — укоризненно проговорила госпожа Теса. — Ведь имена — это нечто наподобие бутылок, в которых хранится эссенция того лица, которое их носит, они содержат в себе нечто вроде гомункулуса...

В этот момент за столом появился еще один стул, совершенно прозрачный, будто из стекла, и на нем постепенно начала сгущаться фигура сидящего мужчины. Сначала рукав, от которого странно пахло, потом целиком плотное зимнее пальто, хотя на дворе стояла весна. Это пальто выглядело гораздо умнее, чем тот, кто его носит. Рука что-то писала на столе.

— Кто вы? — спросила госпожа Цикинджал.

— Неужели вы меня не узнаете, матушка? Я ваш Вик.

— Но я не знаю никакого Вика!

— На вашем месте, госпожа Элеонора, я не пустил бы в дом незваных гостей, — возмутился самый младший из Продромидисов.

— Как вы сказали, кто вы такой? — повторила хозяйка.

— Я ваш сын Виктор!

— Господи боже мой, да что он такое несет? Моему Виктору только-только семь лет исполнилось, и он спит за этим окном у себя в комнате. А вы... вы обманщик, и я немедленно выведу вас на чистую воду!

С этими словами госпожа Цикинджал схватила рапиру и вонзила ее в грудь человеку, который назвался Виктором.

Все вскрикнули, но Вик улыбнулся как ни в чем не бывало, потому что лезвие прошло сквозь него, как сквозь ветер, и воткнулось в спинку соседнего стула, с которого как ошпаренный вскочил самый старший любовник ясновельможной пани Сандомирской.

— Я думаю, матушка, мы не совсем тот горшочек взяли! — сказал примирительно Виктор.

— Как это так? — подала голос насмерть перепуганная прекрасная госпожа Теса, а госпожа Цикинджал, все еще в изумлении, по привычке перекрестила рапирой то место на теле незнакомца, где должна была быть рана.

— Вы, похоже, действительно не с этого света? Можете ли вы нам все это объяснить? — спросила она.

— Могу, — ответил Вик, — и объяснение этому очень простое: это не вы призвали меня, а я вас. Дух вовсе не я, а вы. Поэтому-то вы и не смогли ничего сделать мне вашей рапирой, которой, кстати, давно уже нет в этой комнате, так же как и картины, за которой вы ее прятали.

— А откуда это вы нас призвали, молодой человек? — спросила госпожа Теса.

— О, это и мне было бы интересно узнать. Но как я могу знать, откуда появляются мертвые, когда их призывают? Должно быть, вам самим это лучше известно.

— Мертвые? Вы сказали о нас, что мы мертвые?

— Ну не я же мертвый! Вы, тетя Теса, умерли еще в 1898-м, через два года после смерти вашего мужа; вы, господин Продромидис, хотя и самый младший, умерли, простите мне это слово, раньше, чем ваш старший брат, и жив до сих пор только ваш средний брат, дядя Харис. Именно поэтому его здесь и нет... Кроме того, после якобы смерти ясновельможной пани Сандомирской он получил в наследство самое драгоценное из ее колец, то, которое умеет шептать. Он говорит, что ясновельможная подарила ему это кольцо на смертном одре, хотя я, пани, не верю, что вы действительно умерли. Это в моих воспоминаниях покрыто каким-то туманом... Простите, что мне приходится это формулировать, но вы оказались как-то ни там ни здесь...

— Какая наглость! — воскликнула ясновельможная пани. — Стоит ему раскрыть рот, как вылетает ложь! Неужели, Элеонора, ты позволишь так поступать с гостями твоего дома? Неслыханно! Ну раз так, то давай и я тебе кое-что скажу: ты погибнешь от огнестрельного оружия, причем дважды: один раз во сне мужчиной, а второй раз наяву — женщиной!

— Дорогая тетя Марина, но ведь это как раз и означает, что я еще не погиб, что я жив и именно поэтому смог вас призвать!

— И как же, исходя из ваших знаний и умения, можно призывать мертвых? — вмешалась в дискуссию госпожа Цикинджал.

— Должен сказать вам для успокоения вашей совести, — ответил Вик, — что с того света мертвых призывать нельзя. Хотя духи существуют вечно — и до рождения, и после смерти, — их можно призвать только из какого-нибудь конкретного дня и года, когда они были живы, а не из того времени, когда они еще не родились или уже мертвы. Так и я вас призвал. Сдается мне, что это ваш 1881 год, май месяц того года. То есть седьмой год моей жизни. Здесь же, у меня, совсем другой год, другой век, к тому же зима, поэтому я так и одет...

— Ну хватит, наигрались! — прервала его рассказ госпожа Цикинджал. — Если все именно так, как ты пытаешься нам представить, то что мы будем делать с настоящим Виктором, который спит здесь, в соседней комнате, в чем ты и сам можешь убедиться. Стоит только заглянуть в это окно.

— Нет надобности убеждать меня в этом, матушка, потому что я *помню*, как спал в маленькой комнате, когда вы призывали духов, и я расскажу вам, потому что я это прекрасно помню, что я делаю в этот момент там, в своей кровати, в мои семь лет. Я в кровати сейчас не сплю, а от страха грызу ногти у себя

на ногах. Кроме того, я и сейчас, став взрослым, иногда по вечерам, в праздники или в воскресенье, мысленно прихожу в шкаф детской комнаты, чтобы через решетку бросить взгляд на себя, ребенка, который спит в своей постели...

— Да что бы ты тут ни болтал, — перебила его госпожа Цикинджал, — я, признаюсь тебе, не верю, что умерла, и точка... Странно... Ребенком ты не был таким некрасивым, как сейчас... Кто бы мог предположить, что ты так будешь выглядеть... Если это вообще ты... Какие же у тебя башмаки!.. Да в них кошка может окотиться! Впрочем, скажи нам наконец, чего ты от нас хотел, поясни, будь так любезен! Зачем ты нас, как ты выражаешься, призвал?

— По ошибке, матушка, просто по ошибке.

— А кого же ты на самом деле хотел призвать? — вступила в разговор прекрасная госпожа Теса.

— Дорогая тетя Теса, после вашей смерти я — а я был влюблен в вас, пока вы оставались красивой, а красивой вы оставались до глубокой старости, — итак я после вашей смерти собрал все ваши вещи: мелочи, баночки и флаконы с духами, белилами и румянами, носовые платки и карандаши для бровей, мушки, маникюрные ножницы и перчатки с вывязанными перстнями, щеточку для подкручивания ресниц, целую гору разных сверкающих предметов, и теперь вожу их за собой по всему свету, упакованными в зеленый чемодан, перетянутый ремнями... Иногда я их рассматриваю, и могу сказать, что и до сих пор они

порой начинают пахнуть так же, как пахли ваши волосы. Но сегодня вечером я хотел видеть не вас.

— А кого же? — спросила тетя Теса разочарованно.

— Чтобы не обижать вас, я скажу, кого хотел призвать и вместо кого по ошибке появились вы. Итак, слушайте.

Если вы призываете кого-нибудь из духов, то можете призвать и того, кто еще не родился, кто только находится на пути к рождению. Он тоже витает в бесконечном потустороннем мире еще не рожденных или уже упокоенных душ. Но души нельзя призвать из их небытия, их можно вызвать только из какого-то момента, когда они существовали, поэтому те самые души еще не рожденных мы можем вызвать из вселенной в единственно возможном виде, в котором мы их можем заметить или почувствовать с помощью своих чувств, то есть при их телесном существовании в утробе матери. Я, тетя Теса, хотел призвать одну такую душу из вселенной будущего. Одну еще не рожденную, но уже воплощенную душу, скорого пришествия которой в мир ожидает ее мать. Я хотел призвать это нерожденное существо для того, чтобы узнать, не я ли его отец и в какой части света оно находится, но в процессе вызывания допустил какую-то ошибку и получил вас... Вот и всё. Но раз уж вы все здесь, давайте воспользуемся этой встречей.

И Вик обратился к госпоже Цикинджал со словами:

— Матушка, я бы очень хотел узнать у вас кое-что, о чем не посмел спросить при жизни.

— А что это?

— Не знаете ли вы, кто это был в шкафу в моей детской комнате? Чьи шаги доносились оттуда? Там был чей-то женский голос, который тихо пел: «Зеленый цвет защищает от дождя...» И росло какое-то дерево.

— Опять ты несешь вздор, дитя мое! — ответила госпожа Цикинджал. — Впрочем, если верить тебе и твоим только что сказанным словам, это были твои же собственные шаги. Ведь ты сам сказал, что и сейчас, уже в летах, иногда приходишь туда, чтобы из шкафа посмотреть на детскую постель... Ерунда какая-то... Не следует тебе этим заниматься, мальчик мой. Это вредно для здоровья. Знаешь, как говорят: ни попу с наковальней, ни кузнецу с книгой никогда не справиться...

При этих словах горшочек на столе сам собой перевернулся вверх дном, а Вик исчез из поля зрения присутствующих, словно его и не было.

ТОТ РУКАВ СНА,
КОТОРЫЙ ГОСПОЖА ЛЕМПИЦКА
ВИДЕЛА КАК СУЩЕСТВО
ЖЕНСКОГО ПОЛА

Мальчик, в которого превращается госпожа Лемпицка, стоит ей заснуть, уже совсем не маленький. На этот раз госпожа Лемпицка встречает в своем

сне Виктора Цикинджала молодым человеком высокого роста, с хорошо проваренным и очень густым взглядом, он собирается продолжить обучение в Гренобле. У него уже есть дерево, которое плачет снизу вверх, точно такое, какого Лемпицкой как раз недоставало.

Как только она во снах обнаружила его в этом городе, Цикинджал зашел в корчму, заказал индейку с вишней и бордо с камамбером, который, по правде сказать, был ему вреден, но удержаться он не смог. Сидя между двумя своими зелеными чемоданами с ремнями, он снял со стены висевшую на крюке газету с бамбуковым хребтом и открыл страницу с объявлениями. Он искал, где сдаются комнаты. Тут же на глаза ему попало:

*СДАЕТСЯ ВАННАЯ КОМНАТА
С ВИДОМ НА РЕКУ И МЕСТОМ ДЛЯ СНА*

Обычно сдают комнаты с ванной, но здесь все было ровно наоборот. И опять он не смог удержаться и отправился посмотреть, как выглядит это предложение. Ванная комната имела балкон, на котором стояла плетеная садовая мебель, ручка двери была сделана в форме хрустального яблока, потолок представлял собой стеклянный купол, с которого свисала венецианская люстра, здесь же, на персидском ковре, стояли обитое бордовым плюшем вольтеровское кресло «с ушами» и каменная ванна, на краю которой был установлен мраморный женский бюст.

Он лег одетым в пустую ванну и посмотрел в окно. И увидел за окном реку. Действительно, это была ванная комната с видом на Изер. Еще здесь было нечто вроде прихожей, в которой за занавесом обнаружилась огромная двустворчатая дверь. Отсюда можно было бы пройти в другую часть дома, но она не сдавалась и дверь была закрыта на ключ. В этом старинном широком дверном проеме стояла раскладная кровать. Итак, в ванной комнате действительно, в буквальном смысле этого слова, было место для сна. Он ни секунды не колебался. Снял ванную и поселился в ней.

В университет молодой Цикинджал ездил на трамвае, оборудованном так, словно это жилая комната, там только что кофе не подавали. В этом-то трамвае как-то вечером, когда он возвращался с занятий, с ним случилось чудо. В центре города, возле парка, трамвай сбавил скорость настолько, что почти остановился; с площади доносились звуки музыки, и все пассажиры прильнули к окнам — посмотреть, что происходит. Так же поступил и Цикинджал. Лучше бы ему этого было не делать.

В парке располагался небольшой ресторанчик, и на его веранде посетители танцевали танго. Но какое танго! Ничего похожего Виктор Цикинджал никогда не видел, даже во сне. Движения пар, а их было с десяток, красотой превосходили музыку, и это ясно чувствовалось в трамвае, куда звуки доносились приглушенно. Виктор тут же, прямо на ходу, выска-

чил из трамвая, причем не он один. Другие пассажиры тоже выбирались наружу, чтобы усесться на веранде и насладиться сказочным зрелищем. Как зачарованный опустился он на свободный стул, перед которым на столике стоял пустой бокал с красным отпечатком женских губ. Краешек бокала был слегка обгрызен. Он не моргая смотрел на танцующих, и взгляд его был прикован к одной мужской паре, которая танцевала «кровожадное» танго. Эта мужская пара была безукоризненна, и ничто в ее движениях не казалось неестественным. В танце партнеры постоянно менялись ролями, женской и мужской, так что вел то один из них, то другой. Лишь позже, когда, не прерывая танца, молодые люди разбили свою пару и вернулись к партнершам, Вик заметил и тех. Точнее, сначала он заметил красное платье на одной из девушек. На платье была надпись:

Я НОШУ ТУ, КОТОРАЯ МЕНЯ НОСИТ

И это платье действительно носило свою хозяйку в танце. На ней был позолоченный пояс, но не на талии, а под грудью, и лакированные туфли с красными подошвами, которые бросались в глаза при каждом ее повороте. Танцуя, она не переставала курить над плечом своего партнера тончайшую, очень длинную трубку. Когда танго закончилось, молодой человек подвел ее к столу, за которым сидел Цикинджал, поклонился, благодаря за танец, и направился к своему столику, а девушка

с трубкой повернулась к Цикинджалу и сказала на его родном языке:

— Что ты здесь делаешь?

Он встал, смущенный, как река в устье. Посмотрел на ее губы, усыпанные разноцветными блестками, которые переливались на свету, как две рыбы:

— Как вы узнали, откуда я?

— Как я узнала? Легко, по тому, как пришиты у тебя пуговицы. Но ты можешь остаться за столом на двух условиях: во-первых, не пикнешь больше ни разу, а во-вторых, купишь мне мороженое. Можно в вафельном рожке.

Он пошел за мороженым, а когда вернулся, увидел на столе трубку. Девушка опять танцевала, причем теперь с каким-то другим кавалером... Казалось, что ее движения дирижируют музыкой, что музыка следует им, а не наоборот. Она мимоходом взяла из рук Цикинджала рожок и лизнула мороженое, не прерывая танца, все па которого на самом деле были ходами шахматной партии против того, в чьих объятиях она находилась.

— Ты тоже можешь лизнуть, — сказала она Виктору, рухнув на стул, едва замолкла музыка.

— Трудно танцевать так хорошо, как вы?

— Труднее всего приноровиться к пентюхам, с которыми приходится танцевать. Одни как еловые ветки: вспыхнут и тут же превращаются в дым, и мучайся с ними потом, другие как можжевельник — запах приятный, но, кроме запаха, от них никакого толку,

третьи похожи на вяз: крепки, но неотесанны, и огня от них нет, некоторые тверды, как бук, у некоторых мощные корни, как у дубов. Лучшие всех гибриды.

— А какой породы я?

— Ты не особенно сладок. Возможно, что-то похожее на вишню. Ничего не могу сказать, пока не потанцую с тобой.

— Но я не умею танцевать.

— Так я и знала! Впрочем, я уже натанцевалась. Ступни горят... Знаешь, что будут делать сегодня вечером все девушки, которые здесь танцевали?

— Нет.

— Держать ноги в холодном молоке.

Она сбросила с ног туфли, сунула их ему в руки, чтобы нес, и, вставая, спросила:

— У тебя есть холодное молоко?

— Есть.

— А далеко?

— Что?

— Ну и глуп же ты! Твоя ванная, я про нее спрашиваю, далеко ли?

— Нет. Тут, рядом, — ответил он, и они пошли.

Оказавшись в помещении, которое снимал молодой господин Цикинджал, девушка тут же укусила его за палец и прямо перед ним, остолбеневшим от изумления, сбросила с себя всю одежду, выхватила из холодильника бутылку молока и ринулась в ванную, захлопнув за собой дверь с ручкой в виде хрустального яблока.

Вик развалился на кровати, из ванной слышалось журчание и бульканье разных жидкостей и тихое пение девушки, которое время от времени прервалось икотой. Мелодия была ему откуда-то знакома, он даже, кажется, разобрал слова: «Зеленый цвет защищает от дождя...» И вдруг он понял. Девушка напевала танго.

Тогда он окликнул ее через дверь, не вставая с кровати:

— Эй, кто ты?

— Скажу, чтобы ты потом не говорил, что я не сказала. Зла-ти-я!

И песня зазвучала снова, тихо, прерываемая иногда икотой. Девушка в ванной между отдельными стихами песни чихала, почесывалась, кашляла через танго особым образом: всегда дважды, тихо, потом громко, ругала коней, плевала, отхаркиваясь, свистела сквозь зубы, звенела ключами, будто пытаясь изнутри закрыть замок. Наконец она потребовала, чтобы Вик набил ее трубку и принес раскуренную. Раскуривая трубку, он почувствовал на губах ее женскую влагу, вдохнул запах табака, отдававший вишней и медом. От этого запаха все жидкости в Вике пришли в движение и зашумели. Все соки его тела, словно голос обращался прямо к ним, вскипели. В его теле запенились выделения всех желез, горячая кровь облетела его тело, неся за собой, словно тень, и какую-то другую сеть, которая была не кровеносной, а гораздо, гораздо более старой, какой-то древней рекой,

что миллионы лет совершает круговорот по людским телам. В тот же миг медовой стала слюна под его языком, в горле загорчило от горьких слез, глаза обожгло соленым потом с запахом тела разгоряченной кобылицы, а его мужское семя приобрело вкус женского молока... Тогда он вошел в ванную.

* * *

Утром Цикинджал спросил Златию:

— Почему бы тебе не остаться со мной?

— Зачем ты мне нужен? Кроме того, у меня есть уже два мужа, первый и второй, тот, который «second hand». Терпеть их не могу. Я всегда повернута к будущему как к главному неприятелю. Для того чтобы от него защититься, я вынуждена постоянно что-то предвидеть, направлять свою интуицию на поиски в невидимом грядущем, гадать, прорицать, испытывая ужас от всего, что может произойти и что неизбежно случится в этом приливе предстоящих старений, моих и чужих, потому что я знаю, старость не единична, и у меня их будет бесчисленное множество. Единственный способ перехитрить будущее состоит в том, чтобы забеременеть. Но мои мужья не понимают моих страхов. Какое им дело до какого-то еще не зачатого ребенка, до этой Америки, которая еще не открыта! Они живут в сегодняшнем дне и ничего не хотят знать об этом все еще недоступном континенте завтрашнего дня, моих мужей не интересует *terra incognita*.

— И где они, твои мужья?

— Внизу, возле твоей двери. Оба. Ждут, когда я спущусь.

— Откуда они знают, что ты здесь?

— Они всегда знают, где я. И ты бы знал, если бы был одним из моих мужей. Но ты не муж, поэтому прощай, душа моя! На прощание, чтобы тебя утешить, открою одну тайну.

— Говори.

— Возможно, этой ночью ты сделал мне ребенка. Возможно.

* * *

Молодой господин Цикинджал в совершенстве выучился танцевать танго, он регулярно бывал в парке, где собирались любители этого танца, покупал танцующим дамам мороженое, но никогда больше не встречал там Златию. А он одну ее и искал. Он думал: «Людей, которых мы ежедневно встречаем на протяжении долгого времени, по мере того как проходит время, мы видим все с бóльшим трудом, и в конце концов дело доходит до того, что мы их помним и храним в своем сознании такими, словно они на десяток лет моложе. Как будто они по-прежнему все еще такие, какими были в тот первый момент, когда мы их заметили и внимательно их разглядели. Так же происходит и с любовью. Златия для меня и дальше танцует свое танго там, в парке Гренобля, хотя ее здесь больше нет».

Он все больше любил ее, продвигаясь назад во времени, рисуя в воображении былые мгновения, одно перед другим, все дальше к началу их связи, и его любовь достигала своей высшей точки тогда, когда он сквозь время добирался до самой первой встречи глазами, когда он прочитал на ее платье те самые слова:

Я НОШУ ТУ, КОТОРАЯ МЕНЯ НОСИТ

Теперь, вспоминая таким способом ее и ее красное платье, он понял, что Златия была ввергнута в свою женскую природу, как в это платье, возможно даже вопреки своей воле, но противостоять этому она не могла. Так, в мыслях и воспоминаниях, достиг он и ее улыбки, которая казалась ему похожей скорее на какую-то прекрасную судорогу, словно смеяться ей было трудно.

«Тайна старее истины», — думал он и гонялся поначалу за незнакомой женщиной, с которой провел ночь, вспоминал прикосновения в темноте ее рук, которых, как ему казалось, было три — две горячие и одна холодная, а позже, когда ее не нашел, принялся искать, и искал год за годом, применяя самые разные способы, ребенка, которого, может быть, сотворил с ней в ту ночь.

«Время существует только в календаре, в жизни у каждого свое время», — думал он, не оставляя поисков. Но он никогда не нашел ни ее, ни ребенка. Кто знает, возможно, об этом позаботились два ее мужа, первый и второй, тот, который был муж «second hand». Кто знает?!

ТОТ РУКАВ СНА,
КОТОРЫЙ ГОСПОЖА ЛЕМПИЦКА ВИДЕЛА
КАК СУЩЕСТВО МУЖСКОГО ПОЛА

Этот рукав сна госпожи Лемпицкой, в сущности, больше сводится к звукам, чем к зримым образам. Мужчина, который появляется в этом сне, страшно усталый, ленивый или очень старый, и он медленно пишет какое-то письмо. Лемпицка во сне совершенно внятно слышит, что он пишет, не слыша при этом его голоса.

Грац, 2 августа сего года

*Дорогая и в высшей степени уважаемая
мадемуазель Эуфразия!*

Отвечаю на Ваши два любезных письма только сейчас, ибо я слишком стар даже для добра и радости, а уж тем более для всего другого, с чем, к счастью, Ваши письма не связаны. Напротив, они меня обрадовали, я — скажу об этом сразу же — любил и уважал Вашего отца, господина майора доктора Виктора Цикинджала, и Вы обратились именно к тому, к кому следует, в связи с печальными обстоятельствами, которые Вы хотите для себя прояснить. Он был человеком весьма замкнутым, но сильным и добрым, любил хлеб, замешанный с табаком, и молился на воду, прежде чем ее выпить...

Но будет лучше, если мы пойдем по порядку, от Вашего первого письма. Госпожа Златия (к сожалению,

я не имел чести быть с ней знакомым) справедливо утверждала в разговоре с Вами, что лучше иметь трех отцов, чем одного. Тем не менее меня очень тронуло то место из Вашего письма, где Вы говорите, что время от времени ездили в Гренобль, чтобы в местном парке танцевать танго в надежде встретить там Вашего настоящего отца. К сожалению, было уже поздно. Так что Вы правы, когда пишете, что никогда с ним не встречались и узнали, кто Ваш отец, уже тогда, когда его не было в живых.

Однако сразу должен сказать Вам, что похоронен он не в той могиле на Соче, которую Вы упоминаете в первом письме, хотя на военном кресте на ней и по сей день стоят его имя, фамилия, правильный год рождения и неправильный год смерти. Вы спросите, откуда я это знаю? Вот откуда: во время военных действий на Соче я в качестве ординарца состоял при господине майоре Цикинджале в тот год, который на упомянутом уже кресте указан вторым. В ходе одной из операций мы оказались рядом с какой-то могилой. Остановились, и господин майор Цикинджал прочитал на кресте собственное имя.

— Неужели возможна такая ошибка, господин майор? — спросил я, а он, несколько не удивленный, ответил следующее:

— Это не ошибка. Давным-давно одна старая пани предсказала мне, что я умру дважды. Первый раз мужчиной, второй раз женщиной. Поэтому и неудивительно, что у меня будут две могилы. Это, скорее всего, моя женская могила.

Вот что я знаю о первой могиле Вашего отца, дорогая и уважаемая мадемуазель Эуфразия.

Перейдем теперь ко второму Вашему письму. Ответу на главный вопрос, где же все-таки похоронен Ваш отец, господин майор Цикинджал. Я стоял при нем в качестве не только ординарца, но и человека, который имел счастье во времена мира принадлежать к одной с ним профессии, поэтому я помогал ему и в невоенных делах и занятиях, которые он не прекращал и в дни войны. Помню, мы разместились в замке Штатенберг, и здесь господин майор принимал рапорты от командиров подчиненных ему частей. Дело шло к вечеру, господин майор Цикинджал собрал нас в библиотеке замка и выслушивал донесения возле огромного стола эпохи Ренессанса, на котором были разложены карты военных действий на Пьяве и на Соче. Он оставался на ногах, потому что сильные хронические боли не позволяли ему ни сидеть, ни стоять, так что пока другие говорили, он прохаживался. Время от времени, не прекращая внимательно слушать сообщения подчиненных, делая замечания и отдавая распоряжения, он подходил к книжным полкам, разглядывал книги, иногда какую-нибудь из них брал в руки, листал, ставил на место или же клал перед собой на стол. Между прочим, я знал, что на столе у него кроме военных карт было еще кое-что, что служило его профессиональным занятиям, которые он считал куда более важными, чем

военные. Тем более что он заранее знал, что война проиграна, и поэтому все обязанности, которые возлагало на него звание майора, он исполнял в соответствии с принятым ритуалом, без какой-либо уверенности в целесообразности этого дела, которое, тем не менее, он всегда делал крайне добросовестно.

Итак, кроме военных карт на столе перед ним в те послеполуденные часы лежал последний том книги Гиббона «Падение и крах Римской империи» в германском издании, несколько схем и рисунков Царьграда, иллюстрировавших состояние города до и после захвата его турками. Здесь были:

Byzantium nunc Constantinopolis — план, отпечатанный между 1566 и 1574 гг., издание Lorentz&Keil, Libraries de S. M. I. Le Sultan.

The Delineation of Constantinople as it stood in the Year 1422 before it fell under the dominion of the Turks. From Du Fresne Lib. 1. p. 1.

Constantinopol — немецкое недатированное издание, которое дает представление о Царьграде до его завоевания турками.

Из этой немецкой книги и еще одного, раскрашенного вручную, анонимного издания господин майор Цикинджал перерисовал в одну из своих тетрадей те знаки, которые были на всех городских башнях византийского Царьграда:

Под этим рисунком был его комментарий: *«На всех царьградских баинях изображен щит с четырьмя буквами „С“, смотрящими в разные стороны по сторонам креста, то есть элементы сербского герба. Не потому ли, что последний византийский император был по происхождению...»*

Это были последние слова, которые записал господин майор Цикинджал. На следующий день был получен приказ выступать, а вскоре завязался бой, в котором на моих глазах господина майора скосила пуля. Он был похоронен там же, на том месте, где пал, и его могилу и сегодня можно увидеть, над ней стоит военный крест армии, которой больше не существует. Он погиб в государстве, которого больше нет, и могила его сейчас находится в совсем другой стране. Над ней и по сей день еще живо то дерево, под которым он был похоронен. Каждое лето оно покрывается красными вишнями, прозрачными, словно они стеклянные... Если мадемуазель Эуфразия захочет посетить могилу своего отца, я, несмотря на мои годы, готов сопроводить ее на это место...

Ввиду того что все вещи и бумаги господина Цинджала остались у меня, я нашел в его записях одно странное замечание, которое считаю уместным привести и в этом письме. Дело в том, что ваш отец в детстве видел во сне, что кто-то шепчет ему в ухо молитву. Он вспомнил эту молитву и записал ее, а я взял на себя смелость переписать ее на табличку, которую прикрепил к кресту над его могилой. Вот эта молитва:

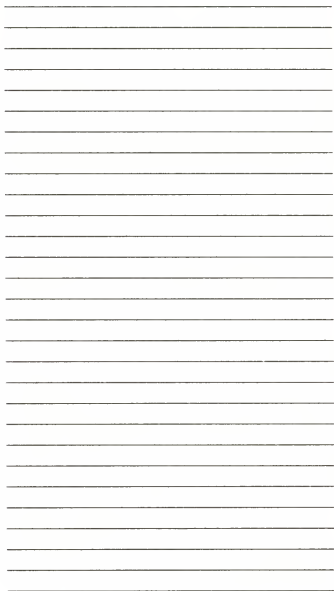
В этот час, Господи,
освободи нас от веры
и возьми к себе как добычу.

*Каждый читатель,
если захочет,
может сам дописать
свой конец романа.
Для этого мы оставляем ему
несколько пустых страниц.*

This image shows a single page of white paper with horizontal blue or grey ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page, leaving small margins at the top and bottom. There is no handwriting or printed text on the page.

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

ЭПИЛОГ,
или
ГОЛУБАЯ ТЕТРАДЬ

После того как Эрланген отправился на каторгу за убийство госпожи Маркезины Андросович-Лемпицкой, а Александр Клозевиц, в соответствии с решением суда, полностью выплатил денежную компенсацию за незаконно присвоенную прибыль в пользу наследницы покойной госпожи Лемпицкой, оба этих дела могли считаться закрытыми.

Однако господин старший следователь Эуген Строс был не тот человек, который всю ночь спит на одной подушке. Подушек у него было по меньшей мере три. Поэтому господин Эуген Строс заносил в свой дневник, который служил ему своего рода собственным неофициальным протоколом следствия, некоторые сведения и факты, связанные с делами, официально давно закрытыми. В частности, его особое внимание привлекли два случая: убийство Исайи

Круза на ипподроме, которое по-прежнему оставалось нераскрытым, и дело Лемпицкой.

Свои заметки господин Строс, как правило, не датирует, поэтому установить их хронологию трудно. Но на одном исключении — фрагменте, снабженном датой, следовало бы остановиться поподробнее. Записи в дневнике господина Строса прерываются еще до окончания тетради, последний фрагмент записан 1 ноября 2003 года, а это, как известно, день гибели господина старшего следователя Эугена Строса. В тот день при попытке произвести арест подозреваемый бросился бежать, следователь Строс схватился за револьвер, но, когда он хотел выстрелить, у него в кармане зазвонил мобильник, а в его спину вонзился нож. Этот нож с большого расстояния бросил кто-то из подельников подозреваемого. Убийца скрылся. Нож был заточен под левую руку, то есть орудовал им левша. В полицейских картотеках было найдено досье на некоего Асура Дадаха, левшу, известного исключительной ловкостью в обращении с холодным оружием, а также тем, что служит он знаменитому боссу городского криминального мира сэру Уинстону, которого, кстати, старший следователь Строс давно пытался вывести на чистую воду. Однако расследование в этом направлении результатов не дало, никаких улик против Асура Дадаха обнаружено не было.

Следует добавить, что заметки из Голубой тетради свидетельствуют о том, что старшему следователю

Стросу при жизни не удалось внести ясность в обстоятельства, связанные с делом «Лемпицка & Со», как он его называл.

И наконец, отметим, что после смерти Эугена Строса произошли некоторые события, имеющие отношение к этому делу. После убийства председателя правления леди Хехт в банке «Plusquam city» был избран новый состав правления, которое возглавил господин Ишигуми, японский предприниматель с чарующей улыбкой «ценой в пятьдесят долларов». Кроме того, была ограблена сейфовая ячейка Лемпицкой в том же банке «Plusquam city» и было совершено еще одно убийство, в августе 2005 года. Жертвой его стал человек, которого охраняли как никого другого в городе, это был упоминавшийся ранее сэр Уинстон. На шее Уинстона обнаружили двенадцать синяков, оставшихся от душивших его пальцев. Складывалось впечатление, что у того, кто совершил это преступление, на одной руке было семь пальцев. Старший следователь Строс, кстати, в одной из записей Голубой тетради отмечает, что видел на мадемуазель Клозевиц странные перчатки: левая была рассчитана на семь пальцев, а правая, обычная, на пять, и что предстоящее следствие по делу об убийстве сэра Уинстона должно учесть это обстоятельство.

Дата смерти сэра Уинстона в августе 2005 года невероятным образом предсказана в дневниковой записи господина старшего следователя Строса, которая была сделана им еще в 2003 году, поэтому она

приводится здесь целиком. Итак, Эуген Строс написал об этом следующее:

Вчера вечером, проходя мимо кафе «Полуночное солнце», я увидел внутри Алексу Клозевица с серьгой на брови. Перед ним стоял бокал красного вина. Я махнул ему рукой и вошел, потому что уверен — в нашем деле случайные встречи иногда могут оказаться весьма плодотворными.

— Что вы пьете? — спросил я его со всей возможной сердечностью; он ответил, что это какое-то венгерское вино под названием «Кровь буйвола», и тут же заказал бокал такого же красного для меня.

Забираясь на сиденье перед стойкой, похожее на куриный насест, я глянул в зеркало на стене напротив нас и, к собственному изумлению, не увидел там того, что ожидал, а ожидал я увидеть отражение Алексы в облике мадемуазель Сандры с веером в волосах. Женская составляющая его андрогинной природы в этот день здесь явно не присутствовала. Зеркало недвусмысленно отображало только его обритую голову и лицо с серьгой в брови.

— Вечно я забываю, что мне нужно порасспросить вас кое о чем, имеющем отношение к вашим профессиональным занятиям, которые, честно говоря, все-таки не вполне мне понятны. Суд, как мы знаем, в целом признал вашу деятельность совершенно безукоризненной, за исключением одного случайного нарушения; подтверждено, что вы регулярно платите все налоги, да, собственно, я и не собирался расспрашивать вас о делах, связанных со следствием.

Меня интересует следующее: бывает ли так, что специфика вашего непростого ремесла заставляет вас прибегать к... как бы это выразиться, уловкам, мистификациям, ухищрениям или игре с роком?

— А как же! — ответил Клозевиц. — Такое просто неизбежно.

— И как же вы это делаете?

— Вот, приведу вам один пример. Дистели в своем сне через Пушкина искал дьявола, чтобы тот предсказал ему, как и когда он умрет. Но ни один дьявол не бывает дьяволом постоянно, так сказать, ежедневно. Дьявол бывает дьяволом только в свой день рождения, то есть в «день зверя», который случается каждый 666-й день. До и после этого дня он даже не помнит, что он дьявол... Теперь смотрите, чтобы ясновельможная пани Марина Сандомирская смогла предсказать во сне Дистели, как умрет Пушкин (другими словами, как умрет сам Дистели), нужно было, чтобы Дистели этот сон приснился точно в тот день, вернее, в ту ночь, когда Сандомирская находится в «активном состоянии», то есть является дьяволом. Во все другие дни она просто обычная красивая женщина, которая просто ничего бы не поняла из того, о чем спрашивают ее Пушкин и Дистели, а уж тем более не смогла бы ничего предсказать. Не менее трудно было устроить и другое, а именно: чтобы пани Марина Сандомирская оказалась во сне Лемпицкой именно в тот момент, когда ее дьявольская природа действительна и в силу этого она была бы способна предсказать своему двойнику из сна, Цикинджалу, и самой Лемпицкой, когда и как они умрут...

— Невероятно! Но откуда же вам все это известно? — спросил я.

— По правде говоря, и я далеко не каждый день знаю то, что знаю. Вчера, например, я вообще не сумел бы вам объяснить то, что объясняю сегодня; завтра, видимо, тоже не смогу... Вы случайно встретили меня именно сегодня, тогда, когда у меня все это, так сказать, под рукой... Но сегодня мой день рождения, а удался он далеко не лучшим образом.

— Поздравляю, но, простите, что именно вам сегодня не удалось?

— Сегодня мне не удалось рассчитаться кое с кем, кто давно угрожает мне. С такими я обычно свожу счета как раз в день своего рождения. Но сегодня, вместо того чтобы заняться им, пришлось обратиться к более важным делам. А теперь уже скоро полночь и для такого дела слишком поздно.

— Чем же вам угрожает этот некто?

— Обещает отрезать палец.

— Господи, да кто же он такой?

— Нет нужды беспокоиться об этом еще и вам, господин старший следователь. У меня еще будет шанс с ним рассчитаться. Терпеть не могу, когда меня снова и снова шантажируют.

— Что же, вы, господин Клозевиц, заявляете о намерении совершить убийство?

— Да. Я даже скажу вам, когда это произойдет.

Клозевиц уставился в потолок, подсчитывая что-то на пальцах.

— Это случится ровно через 666 дней, то есть я убью его в один из дней августа 2005 года.

Клозевиц допил свой бокал с «Кровью буйвола» и пошел в туалет. Я поспешил за ним, надеясь, что смогу и там продолжить столь заинтересовавший меня разговор, признаться, несколько необычный для подобных мест. Но стоило мне увидеть его, как я окаменел, а он расхохотался. Клозевиц мочился кровью, и писсуар перед ним был весь забрызган красными каплями.

Первым делом я подумал: чему тут смеяться, когда писаешь кровью?.. Если только... это... если только это не его кровь, а «Кровь буйвола»?

Тут он так поперчил меня взглядом, что я сломя голову бросился вон из этого кафе...

Из-за этой и некоторых других записей такого же рода стоит более подробно описать Голубую тетрадь старшего следователя Строса. Дневник представляет собой тетрадь в голубой обложке с золотым тиснением, и записи в ней господин следователь делал обычно по вечерам, иногда в совсем поздние часы, когда тени становятся самыми густыми, но всегда при этом на лице его играла хорошо известная женская улыбка. Наряду с записями и замечаниями относительно разных других уголовных дел, с которыми старший следователь сталкивался в силу своей профессиональной деятельности и которые нас в данном случае не интересуют, здесь встречаются иногда и совершенно случайные комментарии. Так, на одной из страниц неумелой рукой самого следователя нарисован пейзаж, изображающий леса и луга и похожий, скорее, на шкуру больной овцы с проплешинами.

Сразу за этой страницей Голубой тетради следует перевод (с французского) какого-то галантного стихотворения «О прекрасной Катерине, чья улица осталась совершенно без грязи, потому что всю грязь ее ухажеры унесли на каблуках...». Иногда эти записи и время от времени встречающиеся оглохшие воспоминания звучат необычно, пожалуй, даже странно, однако если принять во внимание, что Строс не рассчитывал на то, что их кто-то будет читать (разве что после его смерти), все становится на свои места. Иногда комментарии и записи совсем короткие, похожие на изречения или присказки человека, который один бодрствует ночью, иногда они кажутся прерванными на половине мысли, но ведь обычно люди не завязывают галстук-бабочку для того, чтобы обути домашние тапочки. Вот еще одна выбранная наудачу запись из дневника Строса:

Если хорошенько подумать, то становится ясно, что я несколько раз попался на трюки Клозевица, достойные настоящего иллюзиониста, когда он являлся мне лицом к лицу как мужчина, а его отражение в зеркале — как женщина. Он в качестве якобы Алекса, а она в качестве якобы Сандры (имя составлено из двух частей: АлекСандра). Или же они морочили мне голову наоборот — он со своей серьгой в брови садился в зеркало, а Сандра с улыбкой мадонны — на скамью в «храме» «Symptom House». И при этом оба утверждали, что все это выглядит так потому, что они «андрогинное существо». Будто они един-

ственное андрогинное существо на свете и будто загадка именно в этом, а не в уловке с зеркалом.

Поэтому я решил посоветоваться по этому вопросу с кем-то, кто мог бы судить беспристрастно. Я разыскал мадемуазель Илеану Шимокович, которая официально зарегистрирована как «практикующий астролог». Лучшие бы мне этого не делать! Вот что сказала мне мадемуазель Шимокович:

— Да никакой это не обман зрения! Увидите ли вы андрогинное существо и в том и в другом виде, женском и мужском, то есть «живьем» в одном, а в зеркале в другом виде, зависит не от андрогина, а от вас.

— Как это? — поразился я.

— Далеко не все могут видеть андрогина в двойном виде. Для большинства они, независимо от того, отражаются ли в воде или в зеркале или видны без отражения, всегда являются в одной ипостаси. Видеть и различать мужской и женский вид одного и того же андрогинного существа может только тот, кто имеет по отношению к такому существу злые намерения... Такие злонамеренные люди приобретают так называемый «взгляд Каина». И видят вещи по-другому, не так, как все остальные...

Несомненно, многие читатели Голубой тетради задаются вопросом: каким образом «Symptom House» получал доступ к чужим снам и возможны ли вообще — а если да, то каким образом — подобного рода транзакции? Это интересовало и старшего следователя Строса, поэтому в Голубой тетради он записал и кое-что из относящегося к таким вопросам:

И у Лемпицкой, и у ее сестры Софии Андросович были гуру. У каждой свой. Я посетил гуру Софии Андросович и задал ему вопрос: возможно ли добраться до чужих снов и использовать их как товар, как это делали в «Symptom Houses? Ответ оказался двусмысленным:

— Я не могу ответить вам точно. Я занимаюсь другими сферами познания. Все, что мне известно, состоит в следующем. Обычно мы бросаем взгляд из яви в сон. Есть такие персоны, которые, вне всякого сомнения, обладают способностью направлять взгляд и в обратном направлении, из сна в явь. Если смотреть в правильном направлении, то из сна, вероятно, увидеть чужие сны можно. Не только один сон, но целое стадо снов того или иного лица, все его сны. Таким образом, эти редкие гуру или лица, обладающие особым даром, могут, вероятно, «загрузить» еще не приснившиеся сны в психику того, кто к этому готов. И кто готов за такую услугу заплатить. Такие люди говорят своим покупателям: если хорошо прислушаться, будущее можно услышать...

— А как они добывают свой товар?

— Они утверждают: сны — это особая энергия; по сути дела, негативная карма, накопившаяся за прошлые жизни. И что еще важнее, во сне смешаны будущее и прошлое, потому что в снах нет настоящего, которое их разделяет. Если из такого мира без настоящего, то есть из сна, бросить взгляд во Вселенную, на созвездия, где плавают приснившиеся и неприснившиеся сны того лица, которое родилось под знаком этого созвездия, то можно увидеть и про-

читать приснившиеся и неprisнившиеся сны этого лица, потому что не будет мешать настоящее, которого там, среди звезд, тоже нет. Вот таким образом торговцы снами и добывают свой товар. Но есть и другое мнение, противоположное: в снах нет ни прошлого, ни будущего, всё в снах — это одно вечное настоящее, то же самое, которое векует и во Вселенной. И в заключение добавлю следующее. Даже если сегодня и невозможно добывать и продавать чужие сны, такой процесс следует рассматривать как возможный и предстоящий нам в будущем, поэтому следует принимать его во внимание с такой же серьезностью, как если бы он уже был осуществим...

— Так говорят они. А что думаете об этом вы?

— Я думаю, что все это одно огромное «может быть», и, вероятно, в заключение нам следует с улыбкой махнуть на все это рукой...

В отличие от гуру я не могу на все это ни улыбнуться, ни махнуть рукой, потому что вокруг предприятия «Symptom House» слишком много мертвых.

Можно было бы привести гораздо больше записей такого характера из Голубой тетради старшего следователя Строса. Закончим на том, что процитируем еще пару:

Вскоре после убийства Исаяи Круза, директора букмекерской конторы ипподрома, я нанес визит его супруге. Госпожа Ора жила в прекрасном доме в окружении прислуги. К нам вышел несколько неряшли-

вый слуга, из тех, про которых говорят, что «рубашка у него застегнута на каждую вторую пуговицу», и провел нас в большую гостиную. Попросил подождать хозяйку. Мы тут же принялись всё вокруг разглядывать. На одном богато инкрустированном комод, стоявшем под зеркалом, заметили две серебряные кисти рук. Пальцы были унизаны кольцами, на запястьях — браслеты. Пока мы рассматривали их, за нашими спинами послышался женский голосок:

— Добрый день. Любуется моими серебряными руками? Это подарок Исайи Круза. Не смотрите на ногти, я все не успеваю их покрасить. Не могу решить, что больше подойдет — лак от «Revlon» или «Max Factor»? Впрочем, может быть, они неплохо смотрятся и так?

Обернувшись, мы увидели девочку лет четырнадцати.

— Детка, нельзя ли нам повидаться с твоей мамой?

— Это сделать непросто. Я свою маму даже не помню, — ответила девочка с шаловливой улыбкой, — я здесь совсем одна осталась после того, как и мой муж Исайя обрел вечный покой... Меня зовут госпожа Ора, но я не успела стать Орой Круз. Мы не смогли обвенчаться, потому что я несовершеннолетняя. А теперь уже ничего не поделаешь...

Думаю, не стоит особо подчеркивать, что мы потерпели полное фиаско. По пути в участок мой помощник спросил:

— А ты заметил нечто не совсем обычное на этих серебряных руках с кольцами?

— Да. Там было драгоценностей не меньше чем на полмиллиона долларов.

— Я не это имел в виду. Ты обратил внимание, какие ногти на этих серебряных руках?

— ?

— Я очень внимательно рассмотрел их. Они выглядят как настоящие человеческие ногти, содранные у какого-то несчастного со всех десяти пальцев... И эта ненормальная еще хочет их накрасить!

Выслушав эти слова, я спросил себя, где же я недавно видел у кого-то пальцы без ногтей... И вспомнил. Сэр Уинстон, главный городской мафиози! У него на пальцах не было ни одного ногтя. Неужели это Исая Круз вырвал их у него?

Записи покойного старшего следователя Эугена Строса одновременно являются и обещанным эпилогом этой книги. Они написаны зелеными чернилами.

Этот каталог всего лишь своеобразное приложение для тех читателей, которые хотят ознакомиться со всеми ста эпилогами и при этом не имеют желания воспользоваться Интернетом, где их можно найти (www.khazars.com).

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Так же как вредно для здоровья курить, вредно и читать все сто эпилогов. Это то же самое, как вместо одной смерти иметь их сто.

1

Стоит ночь. Пока я прищуриваюсь сквозь мрак, час впился в меня всеми своими четырьмя красными глазами... Убийство на ипподроме, которое до сих пор не расследовано, нагоняет на меня бессонницу. Оно совершено крайне странным способом. Убийца стрелял в свою жертву сзади, в шею. Он целился не в голову или в тело, куда легче попасть, а именно в шею. Как зверь прыгает на спину своей добыче, метя в позвоночник. Все мое расследование в таком случае похоже на вылизывание кастрюли снаружи.

Во «сне о шагах» госпожи Лемпицкой есть одно место, где говорится о том, как вызывают духов. Я подумал, что было бы интересно проконсультироваться с каким-нибудь специалистом в области оккультных знаний, может быть даже со спиритом или медиумом. А так как нашим парням-полицейским часто приходится забираться и в такие логова, я обратился к ним, и они спросили меня: куда бы я предпочел отправиться по такому делу — в Царыград или в Париж?

— В Париж, — ляпнул я не раздумывая. Меня послали к некой мадам Луве, а она направила меня дальше, на парижскую Плас-де-Вож, в мансарду здания рядом с музеем Виктора Гюго.

Мадам Супервиль приняла меня в сверкающей столовой с видом на королевский конный памятник в парке. Спросила, кого я хотел бы вызвать

и есть ли у меня к этой персоне конкретные вопросы. Когда я ответил, что искомое лицо зовут Маркезина Андросович-Лемпицка, а вопрос формулируется так: «Кто виновен в ее смерти?» — она отправила меня к месье Ленену в дом Николя Фламелья. Ленен пригласил меня выпить вина в кафе на первом этаже его дома, и тут я услышал, что мне следует делать, чтобы узнать от покойной Лемпицкой ответ на интересующий меня вопрос, а именно: кто виновен в ее смерти?

Мы сидели в полумраке, на столе горела свеча и стояло вино и макароны «по-клошарски». Ленен по ходу дела напомнил мне, что этот полумрак из числа самых старинных в Париже. Дом принадлежал известной паре алхимиков — Пернелле и Николя Фламель, жившим в годы позднего Средневековья.

— Человек состоит не из воды, как принято считать, а из жажды, — вещал из полумрака этот человек, — но в жизни важны и другие виды энергии, такие как страх, жар, голод, боль и так далее. Они составляют своего рода язык, забытый язык. Воспоминания покойников состоят не из воспоминаний о телесных веществах, потому что у них больше нет представления о том, что это вообще могло бы быть, однако у них сохраняются воспоминания об «энергиях», которые проталкивали их сквозь жизнь. И оттого-то именно здесь возможна связь между живыми и мертвыми. Это общая «нематериальная среда» и одних и других, поэтому через нее может происхо-

дить соприкосновение двух светов — этого и того. Так что перепишите на листок бумаги все свои энергии в той последовательности, как их вспомните, и, не изменяя этого порядка, обозначьте их буквами латинского алфавита от А до Z. Не забудьте любовь, ненависть, радость, грусть, запахи, смрад. Это будет важно для дальнейшего процесса...

Он отхлебнул бордо и подвел итог:

— Вот теперь мы подходим к самому важному звену во всей вашей истории, и вам это обойдется ровно во столько десятков евро, сколько вам лет.

Когда я заплатил ему, господин Ленен продолжил:

— Что вам следует делать дальше и каким образом, скажет вам кто-то другой, а не я. Я рассказал вам ровно столько, сколько здесь можно сказать. Чтобы узнать продолжение, вам придется ехать в Египет и в коптской части Каира, возле тамошней церкви, разыскать мадам Зоиду, которая занимается старинным «макияжем» с помощью египетских красок. Там эту женщину знают все, и найти ее не составит труда. Да, не забудьте прихватить для нее какую-нибудь вещь, принадлежавшую вашей Лемпицкой... Кстати говоря, эта самая Зоида в свое время познакомилась с Лемпицкой...

«Что за ерунда!» — подумал я.

Прощаясь с господином Лененом, я решил: нечего бросать деньги на ветер и ехать в Египет. Все это прекрасно можно сделать и в Париже, и даже у нас.

Господин Эрланген, который был признан виновным в убийстве Лемпицкой, постольку поскольку превысил меру необходимой самозащиты, сейчас отбывает срок тюремного заключения. Однако он продолжает утверждать, что у него имеется свидетель, один прохожий, который может подтвердить, что он стрелял в Лемпицку только для того, чтобы защитить свою жизнь. Якобы этот свидетель по имени Эрвин, проходя по улице, услышал выстрелы и вошел в дом, чтобы при необходимости оказать помощь. Он был готов свидетельствовать перед судом в защиту обвиняемого Эрлангена и сказал, что можно вызвать его по телефону 0389-430-23066, который и продиктовал ему, чтобы тот записал его в мобильник. Однако Эрланген по этому номеру не нашел никакого Эрвина, потому что оказалось, что это номер какого-то детского сада.

Уверен, Эрланген этого свидетеля выдумал.

С Лемпицкой я разговаривал неоднократно, поэтому знаю, что ее не удовлетворили бы те приговоры, которые суд вынес в связи с «ее» делом. Она сочла бы, что Клозевиц на суде «выкрутился» и что он заслуживает гораздо более строгого наказания. За что?

Пытаюсь вспомнить Лемпицку. Но в моих воспоминаниях она никогда не является мне в движении. Она всегда неподвижна. И я не слышу, как она говорит. Мои воспоминания о ней никогда не предстают в виде фильма, пусть даже немого, нет, только в виде собрания снимков, в виде суммы разных моментов, которые навсегда упустили свой момент. За ней остается множество умерших и еще больше несостоявшихся поцелуев. И еще ее убийца, которого она очень любила.

В судебных документах, связанных со смертью леди Хехт, значится, что это было убийство из ревности. И убийца госпожа Лемпицка, и убитая леди Хехт были любовницами одного и того же лица — Мориса Эрлангена. Неудивительно. Это такой тип, у которого всегда весна на дворе.

Мадам Лемпицка отправила леди Хехт на тот свет с помощью револьвера «Combat Magnum 586», невероятно дорогостоящего орудия убийства, на который у нее не было разрешения. Позже мне удалось установить, что револьвер принадлежал ее покойному любовнику Дистели. Дистели, скорее всего, носил это дорогое оружие, так сказать, для красоты и при попытке ограбить его квартиру, о которой упоминала Лемпицка, не попытался им воспользоваться. Возможно, он даже не умел с ним обращаться.

Из револьвера точно такого же типа Эрланген убил мадам Лемпицку. У Эрлангена было официальное разрешение на ношение своего оружия, то есть «магнума» типа 586, причем это оружие являлось собственностью банка «Plusquam city». Эрланген служил там начальником отдела сейфов высо-

кой степени надежности и носил револьвер именно поэтому.

Уместно было бы вспомнить здесь латинское изречение, зазубренное нами еще в школе: «Habeunt sua fata magni» — оружие имеет свою судьбу.

Я нанес визит приходскому священнику русской церкви, который хоронил Лемпицку. Спросил его, может ли он рассказать мне что-нибудь в связи с ее делом, что могло бы помочь следствию. У него было две улыбки, левая и правая, он носил волосы, связанные в хвост, и дивной красоты рясу с крестом на груди. Улыбаясь левой улыбкой, он сказал мне:

— Как небо в воде проходит через свою могилу, так и душа в теле проходит через нашу смерть... Что же касается вашего следствия, расскажу небольшую историю, которая, возможно, будет вам полезна.

И, теперь уже с прекраснейшей правой улыбкой, он начал рассказ:

— На Каспийском море есть один древний обычай. Если из-за чего-нибудь сталкиваются интересы двух человек, они выходят на берег в сопровождении священника. Он читает молитву, всегда одну и ту же, а они, пока длится молитва, должны рассчи-

таться друг с другом или на словах, или в борьбе. В любом случае отношения должны быть выяснены к тому моменту, когда молитва закончится. Они имеют право покончить со своим спором и до окончания молитвы, но никак не позже ее последнего слова. То есть все должно быть решено прежде, чем прозвучит «Аминь!».

Итак, одному человеку пришлось упомянутым способом, и словами и мускулами, несколько раз выяснять отношения со своим врагом. И каждый раз ему удавалось закончить борьбу в тот момент, как заканчивалась молитва, и всегда он побеждал. Победенный пришел к священнику и попросил у него совета, вот так же, как и вы сейчас у меня. Вот что сказал ему священник: «Твой противник ждет мгновения, когда в конце молитвы упоминается нечестивый, и именно тут и побеждает. Попробуй справиться с ним до того момента, как он окажется в ситуации, когда ему помогает нечестивый...»

Эрланген не без оснований приговорен к тюремному заключению. Его утверждение, что стрелял он для самозащиты, не соответствует действительности, так как баллистическая экспертиза показала, что госпожа Лемпицка выпустила в леди Хехт все три пули, какие были в ее «магнуме». В тот момент, когда Эрланген вошел в дом и выхватил свой револьвер, чтобы убить Лемпицку, она не только не могла стрелять в него, но даже иметь такого намерения, потому что ее револьвер был разряжен. В нем не было седьмой пули.

Кто научил вас ловить чужие сны, как кошки ловят мышей?

Некоторые такой дар наследуют. В сущности, по наследству передаются рахитичные воспоминания, хромые мысли, породистые поцелуи и треснувшая любовь или плохая память на имена, и таким же образом наследуется то, о чем вы спрашиваете. Но способность схватить за хвост чужой сон мы не унаследовали. Как мы этому научились, я вам расскажу, а вы уж судите сами. В корне всего дела лежит один трюк с временем. Вот как все началось.

У нас была кошка с зеленоватыми полосами. Это была самая обыкновенная кошка, такая же, как и все другие; она охотилась так же, как и все другие: в саду, и на чердаках, и в подвалах. Звали ее Максима. Как-то утром она в зубах притащила в сад довольно крупного зверька. Нам показалось, что это крыса. Было видно, что зверек еще только недавно родился, но мы не могли догадаться, кто это. Издалека пойманное су-

щество походило на новорожденного зайца или кого-нибудь вроде этого. В первый момент мы ужаснулись, подумав, что, может быть, кошка принесла откуда-то крошечного, только что родившегося ребенка, но сразу же убедились, что это не так.

Максима тем временем опустила свою добычу на землю перед ступеньками. Тогда мы, взяв пойманного зверька за хвост, подняли его и рассмотрели. Это действительно был детеныш, но не зайца. Его задние ноги с крохотными копытцами были покрыты шерстью, но на передних оказались пятипалые ладошки с острыми когтями. Зверек носил бороду, а на голове сквозь шерсть виднелись два совсем маленьких рога и торчали два острых уха. У него был хвост, за который мы его держали, пока не бросили на землю. Мы думали, что зверек мертв, то есть что кошка его задушила, но, когда она тронула его лапой, чтобы поиграть, он шевельнулся. Открыл один, потом другой глаз, высунул язык с дырочкой посередине. Кошка продолжала играть с ним, не проявляя никакого желания съесть. Более того, она отнесла его в свою корзинку, принялась вылизывать, словно собственного котенка, да так тщательно, что его рыжая шерстка заблестела и он уснул.

Утром, во время завтрака, кошка, как всегда, крутилась вокруг стола. Вдруг, к нашему изумлению, она вспрыгнула на стул, уселась и вполне отчетливо проговорила:

— Please, some more milk...

— Так ты умеешь говорить? — спросил я дрожащим голосом.

Мы, разумеется, знали, что за этим последует, потому-то мы и взяли себе кошку с зеленоватыми полосами. Ответила она по-немецки:

— Могу, когда вынуждена, — и перевела взгляд на зверушку, у которой, видимо, только что отвалился хвост, и сейчас она принесла его кошке показать, а та испугалась и зашипела. Зверушка тогда улыбнулась, отчего ее уши разошлись в разные стороны, кошка улыбнулась тоже, хотя явно против своей воли. В отличие от кошки маленькое животное было совершенно немым. Но заставляло кошку говорить, и она послушно делала это, словно была каким-то механизмом для передачи чужой речи, ужасаясь при этом самой себе.

Вечером кошка, по своему обыкновению, вознамерилась забраться к кому-нибудь на колени и помурлыкать. Ее мурлыканье вдруг превратилось в неправильные французские глаголы и существительные, и в конце концов она сказала нам, глядя над нашими головами: «Желтые звезды мерцают медленнее, чем белые, потому что желтый цвет медленнее движется во вселенной. Их свет проходит через все семь небес, и некоторые из них вращаются быстрее, а другие медленнее. Все это нужно уметь видеть и знать, как, где и что подстеречь...»

Потом она показала нам, как среди звезд можно ловить чужие сны. Вскоре и мы сами ловили их, как мышей... «Это вообще совсем не трудно, — го-

варивал алхимик Фламель насчет изготовления золота, — теперь и моя жена Пернелла может сделать золото в любой момент, когда пожелает...»

Мы ловили сны сначала здесь, на Земле, повсюду вокруг нас, еще живыми, то есть пока они снились. А потом мы начали ловить и уже приснившиеся и неприснившиеся сны с каждого из семи небес. Там эти сны — единственное, что остается от смертного после его смерти, так же как шерсть и испражнения кошки остаются после нее, когда она околеет, истратив все семь своих жизней.

Тут оказалось, что зверушка куда-то исчезла, и кошка перестала говорить...

В заключение могу сказать только, что мы заранее знали, что такое может произойти, если имеешь дело с полосатой кошкой, но ведь этого могло и не произойти.

— Неужели нет более простого, чем этот ужас с кошкой, способа ловить сны?

— Разумеется, есть.

— ?

— Нужно научиться видеть чужие сны вместо своих. И это все решает.

— Сказать вам, что я обо всем этом думаю?

— Скажите. Почему же не сказать. Как ни крути, все к одному придешь.

— Я думаю, все, что вы здесь рассказывали, — неправда.

— Знаете что, правда — она как витамин. Может вам потребоваться, а может и не потребоваться.

В день поминаения я посетил могилу госпожи Лемпицкой. Хотел посмотреть, придет ли еще кто-нибудь. И кто именно. Не было никого. А ведь у нее были сиськи, любая из которых стоила не менее тысячи долларов, правда, другая не стоила ничего, потому что тот, кто заплатил за первую, вторую получал бесплатно. Она своими сиськами тесто могла месить, как поется в одной песне.

Капитан дальнего плавания на пенсии Илия Скуд живет недалеко от виллы Эрлангена, и я зашел к нему выпить чашку чая и поболтать. Перед домом капитана стояла скамейка, а на скамейке сидели девять кошек. Издали казалось, что сиденье скамейки обито мехом. Чай обернулся перченым ромом, а болтовня настоящей головоломкой.

— Скажите, в тот день вы видели, как кто-нибудь входил на виллу Эрлангена?

— Да. Две дамы. Но они вошли не вместе.

— Как они выглядели?

— Та, что вошла первой, была причесана а *à la tramontana*.

— Что это значит?

— А, сразу видно, что вы не моряк, господин следователь. Знаете, когда дует «трамонтана», на волнах появляются особые барашки. У дамы, которая

вошла первой, волосы были уложены как раз такими барашками.

— А вторая?

— Вторая пришла гораздо позже. У нее была прическа «бонаца»... Ох, да вы и этого не знаете. «Бонаца» — это «спокойное море».

— Господин капитан, а не заметили вы случайно и каких-нибудь мужчин, входивших на виллу в это время?

— Дорогой мой господин следователь, я на мужчин вообще не обращаю внимания, и они могут мимо меня входить, выходить, проходить сколько им заблагорассудится, для меня они словно не существуют. Мои глаза видят только женщин. Кроме того, с полицией никогда не следует говорить о мужчинах. Такое потом приходится долго расхлебывать... Впрочем, те двое тоже вошли порознь.

— И это все?

— Больше ни слова. Надеюсь, вы не откажетесь еще от одного стаканчика кубинского рома?

Уходил я в недоумении. Получается, что Эрланген говорил правду: на вилле появился и свидетель убийства, которого позже никто не мог найти. Свидетель, которого, по словам Эрлангена, зовут Эрвин.

Кто такой этот Эрвин? Может быть, сам того не подозревая, я его знаю?

В ходе одного из следственных действий, связанных с расследованием убийства Исайи Круза, господин Ишигуми, которого называют «улыбка ценой в пятьдесят долларов», сообщил мне, что непосредственно после убийства некая женщина поднялась в лифте на четвертый этаж того здания на ипподроме, где оно произошло. Проникнуть на этаж, где находился рабочий кабинет Исайи Круза, управляющего букмекерской конторой, можно было только с помощью особого ключа, который имелся, судя по всему, только у него самого.

Что это за женщина «в красной блузке и джинсах», как описал ее господин Ишигуми, так и не установлено. Зачем она приходила? Встретилась ли с убийцей? Знала ли о подготовке убийства и о том, что оно уже совершено? Хотела ли убедиться в том, что Круз действительно убит? Откуда у нее взялся ключ? Была ли это госпожа Ора, жена Исайи Круза?

Не был ли убийца ею нанят? А если это так, то не было ли убийство совершено из ревности или из мести? И наконец, не исключено, что господин Ишигуми узнал ее, но теперь по каким-то причинам не хочет этого открыть.

13

Представьте себе красивую женщину.

Удвойте ее красоту.

Утroyте ее.

Потом возведите в квадрат.

И забудьте ее.

Это Лемпицка.

Все-таки все это дело с торговлей будущим и торговлей снами как-то не вписывается в рамки закона. Однако у господина астролога Александра Клозевица все документы в порядке, налоги он платит аккуратно, деятельность его совершенно легальна, и предъявить ему было абсолютно нечего, кроме (как мы, полицейские, говорим) «обвинения в том, что он плевал в общественном месте». Это и было сделано. Если бы его покупатели заявили, что он обманул их, все развивалось бы по-другому. А так остается один большой вопросительный знак, который я и изображаю в этой тетради зелеными чернилами, утешая себя мыслью, что путь к цели часто ведет через ошибки.

У одного специалиста по славянским языкам и литературам я поинтересовался стихами Пушкина, которые снились покойному Дистели. Среди произведений этого поэта действительно есть такие стихи. Однако в той версии сна, которую записал для нас Клозевиц, Дистели они снились не на русском, а на каком-то другом языке, поэтому они выглядят как переведенные или прослушанные наподобие нескольких музыкальных тактов. Этот специалист по славянским языкам поделился со мной одним удивившим его наблюдением. Три фрагмента сна, в которых Пушкин садится в карету и едет домой, соответствуют строфам из стихотворения Пушкина, которое называется «Телега жизни».словно персонажи поэзии Пушкина, покинув свои места, уселись каждый в повозку с кучером и отправились навстречу своей смерти во сне Дистели.

Интересно, что великий босс криминального мира сэр Уинстон, он же мужчина с сигарой, который всегда заранее знает, кто и когда в городе будет убит, понятия не имел об убийствах на вилле Эрлангена. Несмотря на то что мы постоянно следим за ним, нам не удалось обнаружить даже намека на какую-нибудь связь между сэром Уинстоном и убийцей, одним из участников той перестрелки, а это, как установил суд, госпожа Лемпицка и господин Эрланген. Здесь не осталось никаких отпечатков пальцев мужчины с сигарой. Тех самых, без ногтей.

«Наши мысли — это только материал, из которого мы строим вокруг себя дом, который должен защитить и оградить нас от мира. Беда только в том, что мысли к этому не приспособлены, они мягки и гибки, они созданы не для этого. Чему они служат, мы еще не открыли...» (Лемпицка, в одной из бесед со своим гуру Зденикином).

Когда я спросил Зденикина, что он думает о Лемпицкой, он сказал мне:

— В иные моменты она могла видеть вокруг себя все так же, как этот мир видят ангелы.

— ?

— словно у нее один глаз был глубже другого. В одном она носила день, в другом — ночь, левую сторону видела как правую, а правую как правую и всегда принимала во внимание соотношения: сколько на Земле воды по сравнению с сушей (3:1), сколько воды в ней самой по сравнению со всем ее пре-

красным телом (3:1) и сколько есть Неба по сравнению с сушей звезд — и здесь всегда имея в виду то же самое соотношение 3:1. Короче говоря, она выглядела как некто, у кого давно перестали расти ногти.

В отчете Александра Клозевица о сновидениях я заметил, что один из персонажей этих снов постоянно перебирается из одного сна в другой, возникает там и действует и в одном, и в другом сне — и во сне госпожи Лемпицкой, и во сне господина Дистели. Речь идет о женщине-демоне из сна о смерти Пушкина, ясновельможной пани Марине Мнишек-Сандомирской, которая предрекает и Пушкину, и Дистели, что тот и другой умрут от живота. Переселившись в сон Лемпицкой, она предсказала смерть мальчику из сна, в которого превращалась Лемпицка, когда засыпала. Причем предсказала она ему двойную, андрогинную смерть, которая полностью реализовалась в жизни. Она сказала Цикинджалу, мальчику из сна Лемпицкой, в то время, когда он был уже взрослым мужчиной, следующее: «...погибнешь от огнестрельного оружия два раза, но один раз во сне, причем мужчиной, а второй раз наяву, женщиной!»

И это пророчество ясновельможной пани Сандомирской воплотилось в жизнь буквально. Майор Цикинджал во сне Лемпицкой погибает где-то на поле брани, но у него не одна, а две могилы. Обе могилы находятся во сне Лемпицкой. В то время как во второй могиле похоронен убитый Цикинджал, первая остается пустой, словно она ждет той смерти Лемпицкой, о которой пророчество говорит, что она произойдет наяву и будет женской, то есть смертью от руки Эрлангена.

Когда я направил Клозевицу требование написать официальный отчет о снах Дистели и Лемпицкой, он сначала пытался избежать этого, ссылаясь на то, что он не психиатр и не может как профессионал описывать и анализировать сны. Когда я обратил его внимание на то, что он располагает фонозаписями, содержащими описание этих снов, он ответил, что этим записям грош цена и что он вообще считает описание снов совершенно бессмысленным занятием:

«Сны нельзя водить под уздцы, как погонщик ведет осла в правильном направлении. А при попытке пересказать сон, всегда сталкиваешься с необходимостью тащить его за уздечку прямо вперед. Поэтому суду придется принять как должное неизбежную неуклюжесть моего отчета, которая неминуемо возникнет при нанизывании на нитку

рассыпавшихся и разлившихся снов Дистели
и Лемпицкой, отчета, имеющего целью продеть их
сны сквозь игольные ушки фраз, слова которых —
это всегда караван гусей, летящих один за другим
в сторону юга...»

Интересно, что все три преступления этого года, получившие широкий резонанс в городе, были совершены из револьверов одного типа, редких и дорогостоящих. Это «Combat Magnum 586», использованный при убийстве Исайи Круза, управляющего букмекерской конторой на ипподроме, затем леди Хехт и почти одновременно с этим госпожи Лемпицкой. Эти револьверы держали три руки. Две нам известны — это Лемпицка и Эрланген, но третью, руку убийцы с ипподрома, мы не знаем.

Во время нашего с Лемпицкой посещения офиса «Symptom House» я ничего не сказал ей о том, что за несколько дней до похорон ее любовника, господина Дистели, я был в морге и видел его. Должен сказать, что такие ситуации в нашем ремесле дело обычное и что у меня накопился большой опыт изучения мертвецов любого вида.

Этот выглядел даже для покойника очень болезненно, и было очевидно, что и по ту сторону гробовой доски он долго и далеко не протянет. Кроме того, было видно, что он давно уже ясно и лично видел во сне свою смерть, но она была там настолько запутана в материю сна, что он ее просто не заметил. Поэтому она подстерегла его там, откуда он ее и не ждал. Другими словами, на основании фрагментов своих снов из будущего, которые продал ему Клозевиц, Дистели считал, что умрет от раны в животе, а потому надеялся, что рак горла, которым он болел,

дело излечимое. И только тогда, когда обнаружили метастазы в животе, он понял, что это конец. Причем именно такой конец, который ему напророчили сны о Пушкине.

Что означает метастаза в моем случае? Должен ли и я в моем расследовании произвести своего рода метастазу, то есть перебросить внимание с того, чем занимаюсь сейчас, на какую-то другую сферу? Может быть, вместо тех, кого я преследовал до сих пор, следует искать каких-то других виновных?

Я навестил Эрлангена. После короткого приветствия показал ему фиолетовый платок из сейфа Лемпицкой и спросил, знаком ли ему этот предмет.

— Нет, — ответил он, — чье это?

— Я нашел это в сейфе Лемпицкой. В сейфе вашего банка.

Тут Эрланген сделал нечто, чего не сделал я, хотя это следовало бы сделать. Он понюхал платок и сказал:

— «Hugo Boss», мужской, это не может быть запахом Лемпицкой, но под ним лежит еще один, несомненно, — и протянул мне платок.

Стоило мне его понюхать, как я понял, что вторым был запах ружейного масла. Таким образом, можно считать, что мы знаем, что именно было завернуто в фиолетовый платок из сейфа госпожи Лемпицкой. В сейфе банка «Plusquam city» лежал завернутый в этот самый платок «Combat Magnum» Дистели.

Другими словами, в банке, который возглавляла леди Хехт, лежал револьвер, из которого она была впоследствии убита. Но продвинуться дальше нам все равно некуда. То, что после смерти Дистели Лемпицкая имела в распоряжении его револьвер, нам и без того хорошо известно, так что от нового открытия толку мало.

Везде упираешься в стену. Стена плача, стена молчания, стена из камня. А вот такой стены, которая защитила бы твою спину от пули, нет.

Во время одного из визитов в офис «Symptom House» я спросил госпожу Сандру Клозевиц, можно ли купить у нее и те чужие сны, которые еще не снились, то есть чужие сны из будущего. Ну, предположим, если захочешь узнать, что будет сниться интересующему тебя лицу через три года.

— Это было бы своеобразным шпионажем в будущем.

— Именно так, — ответил я.

— Думаю, такое осуществимо, но есть одна трудность. И трудность эта заключается не в денежной сумме, которая совсем не так велика для услуги такого рода — всего тысяча долларов, а в других условиях, которые достаточно тяжелы, так что я не рекомендовала бы вам даже интересоваться этим.

— Думаете, я не смог бы их выполнить?

— Думаю, вы не захотели бы их выполнять.

— А Дистели и Лемпицка выполняли какие-нибудь условия, которые могли бы показаться мне неприемлемыми?

— Но, дорогой господин старший следователь, они, в отличие от вас, интересовались не чужим будущим, а своим. И они его увидели.

Сегодня ночью льют дожди. Воды всех столетий падают на землю. Буквально так. И проникают до мозга костей. Почему же и сны всех столетий не могут обрушиться на нас и проникнуть в нас до мозга костей? И они кружат и водят хороводы так же, как вода. Может быть, Клозевиц вовсе не шарлатан, как считаю я и как считала Лемпицка, хотя потом она отказалась от таких мыслей. Впрочем, для того чтобы нечто стало истиной, вовсе не обязательно, чтобы все считали его таковой. Кто виноват, что меня не посещают сны из моего будущего? Разве из этого следует, что они не посещают других? Если ты плачешь, это же не значит, что плачет и велосипед, на котором ты сидишь верхом.

Клетка и в ней крупный цветок шафранового цвета. Несколько ароматических подушек, набитых сухим базиликом, и необычное устройство — индийская вертоловка, как мне объяснили, что-то вроде мышеловки для муссонов. И наконец, в спальне вместо кровати самая настоящая венецианская гондола. Вся покрыта черным лаком, висит, прикрепленная к потолку цепями.

Все это я увидел во время обыска в квартире го-спожи Лемпицкой. И еще кое-что. На стене комнаты был рисунок Лемпицкой под названием «СФЕРА ВРЕМЕН» с многочисленными записями вокруг него.

«Время как душа, — пишет Лемпицка на стене, — а у души есть свои ауры в виде сфер, которые находятся одна внутри другой, другая внутри третьей, и так далее, а на дне она держит (так же, как космос держит Землю) свое тяжелое тело.

Внешняя, ароматная и прозрачная, оболочка Сферы времен — это вечность. Она светом связана с Богом, а одним музыкальным тактом с будущим, которое она держит под собой в качестве следующего, низшего, слоя или же оболочки в Сфере времен. Эта оболочка-будущее тоже прозрачна. Под ней находится еще один прозрачный слой самого глубокого, неисторического прошлого: это неисторическое тело времени, и оно соприкасается с самым далеким будущим так же, как на Земле соприкасаются Восток и Запад. Под этим слоем простирается непрозрачная оболочка, которая содержит историческое прошлое, или же историческое время, а на дне Сферы времен находится тяжелое личное время нашей жизни, непрозрачное ядро настоящего, то, которое измеряют и тратят наши часовые механизмы».

В центре рисунка Сферы времен Лемпицка приклеила на стену свои наручные часы марки «Chopard», которые она остановила на времени смерти своего любовника Дистели и больше никогда не носила.

Глубокая осень и в ней еще более глубокая ночь. Вокруг меня людская раса раздирает на куски свой только что родившийся день — час за часом... В такие моменты нет на свете ума. Работают только предчувствия, интуиции, инстинкты, сны и ненависти.

Если я задам себе вопрос о деле Лемпицкой на этом уровне, то получается следующее: Эрланген виновен меньше, чем можно предположить, исходя из определенного ему наказания. Дистели виновен больше, чем это кажется и чем можно доказать; за Лемпицкой стоял кто-то еще, но неизвестно кто. Клозевиц — самый подозрительный из всех, но против него нет почти ни одного весомого аргумента. Ничего нельзя доказать, кроме того мелкого финансового нарушения, которое он, смеясь своими фальшивыми усиками, уже исправил, заплатив.

Ввиду того что все три убийства (Исайи Круза, управляющего букмекерской конторой на ипподроме, леди Хехт и Лемпицкой) совершены при помощи одного, довольно редкого типа оружия «Combat Magnum 586», я попросил специалистов проверить и сравнить пули из этих револьверов. При этом у нас не хватало одного револьвера (того, из которого был убит Исайя Круз), что же касается пуль, то все они, извлеченные из трех тел упомянутых выше убитых лиц, были в нашем распоряжении.

Я оказался прав, потребовав такой проверки. У меня пророческие карманы, наполненные будущим, в которых я перебираю ключи, пока мне не придет в голову что-нибудь умное. Итак, и Исайя Круз оказался убитым из револьвера Дистели, причем в то время, когда Дистели уже лежал в больнице с метастазами, от которых он вскоре умер. В чем распоряжении оказался его револьвер в этот мо-

мент? Если он попал в руки Лемпицкой, то у нее не было мотива: с какой стати ей убивать на ипподроме управляющего букмекерской конторой, с которым она, скорее всего, вообще не была знакома? Кроме того, мадемуазель Андросович утверждает, что Маркезина Лемпицка, ее сестра, весь тот вечер провела с ней, что она плакала из-за болезни своего любовника и что они утешали друг друга, а потом вместе легли спать.

Сегодня я нашел на тротуаре монету. Она блеснула, я нагнулся и подобрал ее. Говорят, что это к счастью. Проходившая мимо дама остановилась и спросила меня:

— Вы уверены, что это для вас совершенно безопасно?

— Что тут может быть опасного? — удивился я, а она ответила, покачав головой:

— Может быть, монетка «нагружена».

— ?

— Вы не знаете, что это значит? Так я вам скажу. У монеты может быть назначение. Именно у этой. Может быть, что-то уникальное.

— ?

— Может быть, кто-то хотел снять с себя ворожбу и для того, чтобы освободиться от чар, переместил их на монету, а монету — на землю, надеясь, что кто-нибудь на нее польстится и подберет. В таком случае

чары передаются дальше, на того, другого человека, в данном случае на вас...

Я, потрясенный, продолжил путь. Значит, колдовство графа Рагузинского, для которого он использовал монеты, колдовство из сна Дистели — не выдумка. Оно живо и по сей день. О нем, значит, знал еще Пушкин, если верить в сны покойного, а вот я-то узнал об этом на улице...

Есть вполне убедительные причины думать, что Клозевиц и его торговля снами, в сущности, обычное надувательство, обман и шарлатанство, как назвала это Лемпицка. Следовательно, можно предположить, что оба текста, которые он подсунул суду в качестве отчета о якобы виденных Дистели и Лемпицкой снах, он просто выдумал от первого и до последнего слова. Ведь кто может нам гарантировать, действительно ли они видели те сны?

Между тем если это действительно так, то почему тогда Лемпицка пошла на сделку с Клозевицем, в результате которой купила сны из собственного будущего, хотя знала, что весь «Symptom House» — это обман и шарлатанство? А может быть, по той самой причине, которую она сообщила мне в тот первый день, — для того, чтобы разоблачить Клозевица и узнать, каким образом он связан со смертью ее любовника и в какой степени и как несет за нее ответственность? И может быть, она и погибла как раз на этом пути и по этим причинам? В чем-то зашла дальше, чем позволено?

Как бы мне хотелось быть не следователем, а литейщиком, жить в 1854 году и иметь мастерскую по литью колоколов на том берегу райской реки, поблизости от Караматиного дома XVIII века. Пил бы себе вино из самого красивого колокола, из одного уха росла бы у меня ива, а из другого виноград, и плевал бы я на всех вас с крыши моей мастерской, украшенной железным петухом...

Сон мудрее того, кому он снится, и гораздо, гораздо старше. Меня тем не менее сны никогда особо не интересовали. Я считаю сны фекалиями наших страхов. В жизни человека существует по крайней мере шесть обычных праздничных снов и столько же снов для рабочих дней. И это всё.

Но моя работа требует жертв, поэтому, когда я впутался в эту головоломку с Клозевицем и всем тем, чем торгует «Symptom House», я взял почитать Юнга. Он утверждает, что сон — это раздвоенный зуб или двурогий призрак, я же считаю, что это треххвостое чудовище. По крайней мере, это касается сна Лемпицкой. И если точно, что сны означают исполнение желаний и даже идут дальше и компенсируют то, чего в жизни не хватает или чего слишком много, то в случае сна Лемпицкой мы имеем дело с тремя компенсациями:

А. То, что в андрогинном «хвосте» сна Лемпицка превращается в мальчика и позже отождествляется с ним, когда он становится взрослым молодым чело-

веком, у которого был всего один роман и которого не любят женщины (включая и его собственную мать), — все это подавленные и неисполнившиеся желания настоящей секс-бомбы, какой Лемпицка, совершенно очевидно, стала в очень юном возрасте. Ее страх перед собственной ярко выраженной женственностью, на которую окружающие реагируют агрессивно, компенсируется за счет того, что Лемпицка во сне превращается в мальчика, у которого еще нет никакой половой силы и которого повергает в ужас немного более старшая, чем он, назойливая девочка.

В. В женском «хвосте» (ответвлении) ее сна ясно видно страстное желание иметь ребенка, которого у Лемпицкой нет, а она его хочет.

С. Пока я еще недостаточно глубоко изучил этот «третий хвост», то есть мужское ответвление сна Лемпицкой, а оно является наиболее важным для моего расследования, так как связано с убийствами. Оно не укладывается в рамки моих знаний в этой области, кроме того, за окном ветер, штора в моей комнате беременна и время не годится ни на то, чтобы бдеть, ни на то, чтобы спать. Лучше взять какую-нибудь книгу и перед тем, как ее открыть, погасить свет.

Асура Дадаха, человека с улыбкой ценой в 30 долларов, который работает на сэра Уинстона, я встретил позавчера в одном игорном заведении и порасспросил о том, знает ли он что-нибудь об убийстве на ипподроме. Хотя он уже «сидел» и сейчас считает, что находится «у меня в руках», вместо ответа он зачастил в стиле рэп:

«Вчера вечером у меня наужин был атарелканаполненная рыбьими ушами авилка поет и жалит как оса... стоило мне разрезать как я увидел свои руки как они изменились тем временем... как две ошпаренные гусиные головы торчат каждая из своего рукава и никак не проглотят живилку...»

Откуда у Дистели такой интерес к Пушкину, и не просто к Пушкину, а к его произведению «Борис Годунов»? Нет ли в этом сне о смерти Пушкина, который предсказывает и смерть самого Дистели, еще чего-то? Почему именно «Борис Годунов»? Разумеется, понятно, что Дистели пел заглавную партию в опере Мусоргского, но ведь он сам говорил госпоже Лемпицкой (она поделилась этим со мной): «Не люблю я эту роль, пою через силу!» Собственно, кто такой Борис Годунов? Убийца. В частности, убийца царевича Димитрия. Дистели словно говорит: не хочу становиться убийцей! От какого же преступления он защищается, чтобы не совершать его? Какого собственного преступления хотел избежать Дистели, когда его сон показывал всю драму Пушкина как способ вызвать демонов и злых духов и потребовать от них во сне, чтобы они рассказали

ему, как спастись от «кольца, сжимающегося вокруг него»?

Что это за кольцо в случае с Дистели? «Symptom House»? Может быть, Дистели что-то подталкивало на путь преступления и убийства? Устоял он или сдался под этим давлением вопреки мудрости сна, который предостерегал его от этого? Вероятно, он не успел (даже если у него и имелось какое-то намерение, каким бы оно ни было). Не успел, потому что умер. Или же Дистели сбежал в болезнь и смерть от убийства, которое должен был совершить, что, кстати, не столь уж редкий случай.

С леди Хехт я познакомился на приеме по случаю десятилетия ее банка. Она все время держалась рядом с одним из своих сотрудников, зеленоглазым красавцем, имя которого, Морис Эрланген, я узнал позже.

Шел снег. С бокалами в руках они отделились от толпы и сели на качели с подогреваемыми сиденьями, стоявшие в зимнем саду на крыше банка. Он пил виски «Chivas», она мартини. Меня они не заметили. Она казалась напутанной, но догадаться о причине ее страха я не сумел. Я услышал несколько слов из того, что она ему говорила (она, несомненно, находилась под действием алкоголя):

— Знаешь, сколько их было до сегодняшнего дня, тех, кто заночевал под моими волосами? Не знаешь? И я не знаю. Но дело не в этом. Ты и сам быстро забудешь. Но смотри-ка, пошел снег... Когда придет конец и ты выскользнешь из моей любви, ты увидишь, что дымишься от моего жара и на тебе тают снежинки... Такое не забывается...

Один из известных психиатров, с которым я консультировался в связи с «мужским хвостом», то есть той частью сна Лемпицкой, где она преображается в офицера и оказывается на войне, истолковал его следующим образом. По его мнению, это компенсаторный процесс. В той части сна, несмотря на участие в войне и высокое офицерское звание, майор Цикинджал, то есть Лемпицка, не испытывает совершенно никакого интереса к боевым действиям подчиненных ему (ей) частей и по-прежнему погружен(-а) в профессиональные и научные занятия мирного времени. По его мнению, в этом месте сон предупреждает Лемпицку: «Не убий!» — то есть во сне воплощены ее желания, которых наяву Лемпицка не понимает и идет на убийство своей соперницы по любовному треугольнику, леди Хехт. Другими словами, сон мадам Лемпицкой, который видит лучше и шире, чем она сама, осуществляет коррекцию ее односторонних и ошибочных импульсов в жизни наяву, когда она не слушает велений сна, что и толкает ее к гибели.

Старший следователь, занимающийся кропотливым расследованием кровопролитных бесчинств, похож на человека, которому позволено передвигаться, только перепрыгивая с одного опавшего листа на другой... Когда в сфере его досягаемости листа нет, он стоит и ждет осени, чтобы возможность шагнуть упала с неба. Точно так же обстоит все с делом «Дистели — Лемпицка». Сдается мне, что пока еще я жду осень...

Я получил разрешение открыть сейф, который Лемпицка арендовала в банке «Plusquam city». В нем я обнаружил только платок фиолетового цвета и листок бумаги. На этом листке были написаны стихи, по всей видимости обращенные к Лемпицкой. Хотя подписаны они именем Дистели, я не знаю, действительно ли он автор, или же он переписал их для Лемпицкой, так как там говорится о разнице в возрасте между ними:

О, госпожа, ты носишь время без часов.
Мои часы стучат, но времени не отмеряют.
Завоет ветер — имена свои теряем,
Как шляпы, улетевшие с голов.

Моя любовь была любовью праотца,
И как мальчишку ты любви меня учила.
И каждый думал, что другому легче было.
Ученье тягостно, когда идет с конца.

В крупнейшем страховом обществе города, в «Атласе», я проверил, была ли застрахована жизнь Исаяи Круза. Оказалось, что была, причем на огромную сумму, которая до сих пор не выплачена ввиду того, что никто не явился с соответствующим требованием. Страховку в случае смерти застрахованного следовало выплатить его жене. Надеялась ли госпожа Ора, невенчанная супруга Исаяи Круза, получить эти деньги и не стало ли для нее это мотивом нанять убийцу? Предположение достаточно сомнительное, причем по целым трем причинам:

1. В силу того, что их брак не был официально зарегистрирован, с юридической точки зрения она не могла считаться супругой Исаяи Круза.

2. В силу того, что она несовершеннолетняя, в обозримом будущем она не смогла бы сама распоряжаться оставшимся после него имуществом.

3. Даже без той суммы, на которую была застрахована жизнь Круза, она была баснословно богата.

История с госпожой Орой, как ни крути, не сдвигается с мертвой точки, точно так же, как и история с Лемпицкой, — где сядешь, там и слезешь. А я не могу по-прежнему давать имена облакам.

Хотя дело «Лемпицка — Хехт — Эрланген» получило свое судебное разрешение, я не могу освободиться от впечатления, что, в сущности, ничего не выяснено. И уж тем более не выяснено, имеется ли какая-нибудь связь между этим делом и убийством Исаяи Круза на ипподроме, которое совершено с помощью «магнума» Дистели в тот час, когда он в больнице умирал от рака. Может быть, следовало бы начать все сначала, но на этот раз со свидетелей. Кто в этом случае свидетели? Например, сестра Лемпицкой, мадемуазель София Андросович, на которую мы вообще почти не обратили внимания. Когда я позвонил ей, она рассмеялась прямо в трубку и сказала:

— Наконец-то вы и обо мне вспомнили, господин старший следователь! А я все думала, произойдет ли это когда-нибудь и если да, то когда именно. Но поговорить в домашней обстановке мы не сможем. Я не

смогу позвать вас к себе, потому что мой адрес — купе спального вагона. Я обожаю путешествовать. Придется вам пригласить меня на ужин в какой-нибудь хороший ресторан, ведь счет вам все равно оплатят на службе.

Я тут же так и сделал. Как только мы уселись за стол, спросил ее:

— Это ваша сестра, госпожа Лемпицка, убила господина Исаяю Круза, управляющего букмекерской конторой на ипподроме?

— Красавец мой, что за мысли приходят тебе в голову? — Мадемуазель Андросович молниеносно перешла на «ты». — Моя сестра упокоилась, и мне не нужно защищать ее, ты ей уже ничего не сможешь сделать, но все-таки я расскажу тебе, как обстояло дело. Когда убили этого твоего Круза и когда об этом сообщили по телевизору, Лемпицка была у меня. Она весь вечер проплакала из-за своего певца, который лежал в больнице. От слез зрачки ее глаз покрылись пятнышками, как глаза змеи. А что же касается тебя, то могу сказать, что я о тебе думаю, хочешь? В двадцать лет мужчины еще грудные младенцы, в тридцать — дети, в сорок у них начинается половое созревание, а после этого они больше не пригодны ни к какому употреблению.

Вчера я наведался в «Symptom House» и застал там Алексу Клозевица. Я не видел его с того самого дня, когда он появлялся в зале суда, и мне хотелось с ним поговорить. Постольку поскольку он выполнил все, что потребовал от него суд, я считал, что мой визит не должен его слишком беспокоить. Из всего, что было связано с делом «Дистели — Лемпицка — Хехт», меньше всего ясности у меня было относительно Клозевица, и мне захотелось снова попытаться что-нибудь разнюхать в его «храме». Я позвонил ему по телефону и сообщил о своем намерении.

— Приходите лучше вечером. Мне кажется, погода будет ясной, — заметил он.

В тот вечер он был любезен, однако казалось, что он, как у нас говорят, что-то прячет за пазухой. Я сказал ему, что меня интересуют его занятия снами, и попросил продемонстрировать что-нибудь, имеющее отношение к моим снам. К любым, независимо

от того, снились они мне или нет. Он немного ожил и показал мне с одной из террас своей «обители» звездное небо.

— Под каким знаком вы родились, господин старший следователь? — спросил он меня, и когда я ответил, что это «Рыбы», он воздел к небу палец и принялся показывать и объяснять: — Во вневременной зоне вашего созвездия, где роятся ваши приснившиеся и еще не приснившиеся сны, находятся четыре рыбы. Две из них, так сказать, «на суше», а две другие в области Млечного Пути. Видите их? Там парят ваши сны. Даже те, которые вам еще только должны присниться, причем далеко не все из них вы сможете увидеть до конца, потому что их прервет ваша смерть.

— Что же это, вы мне угрожаете, господин Клозевиц?

— Для этого нет никаких оснований. Есть много людей, сны которых прервала смерть, и во Вселенной всегда имеется избыток неприснившихся снов, так же как здесь, у нас, недочитанных книг... Я просто все это читаю по звездам. Тонны снов каждую ночь остаются без своих адресатов.

Несколько дней назад я побывал у доктора Арнольда Макинтоша, врача покойной Лемпицкой. Мы сели поговорить о ней, точнее, говорил он, а я его внимательно слушал, не задавая никаких вопросов. У него под носом были усы, похожие на галстук-бабочку. Он рассказывал обо всем, кроме состояния ее здоровья.

— Госпожа Лемпицка обожала воду. Пила она исключительно «Перье» или греческую воду «Лутраки». Объездила всю Северную Африку в поисках хорошей «спа-терапии». Кроме культа воды она отличалась и другими особенностями. Любила есть водоросли и моллюсков, а особой ее страстью были редкие камни. Минералы, кристаллы, сталактиты. Не знаю, коллекционировала ли она их, но разбиралась хорошо, купила себе китайский справочник XII века «Каталог камней», а однажды показала мне кольцо с зеленой яшмой, которая, как она

верила, «видит будущее». Камни настолько стары, что несомненно видят дальше, чем мы, причем и в ту и в другую сторону, — вот что она как-то сказала мне...

Прощаясь с врачом Лемпицкой, я заметил, что его глаза светятся как стеклянные камешки.

После того как Эрлангена за примерное поведение выпустили на свободу, с тем что остаток заключения будет условным, я навестил его. Мой визит не доставил ему удовольствия, но он постарался скрыть это. Кроме того, не будем забывать, что все люди делятся на тех, у кого есть дар быть хозяином, и тех, у кого есть дар быть гостем. Эрланген явно принадлежал ко второй категории. Мы выпили понемногу, я спросил его, играет ли он на фортепиано, которое стояло в углу комнаты, в ответ он поднял крышку инструмента, сел за него и продемонстрировал мне, что звука в нем нет, а есть только записанные звучания всех букв алфавита. Причем в нескольких регистрах — словно их произносит женщина, старик, ребенок, мужчина с очень глубоким голосом и т. д. Говоря другими словами, это было фортепиано, которое не играет, а говорит. Отвернувшись от этой бессмысленной вещи, я спросил Эрлангена:

— Вы можете сказать мне, откуда у госпожи Лемпицкой револьвер Дистели?

Вместо ответа он пробренчал мне на говорящем фортепиано следующее:

— Ты — это страх, вставший на задние ноги и отпустивший пейсы и бороду. Между стезями глазами растет у тебя мрак, а между зубами — смех, но ты запоминаешь его все хуже. Носишь душу в носу, а тебя учат чихать...

Сегодня вечером в этом дневнике я снова вернусь к вопросу о свидетеле в деле Маркезины Лемпицкой. Я встретился в одном ресторане (как уже упоминал в одной из записей) с мадемуазель Андросович, сестрой покойной Лемпицкой. Мадемуазель Андросович появилась на высоких каблуках в виде перевернутых Эйфелевых башен и заказала карпа, приготовленного на меду.

— Скажите, ваша сестра любила гонки? — Я решил сразу перейти в наступление.

— Да. Скачки. Мы с ней состязались в этом еще девочками — кто раньше кончит. Маркезина, которая тогда еще не носила фамилии Лемпицка, была быстрее, а потом, позже, она могла с одним и тем же мужчиной кончить до семи раз подряд. У нее никогда не было менструации, должно быть, поэтому не было и детей. Вместо периода полового созревания у нее

сразу начался климакс... В детстве мы жили в Вене. Как-то раз она повела на кладбище одного из соседских мальчишек и там, на колокольне, научила его, каким образом лишить ее невинности. Она назвала это своим мистическим венчанием. Я в школе на уроке левой рукой дрочила под партой моему соседу, а правой, на парте, решала математические уравнения. Но ничего мне не помогало. Пока я делала это, он все равно смотрел на Маркезину, которая сидела за соседней партой. Да на нее все смотрели. Просто вся школа кончала, глядя на мою сестру, включая и учителей, и даже некоторых учительниц. Вот и вы здесь хотите говорить только о Лемпицкой, хотя на ужин-то пригласили меня...

— Но, дорогая мадемуазель Андросович, я просто собирался и сегодня, здесь, еще раз выразить вам свое соболезнование по случаю смерти вашей сестры, а вопрос о скачках, конских скачках, задал просто так, для разговора...

— Нет, она не любила скачек. На скачки ее водил Дистели. Он ей вполне подходил, потому что был уже в летах и не набрасывался на нее по два раза в день, как ее первый муж... Правда, чаще они ходили на собачьи бега. Она любила спариваться с борзым кобелем Дистели. Собственно, она его этому и обучила как-то вечером, когда Дистели не мог, а ей очень хотелось. Дистели на них смотрел-смотрел, а потом и у него самого встало... Но, поверьте мне, миф о Маркезине как о секс-бомбе выдуман и раздут. Каждая

вторая женщина — это секс-бомба. У сестры я научилась только одной-единственной вещи.

— ?

— Она научила меня одному стихотворению, которое дорогого стоит.

— ?

— Сейчас я тебе его не открою. Когда декламируешь его, то движения языка сочетаются таким образом и в такой последовательности, что при оральном сношении с женщиной вызывают у нее климакс. Впрочем, парни, которые побывали в постели и с Маркезиной, и со мной, говорят, что мы почти не отличаемся друг от друга и что я в одной из фаз даже лучше ее... Но составить мнение об этом мы предоставим самому господину старшему следователю, хотя, думается мне, с Лемпицкой вы не спали. Ведь так, да?

Убийство на ипподроме в ходе следствия оказалось как бы в тени двойного убийства на вилле Эрлангена. При обыске квартиры покойного Исайи Круза, директора букмекерской конторы на ипподроме, нам стало известно, что его жена живет отдельно, в своем доме, а сам Круз бывает то здесь, то там — и в квартире, и в доме жены.

Его квартира представляла собой обычное мужское логово, и там мы обнаружили лишь две достойные внимания вещи. Черный мужской веер из Кореи и тоненькую женскую трубку из латуни с сидящей на ней металлической бабочкой. Казалось, что две эти вещицы не могли принадлежать ни Крузу, ни его квартире. Или же они принадлежали к какому-то неизвестному нам периоду его жизни. Не воевал ли он в Корее? Если да, то с кем? Может, с кем-то, кто позже решил свести с ним счеты?

После визита, который я нанес Клозевицу несколько вечеров назад, я получил из «Symptom House» в подарок индийскую карту неба с созвездием, в котором находятся мои сны, перемешанные с миллиардами других снов из знака «Рыбы» от древнейших до будущих.

На карте был Млечный Путь, и в нем — одна из четырех рыб моего зодиакального знака. В эту рыбу или в двух птиц над ней выпущена стрела, но она ни в кого не попала и, вероятно, будет вечно лететь над рыбой. Между этой и второй рыбой моего знака находятся две мужские и одна женская фигуры. Женщина молода, с красивой обнаженной грудью, над которой она держит солнечный зонтик. В коротких белых широких шароварах из прозрачной индийской ткани она сидит, скрестив ноги, похожие на два прекрасно изваянных музыкальных инструмента. Мужчина рядом с ней развел в стороны руки,

и под его правой рукой находится вторая рыба моего знака. Этот мужчина одет в желтый хитон и красные носки, на лбу у него нарисован кружок. Вокруг талии цепь, которая спереди спускается вниз, раздваивается и таким образом сковывает и его ноги. Две остальные рыбы моего знака действительно находятся «на суше» — вдалеке от Млечного Пути.

По другую сторону девушки под солнечным зонтом (который защищает ее от слишком яркого света звезд, поэтому, может быть, лучше назвать его «звездным зонтом») стоит мужчина в фиолетовом, под шапкой с черным султаном. Левой рукой он касается огромной змеи, которая приподняла голову и смотрит в соседнее созвездие, на мужчину, который собирает звезды и складывает их в сетку, похожую на сачок для бабочек. Там лежит уже восемь звезд, а девятую он как раз срывает.

В коротеньком письмеце от Клозевица, приложенном к карте неба, написано следующее: «Так выглядит место пребывания наших снов».

Три фигуры: двое мужчин и одна женщина! Ровно то же, что и в моем расследовании «Дистели — Круз — Лемпицка». И еще кто-то, кто собирает звезды. А может быть, сны?

Сегодня ночью мне не спится и не хочется ничего писать в этой проклятой тетради. Чернила пересыхают, душа моя потерялась где-то, может, на лыжной прогулке, а я держу больные ноги в тазике с подсоленным вином. Лежу на дне своих мыслей, как на дне прекрасного голубого Дуная. И с ужасом смотрю, как кольцо на руке мадемуазель Софии Андросович, которая спит в моей постели, крутится на ее пальце само собой.

Когда я дополнительно обратился к вопросу о свидетелях в деле Лемпицкой, то сделал это потому, что следствие заняло по отношению к ним какую-то вялую позицию. Взять хотя бы Клозевица. Поэтому я решил посетить «Symptom House» еще раз. В «храме» меня встретила мадемуазель Сандра. Мне не удалось заглянуть в зеркало, но показалось, что во время нашего разговора там промелькнули наголо обритая голова и бровь с серьгой, принадлежавшие Алексе Клозевицу. Обезоруженный невинным взглядом Сандры и ее темно-синими волосами, скрепленными под подбородком камеей, словно это шаль, я механически задал вопрос, который интересовал меня больше всего:

— Вы любите гонки?

— Да. «Формулу-один».

Она обмахивалась веером, усыпанным звездами из созвездия Рака.

— Я не эти имел в виду, а конские.

— Не особенно. На скачках на ипподроме я была раз или два и один раз на собачьих бегах. Но меня это не привлекает. А почему вы спрашиваете?

— Да так, мадемуазель Сандра, просто к слову. Я к вам по делу. А что бы из имеющегося ассортимента мог предложить мне купить ваш «Symptom House»?

— Вас интересует, можем ли мы предложить вам купить какой-нибудь из ваших будущих снов? Немного завтрашнего уже сегодня? Небольшое освежение такого рода?

— Да, именно так. Как вы уже делали это с Дистели, Лемпицкой и другими.

— Вынуждена вас разочаровать, дорогой господин старший следователь Строс. Пойти навстречу вам я не могу. Ваши сны я не могу ни ловить, ни продавать.

— Неужели такое возможно?

— Все очень просто. Они у вас слишком дикие, поэтому их невозможно поймать, не подвергая себя большой опасности. Вместо двух рыб там, в вашем созвездии, находятся четыре. Две из них на суше. Кроме того, вы стоите на двух движущихся рыбах. Неся на себе ваши ступни, они куда-то плывут. Все это делает охоту невозможной.

— И это все, что вы можете мне сказать?

— Нет. Еще могу порекомендовать вам, на какую лошадь ставить на следующей неделе...

Разумеется, при моей работе я вынужден делать записи прямо на месте. Так я поступил и тогда, когда в первый раз побывал в «Symptom House» вместе с Лемпицкой. Я записал на пленку все, что было сказано в псевдохраме мадемуазель Клозевиц. Вечера я прослушал часть фонограммы, и слова, сказанные ею тогда, показались мне просто невероятными. Вот отрывок:

Существовали, да существуют и сейчас, коллективные сны. Так же, как легко ловить длинноногих болотных птиц — бекасов, дроф, цапель или фламинго, — когда их много скопилось на одном месте, легко ловить и размножившиеся коллективные сны. Их всюду полно. Хороший пример — это сны, которые хором видели крестоносцы, восточные римляне и мусульмане в XI, XII и XIII столе-

тиях, объятые желанием покорить Средиземно-море. Торговцы снами вылавливали из безвременья и щедро продавали эти их сны направо и налево в VIII, VII и VI веке до Рождества Христова, и они коллективно снились финикийцам, эллинам и этрускам, боровшимся за власть над западной частью бассейна Средиземного моря. Таким образом, те сны о «наумахии», которые снились на его берегах в начале второго тысячелетия после рождения Христа, покупались и передавались в первом тысячелетии до Его рождения. Используя терминологию Юнга, их можно было бы назвать «следствием коллективного бессознательного», правда, с одним существенным отличием. Коллективное бессознательное в этом случае переходило бы с потомков на далеких предков, а не наоборот, как у Юнга в его анализе случаев коллективного бессознательного...

Сегодня я получил письмо с угрозами. На нем был обычный почтовый штампель. Отправлено из нашего города. Написано было следующее:

«Как стакан на столе и кусок пьяного хлеба, лежит перед тобой твой завтрашний день... Можешь протянуть руку и взять его, чтобы на свету оценить его цвет, откусить и опьянеть от него впрок. Словно столбы холодных и горячих запахов в солнечном лесу, видны уже сегодня часы твоего завтрашнего дня. И их можно пересчитать, как ребра. Стоит тебе протянуть руку, и палец окажется в его ране.

Вместо этого ты берешь сети и силки, высовываешь язык, чтобы узнать, идет ли дождь, укрываешься в быстрой тени облака, садишься в свое сердце и ловишь чужой завтрашний день вместо своего. Твои дела обстоят так, что лучше воробей на ветке, чем птица в руке».

Короче говоря, такое изучение завтрашнего дня уже теперь кое-что и кое-кого напоминает мне. А точнее — «Symptom House» и Клозевица. Он предлагает будущее уже сегодня, а здесь словно угрожает мне за то, что я вмешиваюсь в его дела и ловлю «чужой завтрашний день вместо своего».

Суд оставил нерасследованным один случай из дела «Лемпицка — Дистели — Хехт — Эрланген». Я имею в виду убийство на ипподроме. В пятницу я наконец решился и направился прямо к большому боссу, сэру Уинстону, как все его называют. Он принял меня в своем книжном магазине с сигарой за ухом и, не говоря ни слова, предложил мне сесть, сделав при этом жест рукой, на которой не было ни одного ногтя.

— Господин Уинстон, говорят, что вам известно все о тайнах этого города. Считается, хотя, возможно, это шутка, что вы даже заранее знаете, кто и когда будет убит.

— Преувеличение! — сказал сэр Уинстон и хотел улыбнуться, но вместо этого чихнул.

— Не сомневаюсь, что это преувеличение, но мне нужна ваша помощь, чтобы пролить свет на одно убийство, которое пока мы никак не можем для себя прояснить.

— Что бы вы хотели узнать, господин Строс?

— Кто убил Исайю Круза на ипподроме?

— Как это — кто его убил? Ну разумеется, Дистели. Тот самый, оперный певец.

— Но Дистели в тот момент лежал в больнице, умирая от рака.

— Ля-ля-ля-ля... умирал от рака... несомненно, но он еще не был мертв. На пару часов ушел из больницы, чтобы попрощаться со своей любовницей, убил на ипподроме Круза и вернулся на больничную койку умирать. Не преступление, а само совершенство, правда?

— Но где здесь мотивы? И был ли он вообще знаком с Крузом?

— Ну, знаете ли, этот вопрос к вам, а не ко мне... Не желаете ли сигару? У меня есть «Partagas». Отличная вещь.

От какого-то неизвестного я получил по почте книгу. В синем переплете с вытисненным золотом названием серии «Сделай сам». Книга называется «Как найти убийцу?». Удивительнее всего то, что книга состоит всего из двух листов толстой плотной бумаги, с двумя иллюстрациями. На одной в профиль изображен мужской бюст с нарисованными волосами, затылком и воротником, но без лица. Вместо пробора — застежка «молния», а вместо лица крохотная цепочка, прикрепленная одним концом к бумаге на высоте пробора, а другим — к пуговице воротника. Она достаточно длинна для своего назначения, которое открылось мне не сразу. На другой странице — женский бюст, тоже в профиль, с нарисованным пучком волос, затылком и жемчужным ожерельем, но тоже без лица, вместо которого прикреплена другая цепочка. В книге есть отделение для карандаша, но в нем вместо карандаша лежит пин-

цет, который и объясняет все дело: с его помощью можно уложить цепочку таким образом, чтобы изобразить контур профиля. Каждый раз по-разному.

Кто-то пытается подтолкнуть меня к выводу, что убийца, которого я ищу, может быть и мужчиной и женщиной. Но не или мужчиной, или женщиной, а именно — и мужчиной и женщиной.

В маленьких приморских городах есть настолько узкие улицы, что на них не могут разойтись два человека. Такие улочки там называют «дай пройти!». Так вот, и в нас тоже есть узкие проходы, которые тут же перекрываются, стоит только в их тесноту втиснуться еще одной твоей собственной или чужой мысли. И вот сейчас одна тонкая нить протиснулась через мои уши, и я почти услышал ее. Наконец-то, когда прошло уже столько времени, я решил самую тяжелую в моей практике задачу — раскрыл загадку дела «Дистели — Лемпицка — Хехт — Эрланген — Круз»!

Клозевиц шантажировал Дистели, а потом и Лемпицку, продавая им сны из будущего, которые предсказывали им кое-что из того, что произойдет с ними до и после их смерти. А в ответ он требовал от них что? Всего тысячу долларов? Бессмыслица. Он требо-

вал от них совершать убийства. От Дистели — убить Круза, от Лемпицкой — убить свою соперницу, то есть любовницу Мориса Эрлангена, леди Хехт.

Все именно так и было, однако ничего из этого нельзя доказать и поставить в вину Клозевицу, потому что в живых нет ни Дистели, ни Лемпицкой, которые могли бы свидетельствовать против него.

Правда, остается непонятным, каковы причины и в чем интерес самого Клозевица, зачем ему нужно таким изощренным и сложным способом устранять Круза и Хехт? Так что кроме свидетелей обвинения в этом деле не хватает и мотива. Почему убиты именно эти люди? Так что Клозевиц может спокойно спать на всех трех моих подушках.

В четверг я побывал в квартире покойного Дистели. Там, судя по всему, никого не должно было быть, однако как только я позвонил, послышался лай борзого пса, а соседнюю дверь открыла старушка, которая представилась мне Селиной. Я изумился тому, что она, оказывается, говорит.

— Так вы говорите, дорогая госпожа Селина! Какой приятный сюрприз! — сказал я ей и вошел. — Покойная Лемпицка как-то сказала мне, что вы немые от рождения!

— Да она понятия не имела! Не выпьете ли чего-нибудь, господин старший следователь? Может быть, чай из грецкого ореха?.. Никогда не пробовали? Очень вкусный и необычный, вот увидите.

Пока Селина готовила чай, я заглянул под крышку концертного рояля, стоявшего посреди комнаты. Рояль был наполнен выкуренными трубками. Я за-

метил один «Могул», четыре царьградские трубки из «морской пены», с десяток коротких матросских, несколько фарфоровых, с крышечкой, и две сделанные по мерке, снятой с руки, которая будет ее держать. Там были и кальяны — один из Каира, второй из Туниса. Я предположил, что все они принадлежали Дистели.

— В чем состоит ваша тайна, госпожа Селина? — спросил я, принимая от нее чашку чая из грецкого ореха.

— Вы хотите узнать, почему я двадцать лет молчала, так что все считали меня немой как рыба? Ну так это из-за Дистели, или, точнее говоря, из-за моей бабки Исидоры. Она, знаете ли, в позапрошлом веке пела в оперетте в Вене. У нее было дивное меццо-сопрано и кружевной зонтик. К сожалению, она умерла от какого-то тяжелейшего воспаления горла. Когда Дистели стал оперным певцом, я страшно испугалась, что и его горло тоже может пострадать. И от страха решила принести в жертву свой собственный голос, чтобы сохранить его горло невредимым. Я перестала говорить... И, представляете, это помогло.

— Почему вы полагаете, госпожа Селина, что помогло? Ведь он же умер от рака горла!

— Ну что вы, господин старший следователь! Отнюдь нет! Он умер от воспаления в животе! От метастазов рака в животе! Когда это произошло, я сразу же снова начала говорить! Нельзя сказать, что моя жертва была напрасной! Отнюдь!

— Еще один вопрос, и я не стану вас больше отвлекать от забот о собаке Дистели.

— Тамазар не собака. Он борзой.

— А вы, госпожа Селина, кем вы приходились покойному Дистели?

— Как это — кем приходилась? Матерью я ему приходилась. Знаете, господин старший следователь, я предполагала, что вы захотите расспросить меня о более важных вещах.

— О чем же, госпожа Селина?

— Об убийстве на ипподроме. Предполагаю, что и этим делом занимались вы. Как-то раз, когда Дистели лежал в больнице, Маркезина Лемпицка пришла в квартиру моего сына, взяла его весьма недешевый револьвер «Combat Magnum», который так и не вернула. Управляющий букмекерской конторой был убит в тот же вечер. Насколько мне известно из газет, убийство было совершено из такого же револьвера — «Combat Magnum»...

— Огромное вам спасибо, дорогая госпожа Селина. Может быть, вы сможете вспомнить еще что-нибудь в связи с этим случаем и Лемпицкой?

— Тот, кто молчал двадцать лет, может помолчать еще немного, господин старший следователь...

Покидая ее квартиру, я случайно бросил взгляд в ванную комнату. Там стояла огромная ванна, доверху наполненная грязной посудой.

Один из деловых людей, которого я часто вижу на ипподроме, — это господин Ишигуми, известный под прозвищем «Улыбка ценой в 50 долларов». Мне пришло в голову попробовать немного побеседовать с ним. Вот как проходил наш разговор:

— Господин Ишигуми, вы приходили на ипподром в тот вечер, когда был убит Исаяя Круз?

— Да.

— Что вам там было нужно?

— Я живу напротив, и я всегда дома, за исключением случаев, когда меня дома нет.

— Вы не заметили чего-нибудь странного в тот вечер?

— Заметил. Я видел женщину в красной блузке и джинсах, она заходила в лифт и намеревалась подняться на четвертый этаж, что означает, что у нее был ключ от этого этажа, а таким ключом распола-

гал, думается мне, только управляющий букмекерской конторой Исаяя Круз.

— Значит ли это, что она его убила?

— Нет.

— Почему вы так думаете?

— Когда она поднялась наверх, он уже был убит.

Я еще до этого слышал три выстрела.

— Почему вы тут же не вызвали полицию?

— Я именно что вызвал. Так что вы, в полиции, узнали о смерти Исаяи Круза от меня, а я не смог увидеть, кто его убил, из-за того, что как раз и звонил вам.

И господин Ишигуми во всю ширь растянул свою улыбку ценой в 50 долларов.

Мне никогда не приходило в голову проверить в связи с делом Лемпицкой помощницу Эрлангена из банка «Plusquam city». Я зашел к ней. Это оказалась весьма интересная креолка, одна из тех женщин, которые и в шестьдесят лет выглядят на тридцать и ни днем старше. На вопрос относительно Лемпицкой она отвечала голосом горячего шоколада, и от нее веяло духами «Dune».

— Госпожа Лемпицка была одним из клиентов нашего банка, она пользовалась отделением с сейфами высокой степени безопасности. Я практически не знала ее, но могу сообщить вам о ней следующее. Питание любой женщины должно быть строго обусловлено ее возрастом. До пятнадцати лет это одна пища. С пятнадцати и до двадцати пяти женщина нуждается в совершенно другом питании. Если она с двадцати пяти до тридцати пяти лет продолжит потреблять в пищу те продукты, к которым привыкла за последние десять лет, дело кончится плохо. Чтобы избежать

отклонений и нарушений, придется еще раз полностью изменить систему питания. Это же относится и к потребляемым жидкостям. Самки млекопитающих знают все это благодаря инстинкту и никогда не ошибаются. Лемпицка этого не знала, питалась неправильно, и в ее организме и духовной сфере возникли кардинальные и необратимые изменения.

— И в чем это выразалось?

— Трудно заметить все детали, но я расскажу вам, как это выглядит в принципе. Она путала любовь с голодом, жажду с ненавистью, мысли со снами, воспоминания с будущим и ревность со страхом смерти...

— Неужели? — брякнул я только затем, чтобы как-то отреагировать. — И каковы же были последствия?

— Довольно неожиданные. Во всем этом были и свои хорошие стороны, ну хотя бы отчасти.

— ?

— Женщины начали просто обожать Лемпицку, причем именно такой, какой она стала благодаря неправильному питанию. Это их непреодолимо влекло к ней...

При этих словах пот мулатки запах лесными орехами.

Я покидал банк «Plusquam city» в полной растерянности. А что, если на вилле сводили счета две влюбленные друг в друга дамы — леди Хехт и Лемпицка, и это вовсе не было убийством из ревности, связанным с их общим любовником Эрлангеном?

Ввиду того что Алексу Клозевица я впервые в жизни встретил в зале суда (это был вариант с обритой наголо головой и серьгой в брови) и еще ни разу в жизни не видел его вместе с мадемуазель Сандрой, с которой познакомился в «храме» «Symptom House», я решил устроить им очную ставку. Я сообщил им об этом по телефону и проинформировал о намерении посетить их. Он сидел в церкви, а она — напротив него, в зеркале.

В качестве приветствия мадемуазель Сандра сказала из зеркала:

— Мы с Алексой, я и он, одно существо, но не двуполое, а андрогин, и увидеть это можно только тогда, когда смотришь на нас в зеркало. Тогда мужская и женская природа в этом существе разделяются на ту, что за стеклом, и ту, что перед ним... Но происходит такое не всегда, и увидеть это может не каждый.

Сандра Клозевиц выглядела исключительно ухоженной, ее брови разделял изумруд, в волосах был раскрытый веер, усыпанный звездами, а на руках перчатки. Но что за перчатки! В первый момент я подумал, что свет так странно преломляется в зеркале, что кажется, будто у девушки из зеркала на одной руке семь пальцев!

Тут мадемуазель Сандра рассмеялась и сказала:

— Вас удивляют мои перчатки? И вы пытаетесь угадать, не семь ли пальцев на моей руке? Этого я вам не скажу.

— Не говори ему ничего! — воскликнул Клозевиц.

— Нет, мне кажется, господин старший следователь имеет право знать такие вещи, насчет пальцев и тому подобное...

— Сандра, ты рискуешь головой, и своей и моей. Брось эту игру.

— Да в чем дело?! Я не понимаю... — вмешался я в их ссору.

Но это не помогло. Алекса положил конец нашему разговору, решительно препроводив меня к выходу, и отражение мадемуазель Сандры исчезло из зеркала.

— Кто из вас, с юридической точки зрения, является лицом, находившимся в судебном споре с сестрой покойной госпожи Лемпицкой и приговоренным к уплате штрафа за незаконно полученную прибыль? — спросил я Алексу Клозевица.

— Боюсь, что придется вам самому принимать решение относительно того, кто из нас двоих настоящий Клозевиц.

«Разумеется тот, кто знает тайну двенадцати пальцев», — подумал я, выходя за дверь.

Этой ночью я впервые испугался своей профессией, вообще-то широко известной тем, что ей сопутствуют опасности. Особенно меня пугало дело «Круз — Лемпицка — Дистели — Клозевиц — Эрланген». Оно показалось мне в высшей степени угрожающим, причем эта угроза мимолетно сверкнула передо мной, когда я, по обыкновению, читал перед сном уже в кровати, чтобы успокоиться и заснуть после утомительного дня. В руках у меня была книга, которую я взял потому, что она лежала ближе всех остальных. Книга была подписана инициалами З. Л. Н. и В. Д. Г., и написано там было нечто такое, что я прочел с ужасом и недоверием, словно это буквально относилось ко мне и к делу Лемпицкой, которым я занимаюсь, хотя на самом деле речь в книге шла бог знает о чем:

«Это дело напоминает такую ситуацию, когда суешь руку в мешок без дна, причем каждый раз выта-

скиваешь наружу что-нибудь удивительное или хотя бы чувствуешь рукой нечто значительное. И пока у тебя есть представление о том, докуда добралась твоя погруженная в полумрак рука, прошлое выглядит реальным и ощутимым. Замешательство возникает тогда, когда пропадает уверенность в том, куда завело тебя это „путешествие“, а иногда даже и в том, существует ли еще твоя собственная рука...»

В воскресенье, после одного из тех обедов, которые состоят из неизвестно чего с большим количеством жира и специй, я направился в Центральный парк прогуляться. Там я увидел госпожу Селину, которая выгуливала царскую борзую Дистели. И тут меня как молния озарила. Борзая! Ну да, борзая!

Где же это мне уже попадалась борзая? Конечно, во сне! Что означает этот сон для моего расследования? Кем для Дистели был этот борзой кобель? Его двойником для их общей любовницы Лемпицкой! Во сне Лемпицкой белый борзой пес появляется под вишней. Он спит под деревом в том самом шкафу из сна. Он там являет собой пока еще не пробудившегося любовника. Итак, борзая — это двойник Дистели.

И кем еще? Кем был для Дистели тот борзой пес с золотой головой из сна о Пушкине? В отличие от царской белой борзой, двойника Дистели в любви,

кем была эта, с золотой головой, развалившаяся на диване Пушкина, как на кушетке у психиатра? Дистели во сне обходит его на цыпочках, боится разбудить, потому что даже во сне знает, что стоит борзой проснуться, как она кого-то загрызет...

Нетрудно разгадать и это. Дистели был красавцем с золотой гривой, которая сияла на солнце как ореол. Итак, борзой пес с золотой головой — это сам Дистели. Но златоглавый пес не пес-любовник. На самом деле Дистели боялся разбудить в себе убийцу, который кого-то загрызет. Кого же?

И Дистели, и Лемпицка боятся стать убийцами, то есть они заранее знают, что совершат и почему. А я все еще не знаю.

До сих пор я не обнаружил никакой связи или мотива, которые позволили бы перебросить мостик от дела «Дистели — Лемпицка» к убийству Исайи Круза на ипподроме. Кто мог заполучить принадлежавший Дистели «магнум», из которого совершено убийство, когда он при смерти лежал в больнице? Соседка, которой за пятьдесят и которая кормит его пса, и Лемпицка, его любовница, которая время от времени приходит поцеловаться с этим псом и тут же уходит? И у той и у другой женщины есть ключ от квартиры Дистели. Возможно, не стоит полностью отвергать мысль о соседке, которая, правда, на первый взгляд производит совершенно безобидное впечатление.

И я решил обратиться к ней.

Пока мы пили чай, я завязал разговор:

— Дорогая госпожа Селина, я искал, но не нашел объяснение одного непонятного места из сна госпо-

жи Лемпицкой. Отчет Клозевица говорит об этом месте сна следующее: «...горячая кровь облетела его тело, неся за собой, словно тень, и какую-то другую сеть, которая была не кровеносной, а гораздо, гораздо более старой, какой-то древней рекой, что миллионы лет совершает крутоворот по людским телам...» Я уже долго ломаю голову над тем, что это за «другая» такая «тень кровеносной сети», которая гораздо старше любого живого существа? Как вы думаете?

— Да ерунда все это! Имеется в виду, дорогой господин старший следователь, *время!* Оно течет и кружит по нашим кровеносным сосудам от начала времен, потому что каждый ребенок рождается с унаследованными чужими снами, заключенными в нем... Но оставим эти глупости. Я открою вам нечто гораздо более важное об этом отчете, который составил для суда и для вас Клозевиц. Сон, который представил суду Клозевиц в качестве того сна, который якобы снился Лемпицкой, это чистой воды фальсификация!

Во вневременном пространстве (где парят уже приснившиеся и еще не приснившиеся сны) будущее и прошлое перемешаны, потому что там нет настоящего, которое их разделяет, точно так же, как это имеет место и в самих снах. Настоящего нет и во сне, там будущее и прошлое соединены.

С такими мыслями наблюдал я за небесным шаром. Взглянув на совокупность небесных тел в созвездии моего знака «Рыбы», я ужаснулся, поняв, что там, наверху, во вселенной, у моего знака зодиака нет будущего.

Я навел справки о своем знаке зодиака. Оказалось, что действительно на индийских картах неба существует не две, а четыре рыбы, на что в свое время и обратил мое внимание Клозевиц. Но я узнал и кое-что еще. В астрологических рукописях этих рыб изображают иногда таким образом, что вместо чешуек они покрыты буквами. Именно так обстоит дело со

знаком «Рыбы» в одной рукописи X века, где рыбы покрыты не чешуей, а буквами, причем таким образом, что получается запись одного греческого мифа на латинском языке. Поэтому существует поверье, что у каждой рыбы на чешуйках записаны разные буквы и что в прошлом существовали такие астрологи, которые помнили, каким образом эти буквы можно прочесть. Я убежден, что есть они и в наше время. Но в наше время нет никого, кто мог бы объяснить, для чего нужен человек.

В заключение могу сказать, что Клозевиц как астролог может в любой момент прочесть меня как книгу, а вот я его — нет. По крайней мере пока. Совсем не лестно для того, кто называется старшим следователем. И пусть я считаю Клозевица шарлатаном, преступником и обманщиком, не остается сомнений, что он меня заразил.

Есть одна неясность, связанная с золотым яйцом для табака, принадлежавшим Дистели. Украдено ли оно, как заявила мне Лемпицка? Кто и когда его украл? Во время попытки ограбить квартиру Дистели? Что было внутри него? Где оно сейчас?

С этими вопросами я отправился к «немой» госпоже Селине, о которой говорят, что она молчала двадцать лет. Ответ звучал совершенно невероятно:

— Дорогой господин старший следователь, знаете ли вы, что такое яйцо? Желток — это сон, а белок — явь. Сон питается нашей явью, а когда наберет достаточно сил, он разбивает скорлупу и улетает. Точно так же получилось и с золотым яйцом Дистели...

Эрланген, защищаясь во время суда, ссылаясь на какого-то свидетеля, которого зовут Эрвин и который присутствовал на месте убийства Лемпицкой. Этот свидетель был готов дать показания относительно того, что Эрланген стрелял, чтобы защитить свою жизнь, но на судебное заседание он не явился, более того, его не смогли найти по тому номеру телефона, который он оставил Эрлангену. Я был уверен (так же как и судьи), что Эрланген свидетеля выдумал. Сейчас, однако, я иногда начинаю сомневаться, а был ли я прав. Когда на ипподроме произошло убийство Исаяи Круза, там тоже возник один свидетель, некая женщина в красной блузке и джинсах, которая оказалась на месте преступления непосредственно после гибели Круза. Это засвидетельствовал господин Ишигуми по прозвищу «Улыбка ценой в 50 долларов», который проживает вблизи ипподрома и который заявил об убийстве в полицию.

Можно ли считать случайностью то обстоятельство, что оба убийства совершены, так сказать, при свидетелях? А что, если убийц кто-то контролировал? Очевидно, что кто-то мог хотеть лично убедиться в том, что дело сделано.

Я снова побывал в квартире Лемпицкой. На этот раз без ордера на обыск. Да его у меня никто и не потребовал. Впустили и оставили одного в полумраке, от которого пахло заплесневелым роялем, прошедшим годом и завтрашним дождем. Я сидел и слушал устройство, которое перемалывало воздух в окне. В выдвижном ящике стола с копытами вместо ножек я обнаружил тетрадь. Она была странным образом свернута в трубочку, охваченную собачьим ошейником. Внутри, на обороте счета из магазина ароматических трав, было рукой Лемпицкой написано стихотворение:

Твое лицо давно люблю и знаю,
по следу лап, оставленному на снегу
и заметенному твоим хвостом, всю жизнь иду.
Я знаю, ты был превращен из птицы в зверя,
Когда умрешь, ты сбросишь свои перья,
Следы от лап следами станут птицы,
по ним назад смогу я возвратиться.

Неужели такое возможно! Получается, что Лемпицка сочинила любовные стихи, обращенные к борзому псу своего любовника Дистели?

Позапрошлой ночью я вдруг подумал, что за все время расследования дела «Лемпицка — Клозевиц» мне ни разу не пришло в голову задаться вопросом, каково было их финансовое положение. В частности, не было ли долгов у Лемпицкой и как в этом смысле обстоят дела у «Symptom House» — есть ли долги у него? Выгодно ли продавать сны и торговать будущим? Ведь это не совсем обычно и довольно дорого — оборудовать церковь вместо зала заседаний для членов управляющего комитета, или как он там у них называется. Интересно, оплачивалось ли это наличными? Или же использовался кредит? И кому они должны, если у них есть долги?

Разумеется, сначала я отправился в банк покойной леди Хехт «Plusquam city». Нельзя сказать, что меня там встретили с радостью, однако, узнав, что полиция просто хочет услышать «да» или «нет» в ответ на вопрос, брала ли у них кредит фирма под названием

«Symptom House», они поспешили справиться в своих книгах. Ответ был — нет! С такой фирмой никогда не велось никаких дел, и, соответственно, она ничего не может быть должна банку.

Тогда я, как бы мимоходом, задал свой главный вопрос, из-за которого, собственно, и пришел: а были ли у Лемпицкой долги перед этим банком? Поскольку я не мог исключить, что, возможно, это окажется связанным с убийством председателя совета директоров банка леди Хехт. На вопрос, вела ли с ними какие-нибудь дела и не осталась ли что-нибудь должна банку покойная госпожа Лемпицка, я получил ответ, что с ней никогда не было никаких деловых связей, за исключением того, что она арендовала сейфовую ячейку в отделе сейфов высокой степени надежности...

При этом служащие банка смотрели на меня с таким же ужасом в глазах, с каким черепаха из-под своего панциря смотрит на хищную птицу, которая в когтях уносит ее ввысь, чтобы, бросив, разбить о камни и съесть.

Вот что произошло во время моего первого визита в «Symptom House», когда нас с Лемпицкой приняла мадемуазель Сандра. Пока она расспрашивала Лемпицку, не состоит ли та в родственной связи с художницей Лемпицкой, я, сидя на церковной скамье, заметил, что она снабжена выдвижным ящичком, видимо для хранения молитвенников, как я тогда подумал. Незаметно выдвинув ящичек, я заглянул в него. Он был полупустым. Другими словами, что-то я внутри все-таки заметил. И удивился, потому что вместо молитвенника или чего-нибудь в таком роде я увидел прозрачную трубу для сигары и окончание надписи на ней: «...tagas». Теперь я вспомнил, что это было. Это была труба от сигары «Partagas». Теперь зададим себе вопрос: кто там у них курит «Partagas»? А постольку поскольку Клозевиц не курит вообще ничего, откуда мог взяться этот предмет? Не оставил ли его там кто-то из клиентов

«Symptom House»? И так далее. Единственное, что мне известно, — это то, что «Partagas» из таких прозрачных футляров курит сэр Уинстон, а это могло бы означать (если труба от «Partagas» имеет к нему отношение), что существует какая-то связь между Клозевицем и сэром Уинстоном.

Ввиду того что труба прозрачна, ясно видно, что в ней, одно возле другого, находятся по крайней мере три «если»... А это приводит к тому, что дальнейшее расследование в этом направлении упирается в стену молчания.

Цветы в серебряном чайнике, подвешенном к потолку, слегка покачиваются. Сегодня вечером, глядя на этот чайник, я подумал, что молчание всегда наполнено словами. Что покрыто молчанием в случае с Лемпицкой? Что может скрываться за этим молчанием? Как Клозевиц записал те сны? Действительно ли Клозевиц, как он утверждает, добывал их и продавал, или же Дистели и Лемпицка рассказывали ему эти сны, расположившись на кушетке, как у обычного психиатра? А потом он просто записывал на пленку собственную версию этих снов? Подверг ли Клозевиц цензуре сон Лемпицкой о шагах, прежде чем передать его суду? Не стер ли он с пленки те фрагменты, которые могли в той или иной степени его дискредитировать? Трудно что-либо установить. И Клозевиц это знает.

Дождь на улице стихает, я чувствую усталость, появляется половинка луны, а сон ко мне не идет. Течет какое-то полувремя, и я забираюсь в постель, прихватив с собой первую попавшуюся под руку книгу, чтобы почитать под одеялом. Книга немецкая; не помню, когда и почему я купил ее, но, раскрыв книгу, обнаруживаю идущий через всю страницу крупный чернильный автограф и посвящение мне, он написан рукой автора. Тут я вспоминаю, что книга была куплена в надежде узнать от ее автора нечто, что могло бы помочь мне разобраться в одном деле, что надпись сделана на «моей странице» книги и что было бы интересно прочитать хотя бы несколько слов из того, что там написано, потому что автор тогда обратил мое внимание на то, что эти строчки могут содержать некое сообщение, обращенное непосредственно ко мне. А вдруг там говорится что-нибудь и в связи с интересующим меня делом «Лем-

пицка — Хехт — Клозевиц»? Я даже помню короткий разговор, который тогда произошел между мной и писателем.

— Не можете ли вы дать мне один совет? Что делать, если куда ни ткнешься, везде натыкаешься на стену?

— Какую стену? Стену плача?

— Нет-нет, я повсюду упираюсь в стену молчания. Что мне делать?

— Придется и вам немного помолчать, — отрезал он...

Вспоминая эти слова, я открываю книгу и умираю, прежде чем начать ее читать. Утром просыпаюсь и понимаю, что смерть, которая мне приснилась, не была настоящей, хотя, конечно, это все-таки своего рода легкое упражнение в смерти. Во всяком случае, путь, лежащий впереди меня, стал короче пути, оставшегося у меня за спиной, а я даже не знаю, когда это произошло.

Специалист по русскому романтизму, у которого я консультировался в связи со сном Матеуса Дистели о смерти Пушкина, сообщил мне (на основе отчета Александра Клозевица о снах), что нашел в этом сне два следа стихов, действительно принадлежавших Пушкину. Кстати, этого не заметил лингвист, к которому я обращался несколько раньше по тому же поводу. Слова из сна, которые звучат так: «Молчи, ты глуп и молод, не тебе меня ловить!», представляют собой цитату из произведения Пушкина «Сцены из Фауста», а песенка «Крестьяне здесь богаты...» взята из «Евгения Онегина»...

Я заплатил ему за услугу и плюнул. Никакого толку для моего расследования. Однако возникает вопрос: а кто настолько детально знал творчество Пушкина? Подсознание Дистели или Клозевиц? Или, может быть, кто-то третий?

Никогда не мирюсь с поражениями, но победы меня больше не радуют. Этой ночью я пересчитывал свои страхи. Их оказалось больше, чем Божьих заповедей. Общеизвестно, что самый опасный человек в городе — это сэр Уинстон, а я почему-то гораздо больше боюсь Клозевица. Почему-то во время бессонницы дело Лемпицкой постоянно вызывает у меня воспоминание о красивой женщине, которая кладет мне в руку что-то холодное и тяжелое и говорит, обещая, что так для меня будет лучше, следующее: «Даю тебе ложь, чтобы ты не говорил ни черное, ни белое, ни да, ни нет, ни ночь, ни день, ни так, ни не так, ни хочу, ни не хочу, ни то, ни не то...»

И в полудреме понимаю, что быть старшим следователем и следовать такому совету — вещи несовместимые.

Вчера, решив перед сном почитать, я наткнулся на рассказ «Два веера из Галаты». Но даже не начал его. Бросил книгу и взял список предметов, который составил для меня компьютер в связи с расследованием дела Лемпицкой. В качестве *corpus delicti** в списке фигурировал веер мадемуазель Сандры Клозевиц, украшенный звездами из созвездия Рака. Что означает эта группа звезд над ее головой? Рак, как известно, любит свой дом и всегда тянется к нему. Он делает все, чтобы сохранить и улучшить его. Может быть, это знак того, что парочка Клозевиц (если можно их так назвать) готова на все и не остановится ни перед чем, чтобы сохранить свой дом, то есть «Symptom House»? Тогда каким образом и с какой стороны могла бы исходить угроза их соб-

---

* Состав преступления (лат.).

ственности, то есть дому? Долги? Ответа нет, однако, если такая угроза имела место, Клозевиц, конечно же, ни на миг не задумался, что принести в жертву — свой дом или чью-то жизнь. К сожалению, это все, что я могу выжать из веера мадемуазель Сандры. Веер сложен, хотя звезды на нем видны.

Когда Мориса Эрлангена условно освободили, я распорядился на всякий случай установить за ним слежку. Мне хотелось узнать, куда после отбытия наказания он пойдет в первую очередь. Сразу же, как только он выехал на автомобиле из ворот своей виллы, мне сообщили об этом. Я подключился к слежке: он направился прямо в ресторан «Полуночное солнце». Там его ждала женщина. Никогда раньше не доводилось мне видеть такого поцелуя, как тот, которым она его приветствовала. Это была Сандра Клозевиц. Когда я бросил взгляд в зеркало, которое должно было отразить мужскую сторону ее андрогинной природы, то с изумлением обнаружил, что Алексы Клозевица в стекле не было. В тот день он не присутствовал в жизни Сандры, и никто с обритой наголо головой и серьгой в брови не целовался в зеркале с Эрлангеном. С ним целовалась — и перед зеркалом, и в нем — красивейшая женщина, волосы которой

были украшены веером, усыпанным звездами из созвездия Рака. И еще одна деталь. Насколько я смог уловить, в тот день она была в пьянящем запахе «Antracite»...

Столкнувшись с этим запахом и поцелуем, я почувствовал себя ужасно — никому на свете не нужным и лишним. И понял, кто я такой. Я тот, кому другие плюют в руку, когда он работает, и в тарелку, когда ест. Из одного кармана у меня растет пшеница, а из другого трава, в тарелку мне льет дождь, а в постель валит снег. Я тот, кто причесывается вилкой, тот, кто сажает ножи и выращивает зубы, потому что ложки у меня не растут, пока я ем. Вино мне подали в колоколе — если пью, он не может звонить, а если звоню, то не могу пить...

Позавчера мне нанесли неожиданный и невероятный визит. Сестра покойной мадам Лемпицкой, мадемуазель София Андросович, явилась ко мне домой.

— Вам никто не говорил, что об ваши дверные ручки рвутся рукава и что левый глаз у вас отстаёт от правого? Это, дорогой господин старший следователь, означает, — продолжала гостья, расположившись в ближайшем кресле, — что вы можете одновременно видеть две вещи, и в этом ваше преимущество, однако при этом между двумя вашими взглядами на мир может проскользнуть целое нерасследованное уголовное дело...

— Вы мне льстите, мадемуазель Андросович.

— Да, совершенно верно. Но пришла я не за этим. Я нахожусь здесь по причине того, что на суде забыла сказать, что именно это с вами и случилось. Между двумя своими взглядами на мир вы

пропустили нечто существенно важное для дела «Лемпицка & Со».

— ?

— Вы не знаете что? В этой игре, в которую играем все мы — и живые, и мертвые, все, начиная от моей сестры Лемпицкой и до вас, господин старший следователь, существует некто, которого никто и нигде не видел, не упоминал, но он держит в своих руках все нити. Некто, кто спланировал всю эту запутанную историю. Знаете, кто это?

— ?

— Я вам скажу. Это некто, кто знает, что вы тайком пишете в вашей Голубой тетради, кто в любой момент может прочитать там любую строчку. Не исключено, что он делает это даже сейчас. Я знаю, что вы и меня запихнули в эту вашу записную книжку, но он, тот, может и меня и вас вместе с этой книжечкой сунуть в карман и навсегда об этом забыть.

И мадемуазель Андросович с отвращением взяла двумя пальцами Голубую тетрадь, в которую я сейчас записываю эти слова, и взмахнула ею у меня перед носом. Потом вытащила из сумочки флакон и облачком спрея из него надушила все три мои подушки, проговорив при этом:

— Иди ко мне, душа моя, давай разнесем в щепки твою одинокую кровать.

Сегодня вечером, проходя мимо одной витрины, я увидел в ней книгу, на которой было написано:

НОВОЕ!!!

«Уникальный роман»!

Автор «Хазарского словаря» снова придумал для вас невиданную до сих пор литературную игру: роман-дельту!

Это любовный роман, который развивается как детективная история, разветвляющаяся на сто рукавов, ведущих вас к ста разным финалам. Каждый читатель становится обладателем своей личной версии романа и своей собственной развязки истории. Проверьте у вашей подруги или друга. Вы обладаете УНИКАЛЬНОЙ ВЕРСИЕЙ!

К моему изумлению, на обложке книги было изображение револьвера «Combat Magnum». Причем именно той редкой и очень дорогой модели, из которой были застрелены Исайя Круз, леди Хехт и Лем-

пицка — «Distinguished Combat Magnum 586», сталь с голубоватым отливом, рукоятка из резного дерева!

Неужели кто-то уже написал роман о деле госпожи Лемпицкой и ее любовника Мориса Эрлангена еще до того, как мне удалось разгадать его загадку? Вот так темп! Время в наш век быстро стареет. Твой рассвет придется на понедельник, а уже в субботу начнутся сумерки, просыпаешься прославленным и в тот же день засыпаешь забытым, при том что вчерашний день у тебя могут украсть, не успеешь и глазом моргнуть.

Мне снилась Лемпицка. Она сидела перед компьютером в огромном здании санкт-петербургского аэропорта, совершенно пустого. Оставалось непонятным: то ли она ждет своего рейса, то ли здесь место ее работы. Меня она не замечала вовсе, словно вокруг никого нет. Левой рукой она сжимала американский мячик против стресса, а правой «вышивала» в компьютерной программе для рисования изумительной красоты скатерти, шторы и наволочки для подушек. Стоило ей закончить одну вещь, как она стирала ее клавишей «delete» и бралась за новую. Через каждую ее «вышивку» проходит одна и та же тема — звезды созвездия Рака.

Может быть, Лемпицка таким образом пытается обратить мое внимание на АлекСандра(-у) Клозевиц и дать понять, что это он(-а) виновен(-на) во всем, как она и утверждала при жизни?

Уже довольно давно я получил с помощью компьютера перечень всех предметов, которые упоминались в ходе следствия и судебного процесса по делу «Лемпицка & Со». В нем зафиксирован каждый *corpus delicti* и все, что могло бы им быть. Позавчера я просмотрел этот список и выделил из него четыре вещи:

- веер мадемуазель Сандры Клозевиц;
- золотую табакерку в форме яйца, принадлежавшую Дистели;
- фиолетовый платок из банковского сейфа Лемпицкой;
- прозрачную трубу с надписью «Partagas», которая на миг мелькнула у меня перед глазами в выдвижном ящике в «храме» «Symptom House».

По моей оценке, в первую очередь следовало заняться золотым яйцом. Итак, это то самое яйцо, которое (в соответствии с устным заявлением Лем-

пицкой) пропало из квартиры Дистели при попытке ограбления. Но оставим пока в стороне ограбление. Получается, что Дистели что-то нюхал. А что он нюхал? Только ли табак? А может быть, что-то другое, потяжелее? Кокаин?

Я тут же попросил устроить мне встречу с Феликсом, нашим человеком в оперном театре, который следит за оборотом наркотиков в этой сфере.

— Дистели у тебя что-нибудь покупал?

— Да.

— Кокаин?

Феликс расхохотался:

— Да нет! Он покупал только «травку», да и то довольно редко. Судя по всему, у него не было тяги к наркотикам. Видно, его не брало. Это он делал скорее для «понта». Ну, чтобы говорили: Дистели тоже «потягивает».

— Значит, он был вполне безобиден в этом смысле?

— Так, легкие нарушения то там, то здесь. Но ничего, имеющего отношение к нашей программе.

— Ты уверен, что у него не было, помимо тебя, еще одного, настоящего, дилера? Такого, который действовал у тебя за спиной?

— Не думаю. Я бы заметил... Стоп... А в чем он держал табак? В кисете или в металлической коробке?

— В яйце из металла.

— Серебряная табакерка?

— Нет. Она была из золота.

— Вот это да! Не могу поверить!

— Почему?

— Кокаин вступает в химическую реакцию с серебром и портится. Поэтому его держат в чем-нибудь из золота, на которое он не реагирует.

— Значит, вполне возможно, что он тебя ловко провел, и всех нас водил за нос, время от времени покупая у тебя «травку», а на самом деле снабжаясь у другого, настоящего дилера «тяжелым» товаром, то есть кокаином... Так что, дорогой Феликс, тебе есть кем заняться в опере... Мне, к сожалению, нечем, мой уже покойник.

Как я уже записывал где-то в этом дневнике, несколько дней назад я побывал в банке «Plusquam city» и осмотрел сейф покойной Лемпицкой. Там я обнаружил фиолетовый платок... Зачем бы кому-то арендовать сейф в отделе повышенной безопасности самого солидного в городе банка и хранить там платок? Этот платок останется лежать в сейфовой ячейке до тех пор, пока мадемуазель София Андросович, сестра покойной Лемпицкой, будет за нее платить. Затем сейф вскроют в присутствии свидетелей, официально зафиксируют содержимое и передадут его наследникам, если суд установит, что таковые имеются и что, следовательно, фиолетовый платок принадлежит им... Об этом платке следовало бы подумать и внести его в список предметов, которые могли бы быть *corpus delicti*.

Мне вдруг пришло в голову, что, может быть, Эрланген пострадал незаслуженно, что он не превышал меры необходимой самозащиты, когда стрелял в Лемпицку. Что, если Лемпицка действительно намеревалась убить и Эрлангена? Что, если она действительно прицелилась в него и спустила курок, не зная, что в револьвере пусто, ведь она могла и не считать пуль, выпущенных в леди Хехт. В таком случае она действительно не могла знать, что ее «магнум» остался без единого патрона. Этого мог не знать и он.

Следовательно, утверждение Эрлангена о том, что они с Лемпицкой стреляли друг в друга одновременно, правда. И значит, он стал жертвой еще одной судебной ошибки... Но и в таком случае имеется по крайней мере два «возможно».

Я решил позвонить мадемуазель Сандре Клозевиц. Поднял трубку и сказал:

— В прошлый раз, мадемуазель Сандра, вы упомянули о какой-то тайне, связанной с пальцами. Я напомним: ваша левая рука была тогда в перчатке с семью пальцами, то есть в целом у вас как бы было двенадцать пальцев. Вы не можете не согласиться, что это крайне странно. Это обстоятельство не дает мне покоя, и я хотел бы попросить вас буквально в нескольких словах все объяснить.

— Хорошо, я проясню для вас это обстоятельство, хотя Алекса считает, что это могло бы быть для нас опасно. Я, со своей стороны, придерживаюсь того мнения, что если я кому-нибудь расскажу о тайне пальцев, это нас может защитить...

— Может, посмертно! — иронически прокомментировал Алекса, и я понял, что он следит за нашим разговором.

— Будьте уверены, мадемуазель Сандра, — тут же вмешался я, — полиция сделает все, чтобы защитить вас, если вам будет грозить опасность. О какой, собственно, опасности идет речь?

— О, вы меня неправильно поняли. Речь не идет об опасности, которая грозит нам лично, я говорю о нашем ремесле в принципе, об астрологах в целом. В прошлый раз, когда вы приходили к нам, вы видели на мне те самые перчатки. Это были астрологические перчатки. Одна всегда семипалая, вторая должна иметь пять пальцев, так что с первой, той, где пальцев семь, она составляет в сумме дюжину пальцев, то есть по одному пальцу на каждый месяц в году. А следовательно, и на каждый знак зодиака. Таким образом, мои пальцы через астрологические перчатки связаны со вселенной и небесными телами... Тут мы с вами подошли к самой сущности. Если бы кто-то захотел причинить какой-нибудь вред нам или любому другому астрологу, он, скорее всего, начал бы с пальцев. Это наше самое уязвимое место. Если нам отрубить один палец, то мы, в отличие от вас, в случае, если бы с вами сделали то же самое, не просто остались бы изувеченными. Мы были бы изувечены вдвойне. Мы не просто потеряли бы один палец, мы потеряли бы возможность устанавливать астрологические контакты со вселенной и теми областями, где мы вылавливаем сны, теми областями, которые покрывает луна в зодиаке, с которыми мы были связаны тем пальцем, который навсегда утра-

чен... Вот вам и вся история про перчатки, — закончила мадемуазель Сандра. А потом добавила: — Если вы когда-нибудь услышите, что кто-то где-то кого-то лишил, например, мизинца, — тщательно продумайте, господин старший следователь, что это может означать, и в три раза быстрее, чем обычно, бросайтесь за виновным. Потому что он не ограничится одними только пальцами...

Всякий раз, когда я вспоминал эту болтовню, мне в голову приходил один и тот же вопрос: кто же хочет изувечить Клозевица и почему? Ответа у меня не было. А парочке это было известно. Но несмотря ни на что, они молчали, словно воды в рот набрали.

Я снова обратился к списку «предметов», который компьютер выдал мне в качестве перечня возможных улик по делу «Клозевиц — Лемпицка». Мне бросилось в глаза, что в списке отсутствует серьга, которую Клозевиц носит в брови. А ведь именно о ней зашла речь в тот день, когда мы с Лемпицкой познакомились и побывали с визитом в «Symptom House».

Прощаясь после этого на улице, мы обменялись с ней несколькими фразами. Я спросил ее:

— Вы заметили в «храме», пока мы разговаривали с Сандрой Клозевиц, какого-то мужчину?

— Нет. Мне кажется, мы были там одни.

— Та-а-а-к... Странно, очень странно, госпожа Лемпицка. А вы обратили внимание, что мадемуазель Сандра держит в своем «храме» зеркало?

— Да.

— И вы не заметили в этом зеркале ничего необычного?

— Нет. За исключением того, что оно висит в церкви, но это же как бы и не церковь.

— Знаете, это зеркало было повешено таким образом, что в нем могла отражаться только мадемуазель Сандра Клозевиц.

— И?

— Так в том-то все и дело. Вместо отражения мадемуазель Сандры я видел в зеркале отражение мужчины с наголо обритой головой и серьгой в брови. Неужели вы этого не заметили?

— Нет. А я именно что глаз не сводила с зеркала, потому что мадемуазель Сандра время от времени смотрелась в него и поправляла свой смешной веер. Вам все это просто показалось...

Теперь-то я понимаю, что Лемпицка видела в зеркале то, что и должно было бы там отражаться, в то время как я увидел нечто, что там действительно находилось, то есть мужчину с серьгой в ухе.

Разумеется, в этот момент и покойная Лемпицка смогла бы увидеть в зеркале того мужчину, которого зовут Алекса Клозевиц и который каким-то недоказуемым образом виновен в ее смерти.

Во время допроса Эрлангена после убийства на его вилле я спросил его:

— В каких отношениях вы были с Лемпицкой?

— В самых сердечных.

— Что это значит?

— Я с ней пилился.

— А с леди Хехт?

— Ее я долбал.

— В чем разница?

— Вам бы следовало знать, что это означает. Вы же взрослый человек. Леди Хехт я трахал как мужчину, а Лемпицку как женщину.

— Из-за чего вы убили Лемпицку?

— Самозащита. Мы с ней выстрелили друг в друга одновременно.

— Но в ее револьвере не было патронов. Зачем ей было стрелять? Он же был разряжен.

— Но я-то этого не знал.

— Это вы говорите... Ну да ладно, вот только последний вопрос вам задам. Это вы потребовали от Лемпицкой, чтобы она убила леди Хехт?

— Разумеется нет. Она убила ее из ревности. Однако старший следователь не должен был бы задавать вопроса, относительно которого ему заранее известно, что положительный ответ на него не может быть правдивым.

Я познакомился с подругой покойной Лемпицкой. Спросил ее, о чем они говорили, когда виделись в последний раз.

— Точно не помню. Она была какой-то молчаливой.

— ?

— Знаете, она пользовалась уик-эндами как своего рода «виагрой», а понедельниками как пенициллином... Когда мы с ней встретились в последний раз, я, кажется, спрашивала ее о чем-то вроде того, почему у одних оргазм продолжается дольше, а у других короче. Потому, ответила она, что у одних дольше, а у других короче продолжается настоящее, у одних дольше, а у других короче продолжается смерть.

«Умному человеку двух слов хватит, а трех недостаточно!» — подумал я, прощаясь.

Я запросил тюрьму о том, получал ли Эрланген в заключении почту и от кого. Из всего, что они предоставили в мое распоряжение, самой интересной оказалась любовная переписка. Писала ему только одна женщина, и из копии ее почтовой открытки я сделал вывод, что раньше они никогда не встречались. Женщина подписывалась «R. Alfa» и была инициатором этой переписки, к чему ее подтолкнула фотография Эрлангена, опубликованная в газетной криминальной хронике рядом с сообщением о его деле. Она считала его невинно осужденным и хотела своими письмами облегчить ему пребывание в заключении. Что писал ей он, разумеется, неизвестно, но, судя по одному ее письму, которое было вскрыто из-за того, что в конверте находилось что-то твердое, и таким образом оказалось доступно тюремному начальству, она посылала ему любовные стихи

и ждала встречи с ним, после того как он окажется на свободе. Вот эти стихи из письма:

Отнимет время все, что нам ссудило,
Но кроме времени с нас взыскивает правда,
А для нее взять, что давала, — мало,
Захочет больше, чем у нас когда-то было.
Тихонько падает покров со всех вещей,
Их нагота меня, я вижу, раздевает,
Но ты одет сиянием свечей,
И тени чистые тебя от всех скрывают,
А моя тайна только лишь в тебе
Пока еще живет, не умирает.

Я наконец догадался, что у Клозевица был исключительно развитый и тонкий нюх. Об этом ведь даже говорили. Как-то раз Лемпицка сказала мне таинственно, словно раскрывая *corpus delicti* против Клозевица:

— Этот может унюхать, как смердят курицы из книги Киша «Ранние страдания» и лепешка буйвола с рисунка Пабло Пикассо.

Эти слова я запомнил хорошо, но вот никак не могу вспомнить, о ком это недавно прочитал (а может, я это видел во сне?), что у него был такой же хороший нюх... Кто это был? Завтра с утра потребую от компьютера перекопать сны Дистели и Лемпицкой, чтобы найти того, кто там, в снах, обладал прекрасным нюхом...

Из любовной переписки между заключенным Эрлангеном и неизвестной особой я узнал о ней только то, что она подписывалась чем-то вроде шифра — «R. Alfa». Я справился в компьютерных энциклопедиях обо всем, что связано с буквой «альфа». И пришел к заключению, что, скорее всего, «R. Alfa» — это сокращение из области астрологии, которое в расшифрованном виде звучит как *Rektascenzia Alfa*, а такая ректосценция соответствует зодиакальному знаку «Рак». Из этого следует, что женщина, которая писала Эрлангену в тюрьму любовные письма, родилась под знаком «Рак», чем и объясняется то обстоятельство, что на оборотной стороне ее писем вместо имени и адреса стояло изображение пяти звезд раздвоенного созвездия Рака:

*

*

*

*

*

Я тут же задал себе вопрос: где я недавно видел этот знак? Именно таким образом расположенные звезды? Естественно, я вспомнил «Рака» с веера мадемуазель Сандры Клозевиц...

Когда андрогин Алекса Клозевиц появляется в своей мужской ипостаси, у него наголо обритая голова. У кого еще во всей этой истории, связанной с Лемпицкой & Со, обритая голова? И что это значит?

Разумеется, раскрыть это нетрудно. Во сне Дистели о Пушкине самозванец Гришка Отрепьев бреет голову, чтобы избежать чар, которые наслал на него Пушкин своими африканскими иглами. Однако сон Дистели о Пушкине, хотя и находится в нашем распоряжении целиком, так ничего и не говорит о том, были ли самозванец Гришка Отрепьев дьяволом или нет.

Итак, в качестве единственного внятного вывода нам остается только то, что Клозевиц бреет голову, чтобы избежать чьих-то чар, сглаза, ворожбы или проклятия.

Чьих? И почему?

Помощник следователя, который арестовал Эрлангена на месте преступления, откликнувшись на его телефонный звонок с виллы, в первый момент решил, что Эрланген совершил оба убийства: и леди Хехт, и Маркезины Лемпицкой.

По его мнению, события развивались следующим образом: Эрланген пришел с двумя «магнумами» и в перчатках. Из одного «магнума» он убил леди Хехт, из другого Лемпицку, а потом тот «магнум», из которого была застрелена леди Хехт, вложил в руку Лемпицкой. Потому-то на этом оружии и были найдены отпечатки ее пальцев, а сам он признал, что стрелял в нее, защищая свою жизнь.

Такое предположение выглядело очень интересным, но оно не подтвердилось проведенными позже баллистическими и другими экспертизами.

В судебных документах, связанных с делом «Лемпицка, Клозевиц & Со», имеется дата рождения Клозевица. Он родился в апреле, и его зодиакальный знак «Овен». Если поинтересоваться, какой знак самый несовместимый с «Овном», то окажется, что это «Рак». А ведь именно этот знак носит на своем веере Сандра Клозевиц.

Возможно ли, чтобы андрогинные существа имели разные зодиакальные знаки в зависимости от того, в какую сторону они повернуты — в мужскую или в женскую, к Солнцу или к Луне?

И снова мои мысли возвращаются к рикошету из сна Дистели о Пушкине. Можно сказать, что это главная нить сна. Что же, в сущности, говорит нам этот сон? Кто был на мушке в деле «Дистели — Лемпицка», в кого пуля даже попала, но, отскочив от какого-то гладкого предмета, изменила направление, оставив невредимым того, кому была предназначена? Рикошет! В моем следствии в кого-то промахнулись, хотя должны были в него попасть. Кто это? Может быть, какой-то неизвестный, который стал хозяином золотого яйца, принадлежавшего Дистели?

Вчера я снова встретил мадемуазель Софию Андросович, сестру покойной Лемпицкой. Когда мы с ней уселись, заказав какие-то аперитивы, она посмотрела на меня своими дивными пестрыми глазами и сказала:

— А ты заметил, что во сне день рождения у человека совсем не тогда, когда наяву? Во сне дата нашего рождения отодвигается на тысячи лет в прошлое. Таким образом, наше бессмертие начинается еще до нашего рождения и может измеряться во времени до бесконечности в прошлое. Это, возможно, единственное бессмертие, которое у нас будет. Так что во сне мы не просто старше, чем наяву, во сне мы бессмертны. Я не знаю, живет ли время в будущем, но знаю, что в прошлом его наверняка больше нет. Может быть, и то, что называют будущим, на самом деле представляет собой только болезнь времени. А в прошлом есть только вечность. И ты на дне...

— А как вы объясняете дело Клозевица? У Алексы и Сандры разные дни рождения не только во сне, но и наяву. Его — под знаком «Овна», а ее под знаком «Рака». Разве андрогинное существо может иметь две даты рождения? Одну для мужской, а другую для своей женской стороны природы?

— Говорить о Клозевице я бы не хотела. Скажу только, что их даты рождения рассчитываются не так, как наши. И это всё.

Снова меня охватило навязчивое желание призвать духов. Ввиду того что на службе мне дали десятидневный отпуск, я взял билет до Каира, где собирался нанести визит предсказательнице Зоиде из коптской части города, той самой, которую мне порекомендовали в Париже. Нашел я ее поблизости от коптской церкви, она была занята тем, что раскрашивала женщинам глаза в древнеегипетском стиле.

— Ты хочешь призвать чью-то тень из мира мертвых? — спросила она меня, как только мы остались одни.

— Да.

— Как зовут эту особу?

— Маркезина Андросович-Лемпицка.

— Под каким знаком она родилась?

— Под знаком «Водолей».

— Ты был знаком с ней лично?

— Да.

— Какой вопрос ты хочешь задать ей?

— Кто виновен в ее смерти.

— Есть у тебя какой-нибудь принадлежавший ей предмет или книга, которую она читала?

О возможности такого требования меня предупредили те, кто рекомендовал обратиться к этой вооруженной из Каира, так что я достал из кармана и протянул ей письмо, написанное Маркезине ее отцом. Зоида положила руку на письмо, закрыла глаза и сказала:

— Для того, чтобы призвать ее, важно, чтобы ты сам «очистился» и открылся по отношению к ней, а не наоборот.

— Как это делается?

— Как только тебе приснится какой-нибудь чужой сон, на следующее утро ты «чист».

— А как я узнаю, что мне приснился именно чужой сон?

— Такое случается со всеми, и совсем не так уж редко. Просто люди не обращают на это внимания и сразу же всё забывают. Определить, что тебе снится чужой сон, можно следующим образом: в таком сне обязательно кто-то просыпается до того, как проснешься ты. А те, кто просыпаются в чужих снах, выбирают для этого сны, которые не воняют, чистые сны. Если выбран твой сон, это означает, что ты в тот день «чист», так что Лемпица сможет тебя узнать и посетить. После того как проснешься, попробуй как можно точнее вспомнить, как выглядела Лем-

пицка. И все, что начнется после этого момента, будет ответом на твой вопрос.

— В каком виде я получу этот ответ?

— Ты напишешь его сам, собственной рукой. Предварительно сделай список всех своих «энергий», таких как любовь, печаль, холод и прочее, и каждую обозначь любой буквой алфавита, какая придет тебе в голову. Дальше все пойдет просто. Каждый день ты будешь записывать, какая «энергия» дала знать о себе первой. То есть было ли тебе в это утро холодно, или у тебя болел зуб, или ты почувствовал голод, жажду, жар и так далее. Постольку поскольку все твои «энергии» уже помечены теми или иными буквами алфавита, тебе нетрудно будет прочитать то, что госпожа Лемпицка захочет тебе сказать...

После этого я поехал к пирамидам Гизы, почти уверенный, что мне больше никогда в жизни не придет в голову соблазн вызывать духов. Прощаясь, Зоида взяла мои руки в свои и посмотрела мне в глаза:

— Берегись! Если тебе удастся ее вызвать, для тебя это плохо кончится.

На прошлой неделе ко мне обратился адвокат, который представлял интересы сестры Лемпицкой, Софии Андросович, в деле против Клозевица. Он хотел сообщить мне нечто в связи с этим делом.

— Знаете, господин старший следователь, при жизни госпожи Лемпицкой я был и ее адвокатом. Был такой момент, когда она собиралась обвинить Клозевица в сексуальном принуждении и коммерческом обмане. Она поделилась со мной этим, перед тем как уехать.

— А куда она ехала? В Каир?

— Да. Со своим тогдашним любовником Эрлангеном.

— И почему же вы не выдвинули такое обвинение?

— Вернувшись, она отказалась от этой мысли. Заявила, что все это просто выдумала.

Только позже я сообразил, что надо бы поинтересоваться у мадемуазель Софии Андросович (сестры покойной Лемпицкой), нет ли у нее чего-нибудь из вещей, принадлежавших ее сестре. Она ответила, что мой вопрос — это соль на ее незажившую рану, упомянула о том, что обе они выросли, так и не познакомившись со своим отцом, которого мать к ним вообще не подпускала. Лишь после его смерти им сказали, что отцу были известны их имена, что он писал им, но, не зная, куда посылать эти строки, оставлял их в своем архиве, который был завещан Софии Андросович. Она дала мне одно письмо, которое отец написал Лемпицкой:

Дорогая незнакомая дочь, любимая моя Маркезина!

Твоя мать как-то вечером, во Франции, продемонстрировала мне, как хорошо она умеет танце-

вать танго, но при этом призналась, что ее совершенно не интересуют слова, которые сопровождают танец. Она тогда сказала, что любовная поэзия, с тех пор как существует, обращена отнюдь не к женщинам (за исключением нескольких стихотворений, написанных Сафо и некоторыми другими поэтессами), что она представляет собой чистой воды мужское состязание и стремление поважничать друг перед другом тем, у кого из мужчин самый красивый павлиний хвост и самый лучший рог изобилия. Поэтому, сказала она тогда, поэзия ее не интересует, ведь она обращена не к ней. Кроме того, резюмировала она, танцуют под музыку, а не под слова...

Я обнаружил нечто, что можно было бы назвать «Лекция о том, как читать поэзию», и посылаю тебе эти стихи скорее для того, чтобы они напоминали о вышеупомянутом разговоре между твоим отцом и твоей матерью, а не затем, чтобы по ним научить тебя читать поэзию. Это единственная причина, по которой я шлю тебе это стихотворение. Написал его не я, просто оно переписано для тебя моей рукой:

Давай научу тебя, как надо читать стихи.
В воду войди, ладони сложи, вытяни руки свои.
Итак, ты готова? Теперь подбородок
Вверх и вперед подними. С течением не борись,
Внимательна будь к воде:
Ведь эта вода, чуть что, сама захлебнется в тебе.
Бросают тени слова и целятся в них попасть,

Когда попадут — умрут, а не попадут, говорят:
«Неважно, где ты стоишь, умей быть точным везде!»
Трудно? Но ближе не стать, если на месте стоять.
Свой волос потом возьми и между страниц вложи.
Быть может, завтра увидишь, два волоса там лежат,
Как будто ты что-то сажала и пришла урожай собрать.
Если, конечно, вообще ты за книгу возьмешься опять.
Ведь утром, когда проснешься, обычно и невдомек,
Сколько уже пощечин тебе успели раздать.

Уже довольно давно я отметил, что в ходе следствия не поинтересовался подробнее (за исключением официального медицинского заключения о смерти) положением Дистели в больнице во время лечения. Почему — спрашиваю я сам себя — почему я не поговорил с его врачами о его поведении в те дни? Например, оказывали ли ему в больнице психологическую помощь? Приват-доцент Арнольд Гец, у которого я вчера побывал, любезно согласился ответить на мои вопросы. Именно он как психиатр занимался Дистели.

— Разумеется, Дистели рассказывал мне о своем сне, связанном с Пушкиным, — начал он, — и мне сразу же бросилось в глаза, что очень большое внимание там уделялось генеалогическому древу поэта и его предкам. Даже африканские иглы, которые используются в качестве рычагов воздействия на других людей, от которых хочешь чего-то добиться,

в этом сне фигурируют в качестве унаследованных поэтом от прадеда. Для того чтобы понять эти элементы сна Дистели, вспомним, что в психиатрии те или иные вещи могут рассматриваться в рамках индивидуального бессознательного (Фрейд), коллективного бессознательного (Юнг) и семейного бессознательного (зомби). Оставим в стороне вопрос о том, как встречен научным миром третий, самый молодой метод, метод семейного бессознательного. В данном случае мы, видимо, сталкиваемся со случаем, который свидетельствует, что Дистели имел, или ему казалось, что имел, в своей семье кого-то, от кого он унаследовал способность силой принуждать окружающих его людей (во сне это «демоны») делать то, что кажется ему важным. И с этих позиций было бы весьма важно исследовать, является ли все это просто сном, и только сном, или же имеет реальные исторические корни в той части сна о Пушкине, который связан с прадедом поэта.

Если сон о предке Пушкина всего лишь плод подсознания Дистели, это указывало бы на то, что Дистели унаследовал некую семейную склонность к насилию, стремление заставлять своих близких исполнять его желания и соответствовать его намерениям. Однако, если этот фрагмент сна Дистели основан на реальных фактах, о которых он мог узнать из литературных и исторических источников, это означало бы нечто совершенно другое и

привело бы нас к иным выводам. Но для того, чтобы в этом разобраться, нам необходим специалист по истории...

На этом доктор Арнольд Гец закончил нашу беседу, и я откланялся в полном недоумении, следует ли мне и дальше углублять яму, из которой я хочу выбраться.

В результате судебного разбирательства было вынесено решение, что сестра покойной госпожи Лемпицкой, мадемуазель София Андросович, за неуважение к суду должна заплатить денежный штраф. Дело в том, что на каждый вопрос, который ей задавали во время суда, она отвечала всегда одно и то же:

— Вы не поверите, но каждое утро, стоит мне встать, я старательно расчесываю волосы своей души, заплетаю их в косу и забрасываю ее за спину... Ваши же души ужасно распатланы! Но вы этого и не замечаете. Неудивительно, что вы ничего не видите, потому что распатланные души заслоняют вам глаза... Причешите свои души, господа судьи, присяжные и вы, господин старший следователь Строс!

На днях мне пришло в голову, что в связи со смертью Дистели я недостаточно тщательно прочесал оперу. Узнав, что партию покойного Дистели в опере Мусоргского поет теперь известный бас Исаак Заборовски, я пригласил его на чашечку кофе.

На мой вопрос, считают ли в оперной труппе смерть Дистели исключительно результатом его болезни, или есть и другие «слухи», Заборовски громко расхохотался, но посреди этого смеха, который вдруг разом состарился и обмяк прямо у него на губах, замер, и глаза его шмякнулись на меня, как два голубца из квашеной капусты.

— Хе-хе-хе, как вам сказать... Есть такая информация — насчет того, что Борис Годунов отравился. Испугался, мол, этого смерча злодеяний и ненависти, которым себя окружил, собрался с духом и при помощи небольшого количества мышьяка положил всему конец...

— Небольшого количества чего? — спросил я изумленно.

— Мышьяка, яда, чего же еще?

— А откуда у вас такая информация и кто в опере распространяет такие слухи?

— Как это — откуда, господин старший следователь? Из литературы, ясно. Готовясь к исполнению роли какой-нибудь крупной личности, мы — и оперные певцы, и актеры драмы — всегда интересуемся подробностями судьбы своего героя...

— Какой судьбы?

— Ну, жизненного пути.

— Так вы говорите о судьбе Дистели или о судьбе Годунова?

— То, что Борис Годунов отравился, можно найти в книге, анонимно изданной в Венеции еще в 1772 году. Это написано и в нашей программке. А что касается Дистели, то он исполнял эту роль до тех пор, пока не... ну, скажем, пока сам не устранился со сцены. И если вы пришли, чтобы спросить меня, не устранил ли его, не дай бог, тем или иным способом кто-нибудь из оперы, то я вам скажу, что ни в чем таком не было никакой нужды. Дистели устранился сам...

И Заборовски сунул мне в руки программку, в которой значилось, что заглавную роль в опере Мусоргского поет теперь он.

Я отлично знаю, чего я не знаю. И всегда знал это. Я далек от всей этой зауми, которой занимаются спиритисты, и доверия у меня их мир не вызывает. Но может быть, следует все-таки проникать и в такие сферы? Может быть, именно там лежит ответ на вопрос, кто виновен в смерти Лемпицкой.

Размышляя о такой возможности, я занес в эту тетрадь список всех своих «энергий», таких как голод, боль, гнев, тошнота, запах, смрад, радость, смех, плач, любовь, жажда и т. д., и т. д. Все то, из чего состоит, как говорят спиритисты, «эссенция» нашей жизни здесь и воспоминания о жизни там, за чертой смерти. Затем я пометил все эти «энергии» в произвольной последовательности буквами от А до Z. Осталось последнее — увидеть чей-то чужой сон, как мне и посоветовала каирская колдунья.

Похоже, что однажды утром такое и произошло. Кто-то другой проснулся в моем сне, это был мужчи-

на, и я встал с непонятным вкусом во рту и понял, что мне снился именно чужой сон, который улету-чился, стоило мне глянуть в первое попавшееся зер-кало. Посмотрев в зеркало, я понял, что «чист» и что мысль о Лемпицкой может сделать возможным наш контакт. В воспоминаниях того утра Лемпицка пред-ставала передо мной во всей роскоши своей красоты, пахнувшая духами «Addict Dior». Я настороженно сле-дил за самим собой — какая из моих «энергий» пер-вой подаст голос. Но тщетно, я ничего не чувствовал. Даже голода. И лишь в полдень до меня дошло, что в тот самый момент, как я задал себе этот вопрос, от-вет был передо мной — запах. Причем ее запах. Духи Лемпицкой «Addict Dior». В моем списке «энергий» слову «запах» соответствовала буква Н. И я вписал его в эту тетрадь. Итак, Маркезина Лемпицка подала голос. Ее ответ записывала моя рука, но не под дик-товку тени Лемпицкой, а под диктовку «энергий», ко-торые нас связывали.

На следующий день записанной буквой оказа-лась О. Тем временем в моих воспоминаниях Лем-пицка старела. Она была уже наполовину седой. Я ужаснулся. Но мое дело успешно продвигалось вперед. Последовала буква Я, потом Б, но тут Лем-пицка замолчала. Ни полслова. У меня оказалось записано только «НОЯБ...» Затем, как-то утром, она предстала в моих воспоминаниях такой стройной и прекрасной, как никогда, казалось, что отлив седи-ны, охвативший ее волосы, делал ее все моложе и

моложе, пока под конец, когда я мог прочитать уже все слово, Лемпицка в моих воспоминаниях не обрела снова свои изумительные волосы и губы цвета клубники, которые она некогда подкрашивала, глядя в глаза борзого пса Дистели...

В Голубой тетради слова Лемпицкой таинственным образом сообщали мне ответ на вопрос, кто именно виновен в ее смерти. Ответ был более чем поразительным. Словно он и не был ответом на мой вопрос.

«НОЯБРЬ ПЕРВОЕ» — вот как он выглядел.

Что за чушь! — первое, что пришло мне в голову, прежде чем я закрыл Голубую тетрадь.

После того как психиатр из больницы, в которой умер Дистели, порекомендовал мне продолжить поиски элементов семейного бессознательного наследия в сне Дистели о Пушкине, я воспользовался его советом и обратился за помощью к историкам. Я исходил из того, что сон Дистели о Пушкине главным образом связан с методами принуждения (магия вуду и иглы), унаследованными от прадеда Пушкина. Встретившись с одним рекомендованным мне историком из университета, я спросил его, есть ли для всего этого какие-нибудь основания в исторических фактах, связанных с предками Пушкина, или же это фантазии Дистели, перенесенные его подсознанием в его сон.

Ознакомившись с отчетом Клозевица о сне Дистели, особенно с той его частью, которая говорит о предке Пушкина, профессор-историк сделал вывод, что в основном все это дело базируется на исторических фактах.

Поняв, что и на этот раз снова уперся в стену, я из соображений приличия выслушал некоторые факты, касающиеся происхождения Пушкина, которые сообщил мне профессор.

Прадед Александра Сергеевича Пушкина действительно был из Африки, из семьи вождя одного племени. Он был самым младшим из девятнадцати братьев. У него была и старшая сестра по имени Лаган; когда ему исполнилось восемь лет, она подарила ему африканские иглы, научила, как ими пользоваться и как тайно носить их всегда с собой, спрятав в буйных кудрявых волосах, кроме того, она научила его распознавать эти иглы и применять их для магии. Родившиеся и выросшие на берегу Средиземного моря, дети любили купаться. Именно здесь, на берегу, мальчика и схватили однажды торговцы рабами. Лаган долго плыла за судном, которое увозило ее брата в неизвестном направлении. Мальчика доставили в Царьград, на рынок рабов, и тут его купил некий богатый вельможа — это был состоявший на дипломатической службе граф Савва Владиславович Рагузинский. Не исключено, что именно иглы, которые он сразу заметил в волосах красивого чернокожего мальчика, привлекли к нему внимание графа, который разбирался в магии и умел ворожить, глядя на металлические монеты, при этом годы того, кто был объектом его ворожбы, пересчитывались в денежную сумму. Новый хозяин маленького черного мальчика, граф Рагузинский, обладал большой

силой в двух государствах, его портрет писал Ван Дейк, а жена Рагузинского происходила из семьи венецианского дожа и в качестве приданого принесла своему мужу венецианское палаццо. Второй дворец Рагузинский получил в Петербурге от императора Петра Великого, к которому он поступил на службу и отличился во время Полтавской битвы тем, что ввел одно ценное новшество — организовал систему своевременной доставки русской армии пищи и боеприпасов в ходе этого сражения.

Маленького черного мальчика граф Рагузинский подарил царю, и тот крестил его в Вильно, дав ему в качестве отчества свое имя: Авраам Петрович Ганнибал. Позже послал его учиться: сначала в российскую военную школу, потом во французскую, в Париже, где потом и женил его на невесте из русской боярской семьи. Ганнибал продолжал оставаться верным другом Рагузинского, и когда царь направил графа в качестве посланника в Китай, Ганнибал возглавил сопровождавший его военный отряд, захватив с собой африканские иглы вуду, к которым на обратном пути из Китая добавилось и несколько китайских иголок. Эта поездка, предпринятая с целью разграничить российскую и китайскую империи, была далеко не безопасной, но Ганнибал и Рагузинский умели защищаться не только силой оружия, но и другими способами...

В четверг я виделся с мадемуазель Софией Андросович, сестрой покойной Лемпицкой. Мы пили чай в кафе «У красного петуха». Там очень приятно, ложки и вилки черного цвета, нам подали чай «Акбар» и африканские пирожные из зеленой муки.

— Знаете ли вы, что такое чай? — неожиданно спросила меня София.

— ?

— И что такое вообще все горячие напитки и наша потребность в них? Они — замена крови.

— Крови?

— Да. Именно крови, горячей крови только что убитых животных, которую мы перестали пить уже давно, еще несколько тысяч лет назад. Но жажда крови и исконная потребность в горячих напитках, прежде всего в молоке, а если его нет, то в горячей крови, все еще живы в нас. А некоторые до сих пор так и не отреклись от этой древней звериной при-

вычки. Например, убийцы вроде Дистели или Лемпицкой. Для них не было дилеммы: чай или кровь...

— Не верю, — сказал я ей, — за ними стоит какой-то кровопийца, который толкнул их на это убийство. И я его найду, тогда увидите, что прав был я, а не вы.

«Клозевиц убит!» — подумал я, просыпаясь. Мне снился чей-то чужой сон. В Египте говорят, что чужие сны снятся часто, просто они не запоминаются и после пробуждения исчезают.

Насколько мне известно, Софии Андросович время от времени снились вместо ее собственных снов сны ее сестры.

Как бы то ни было, из этого чужого сна я вроде бы что-то все же запомнил. Это какая-то каменная лестница со статуей, которая воняла козами. Там же были два уставших зеркала и кто-то, кто тут же чихал, стояло ему попытаться улыбнуться. Он мне виден не был, я видел только кисть его руки на мраморных перилах лестницы. Пальцы этой руки не имели ногтей.

«Клозевиц убит», — говорит мне из темноты этот незнакомец без ногтей и снова чихает, вместо того чтобы улыбнуться.

Я тут же навел справки. Чужой сон оказался ложной тревогой. Клозевица не убили. Кто его не убил?

Сегодня первое ноября 2003 года. Сегодня поздно вечером у меня назначена встреча за ужином с В., который больше меня знает о деле «Дистели — Круз — Лемпицка — Хехт». Думаю, не Клозевиц, а он стоит за всеми этими убийствами. Но его имя я не хочу упоминать даже в дневнике. Дом строят начиная с фундамента, а расследование — начиная с крыши. На этот раз у меня есть улики, достаточные для ареста. Если я сумею его как следует прижать и если останусь жив после этой встречи, то наконец-то впишу это имя не только в дневник, но и в судебные анналы.

На случай, если я не вернусь с этого ужина и эта запись в Голубой тетради останется последней, суду будет известно, кого преследовать за мое убийство, потому что его имя я вложил в сейф покойной госпожи Лемпицкой в банке «Plusquam city». Доступ к этому сейфу после убийства госпожи Лемпицкой имеет только полиция...

Р. С. Пусть Небо смилуется над тем, кто шагнул в шестьдесят первый год, а Богу должен шестьдесят лет.

Содержание

Инструкция по чтению этой книги (с. 5)

I. УЛЫБКА ЦЕНОЙ В ПЯТЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ (с. 7)

1. «Kenzo» (с. 9)
2. «Old Spice» (с. 15)
3. «Poison» (с. 18)

II. ЗОЛОТОЕ ЯЙЦО ДЛЯ НЮХАТЕЛЬНОГО ТАБАКА С КОКАИНОМ (с. 23)

1. «Hugo Boss» (с. 25)
2. «Addict Dior» (с. 28)
3. «Magnum» (с. 37)

III. СЕДЬМАЯ ПУЛЯ (с. 45)

1. «Must Du Cartier» (с. 47)
2. «Antracite» (с. 54)
3. «Envergure» pour homme (с. 64)
4. «Addict Dior» + «Dolce&Gabbana» (с. 70)
5. «Addict Dior» + «Dolce&Gabbana» + «Poison» (с. 79)

IV. ПРИГОВОРЫ (с. 85)

ПРИЛОЖЕНИЕ

(Отчет о снах) (с. 91)

Первая часть отчета, который по требованию суда
предоставил Александр Клозевиц (с. 94)

Сон покойного оперного певца господина

Матеуса Дистели о смерти Пушкина (с. 97)

Вторая часть отчета, который по требованию суда
сделал Александр Клозевиц (с. 124)

Сон покойной госпожи

Маркезины Андросович-Лемпицкой о шагах (с. 126)

ЭПИЛОГ, или ГОЛУБАЯ ТЕТРАДЬ (с. 161)

Литературно-художественное издание

Милорад Павич

УНИКАЛЬНЫЙ РОМАН

Ответственный редактор *Антонина Балакина*

Художественный редактор *Егор Саламашенко*

Технический редактор *Виктория Вершинина*

Корректор *Екатерина Волкова*

Верстка *Максима Залиева*

Подписано в печать 10.09.2010.

Формат издания 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,48. Тираж 4000 экз.

Изд. № 90913. Заказ № 3735.

Издательство «Амфора».

Торгово-издательский дом «Амфора».

197110, Санкт-Петербург,

наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.

www.amphora.ru, e-mail: secret@amphora.ru

Отпечатано по технологии CtP

в ИПК ООО «Ленинградское издательство».

195009, Санкт-Петербург, Арсенальная ул., д. 21/1.

Телефон/факс: (812) 495-56-10.

В издательстве «Амфора»
вышли произведения
Милорада Павича:

*Мушка: Три коротких нелинейных
романа о любви*

*Биография Белграда. Роман
как держава*

Хазарский словарь: Мужская версия

Хазарский словарь: Женская версия

Пейзаж, нарисованный чаем

*Внутренняя сторона ветра:
Роман о Геро и Леандре*

*Последняя любовь
в Константинополе*

Звездная мантия

*Ящик для письменных
принадлежностей*

Семь смертных грехов

Готовятся к публикации:

Другое тело

Бумажный театр

Полное собрание новелл

Автор «Хазарского словаря» снова придумал для своих читателей невиданную до сих пор литературную игру: роман-дельту. Это любовный роман, который развивается как детективная история, разветвляющаяся на сто рукавов, ведущих к ста разным финалам. Каждый читатель становится обладателем своей личной версии романа и своей собственной развязки истории.

